

Феодорит Кирский

История боголюбцев

Содержание:

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
I. ИАКОВ НИЗИБИЙСКИЙ	4
II. ИУЛИАН	7
III. МАРКИАН	12
IV. ЕВСЕВИЙ	16
V. ПУБЛИЙ	19
VI. СИМЕОН ДРЕВНИЙ	20
VII. ПАЛЛАДИЙ	22
VIII. АФРААТ	23
IX. ПЕТР	26
X. ФЕОДОСИЙ	29
XI. РОМАН	30
XII. ЗЕНОН	31
XIII. МАКЕДОНИЙ	32
XIV. МАИСИМА	35
XV. АКЕПСИМА	36
XVI. МАРОН	37
XVII. АВРААМ	37
XVIII. ЕВСЕВИЙ	39
XIX. САЛАМАН	40
XX. МАРИС	40
XXI. ИАКОВ	41
XXII. ФАЛАССИЙ и ЛИМНЕЙ	46
XXIII. ИОАНН, МОИСЕЙ, АНТИОХ и АНТОНИН	47
XXIV. ЗЕБИНАС и ПОЛИХРОНИЙ	48
XXV. АСКЛЕПИЙ и ИАКОВ	50
XXVI. СИМЕОН	50
XXVII. ВАРАДАТ	55
XXVIII. ФАЛЕЛЕЙ	56
XXIX. МАРАНА и КИРА	57
XXX. ДОМНИНА	58
XXXI. О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ	59

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Хорошо быть очевидцем подвигов наилучших мужей и поборников добродетели, и, взирая на них своими глазами, извлекать для себя пользу. Всё достохвальное когда видишь его собственными очами, является привлекательным, становится вождельным и внушает зрителю желание приобщиться к нему. Но немало пользы приносят и повествования о таких добродетельных свершениях передаваемые очевидцами тем людям, которые сами их не видели. Зрение, как говорят некоторые, достовернее слуха; однако и слух заслуживает доверия, если он умеет различать истинность сказанного. Как языку и гортани свойственно различать сладость, горечь и другие качества пищи, составляя своё суждение о ней, так и слуху вверена способность распознавания слов, и он способен отличать речи, приносящие какую-либо духовную пользу, от речей, наносящих вред.

2. Поэтому, если бы полезные повествования могли бы сохраниться в памяти неповреждёнными и тьма забвения, как отверстая бездна, не поглощала бы их, то, без сомнения, излишне и бесполезно было бы

записывать их, поскольку польза, которую они приносят, и без записи легко бы достигала позднейших поколений. Но как время повреждает тела, заставляя их стареть и умирать, так оно губит и память о благих свершениях, покрывая забвением и изглаживая воспоминания о них; поэтому никто не может укорить нас за то, что решились описать житие бого-любивых мужей. Ведь подобно тому, как врачи, которым вверяется лечение тел, приготавливают лекарства, чтобы бороться с болезнью и помочь страждущим, так и труд написания подобного рода сочинения подобен спасительному лекарству, помогающему в борьбе с забвением и способствующему сохранению памяти. Не странным ли было для нас, когда поэты и историки описывают воинские подвиги, а трагики открыто изображают тщательно скрываемые несчастья, увековечивая в своих сочинениях память о них, когда некоторые тратят слова на комедии и шутки, - не странно ли было бы нам предоставить забвению мужей, которые в смертном и страстном теле явили бесстрашие и поревновали бесплотным Ангелам? Какого бы накаляя ни были мы достойны, если бы с равнодушием допустили угаснуть памяти об их достойных удивления подвигах? Ведь если они, сами будучи подражателями высшего любомудрия древних святых, начертали память о них не на меди и не в сочинениях, но, запечатлев в сердце всю их добродетель, самих себя соделали как бы одушевлёнными образами и памятниками их, то разве может быть какое-либо извинение нам, если мы даже письмена не почтим их славной жизни?

3. В честь борцов и кулачных бойцов, подвизающихся на Олимпийских играх, выставляют их изображения; также и возницы, победившие на конских ристалищах, получают ту же награду. Но не только: даже женоподобные мужчины, которые играют на сцене роль женщин, так что не знаешь, мужчины ли это или женщины, удостоиваются изображения на досках от любителей подобных зрелищ, соревнующихся в том, чтобы как можно дольше сохранить память о них, хотя эта память приносит вред, а не пользу для души. Несмотря на этот вред, почитатели удостоивают подобных людей живописных изображений, каждый — своего любимца. Поскольку смерть захватывает свою добычу — смертное тело, то эти почитатели, смешивая краски и запечатлевая ими изображения своих любимцев на досках, умудряются сохранить память о них и после смерти.

Мы же запечатлеем в письменах жизнь, которая учит любомудрию и подобна жизни обитателей неба. Не телесные черты будем мы живописать, чтобы являть их отпечатления людям неведающим, но образуем идеалы незримых душ и покажем невидимые брани и сокровенные прения воинов Христовых.

4. В такое всеоружие облек их военачальник и передовой боец фаланги их - святой Апостол Павел, глаголающий: «Облекитесь во всеоружие Божие... дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф.6,11,13). И еще: «станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф.6,14-17). Облечив воинов Христовых в такое всеоружие, он вывел их на подвиги. И природа врагов их такова же: она — бестелесна, невидима, способна нападать незаметно, скрытно строить козни, внезапно и неожиданно поражать. Этому научает воинов Христовых их воевода, сказавший: «...наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф.6,12). Однако, и имея таких противников, сонм этих святых, или, точнее, каждый из них в отдельности, окруженный множеством подобных врагов (ибо эти враги напали не все разом, но в одно время приступали к одному, в другое — к другому), одерживал столь славные победы, что обращал супротивников в бегство, поражая их на бегу, и в память победы воздвигал трофеев, не встречая уже никакого препятствия.

5. Победу же эту святым доставила не их природа, сама смертная и преисполненная бесчисленными страстями, а их воля, привлекая к себе благодать Божию. Пламенно возлюбив Божественную Красоту, с радостью решившись всё совершить и всё претерпеть ради Возлюбленного, они мужественно перенесли восстание страстей, с усилиями отразили шквал ударов диавола, и, говоря словами Апостола, «усмиряя и порабощая своё тело» (1 Кор.9,27), угасили пламень яростного начала души и заставили умолкнуть волнения её желаний. Постом и беспрестанным бодрствованием усыпив страсти и укротив их порывы, они заставили тело примириться с душой и прекратили врождённую борьбу между ними.

6. Водворив таким образом мир между душой и телом, они отогнали от себя всю толпу врагов, которые, не зная сокровенных помыслов души и не имея содействия со стороны членов состава человеческого, уже не могли успешно нападать. Ибо стрелами, метаемыми в нас, служат для диавола члены нашего естества. Поэтому если глаза не обольщены, слух не очарован, осязание не услаждено каким-либо приятным ощущением и ум не воспринимает лукавых желаний, то тщетны все усилия злоумышленников. Как города, построенного на возвышенности, ограждённого толстой стеной и со всех сторон окружённого глубокими рвами, не может взять ни один неприятель, если не найдётся предателя среди его обитателей, который открывает врагам какой-нибудь потаенный вход, так и бесы, нападающие извне, не могут овладеть душой, ограждённой благодатью Божией, если только какой-нибудь нечистый помысел не откроет потаенного входа наших внешних чувств и через него не впустит врага внутрь.

Получив наставление относительно этого из Священного Писания и вняв гласу Божию, глаголающему через пророка: «взыде смерть сквозе окна» (Иер.9,21), ублажаемые нами святые закрыли свои чувства, словно запорами и замками, Божиими законами, вручив ключи от них уму, так что без повеления ума язык их не отверзал уста, зрачки не смели показаться из-за ресниц, если им не было это позволено, а слух, будучи не в состоянии заградить своего входа чем-нибудь наподобие ресниц или уст, уклонялся от бессмысленных речей и принимал только те, которые услаждали ум. Точно так же они приучили обоняние не питать страсти к благоуханиям, которые способны изнежить и расслабить душу. Подобным же образом удалили они от чрева пресыщение, научив его принимать только то, что приносит не удовольствие, а пользу, да и такой пищи вкушали ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы не умереть с голоду. Еще они уничтожили сладостную тиранию сна и, освободив ресницы от его рабства, научились, вместо покорения ему, владычествовать и пользоваться им не тогда, когда он нападает, но лишь тогда, когда они сами призывают его для краткого подкрепления естественных сил.

Позаботившись таким образом об ограде стен и укреплении ворот, а также водворив согласие между внутренними помыслами, они посмеивались над нападающими извне врагами, которые не могли силой вторгнуться внутрь их града. Ибо святые были ограждены Божией благодатью и внутри у них не было изменника, который бы решился впустить врагов. А враги, имеющие невидимую природу, не могли овладеть их телом — видимым и подвластным естественным потребностям, потому что возница, музыкант и кормчий его, хорошо держа вожжи, заставлял коней идти в порядке; он же, мерно ударяя по струнам чувств, приучил их издавать слаженные звуки; и он же, искусно управляя рулём корабля, успешно отражал и натиски волн, и порывы ветров.

7. Какой же человек, не лишенный чувства справедливости, не удивится этим людям, которые совершали земной путь свой в бесчисленных трудах, укрощали тело своё в поту и в лишениях, не знали, что такое смех, и проводили всю жизнь свою в рыданиях и слезах? Кто не воздаст достойную хвалу им, считавшим пост изысканнейшей пищей сибаритов, изнурительное бодрствование — сладчайшим сном, твердую землю — мягким одром, пребывание в молитве и псалмопении — величайшим и неизмеримым удовольствием? Кто не воспевает хвалебную песнь им, стяжавшим все виды добродетели?

Я осознаю, что никакое слово не в состоянии достойно передать всё величие их добродетели, и однако попытаюсь сделать это. Ибо великой несправедливостью было бы не воздать хотя бы и малой хвалы этим совершенным мужам — поклонникам истинного любомудрия.

8. Тем не менее, в своём сочинении я буду воздавать не общую для всех них хвалу, но каждому в отдельности, ибо Богом были даны им различные дарования, о чем научал и блаженный Павел, говоря: «Одному дается Духом слово мудрости; другому слово знания, тем же Духом; ...иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков» (1 Кор. 12,8-10). И указывая источник этих даров, добавляет: «Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1 Кор. 12,11). Поскольку же они обладали различными дарами, то, естественно, и мы будем повествовать о каждом из них в отдельности, не представляя всех совершенных ими деяний (для такого описания не хватило бы и целой жизни); рассказав немного о житии и деяниях одного и в немногом показав характерную сущность жизни этого подвижника, мы будем в своём повествовании переходить к другому.

9. Не возьмёмся мы также описывать образ жизни всех святых, живущих повсюду, ибо не знаем подвижников, просиявших во всех концах мира; да и невозможно одному человеку описать всё. Я расскажу только о жизни тех, которые, подобно заре, воссияли на востоке и своими лучами объяли все концы вселенной. И речь здесь будет повествовательная, безыскусственно излагающая немногие деяния святых и чуждая изысканных приёмов панегирика.

10. Тех, которые приступят к чтению этой "Истории боголюбцев" или "Подвижнического жития" — пусть каждый называет сей труд как хочет, — прошу не питать недоверия к написанному, хотя бы и пришлось им услышать нечто, превышающее их силы. Прошу также не измерять добродетели этих святых мужей по своей мерке, а твердо помнить, что Господь обычно соизмеряет дары Святого Духа с душевным расположением людей благочестивых и совершеннейшим посылает и большие дары. Это сказано мной тем, которые еще недостаточно проникли в сокровенную глубину дел Божиих. Ибо посвященные в сокровенные тайны Духа знают, как Он благоволит к чтущим Его и сколько чудес творит Он в людях и через людей, привлекая неверующих к Богопознанию величием Своих свершений. А кто не поверит событиям, о которых мы будем вести речь, тот покажет, что не верит и в истинность деяний Моисея, Иисуса Навина и Елисея, — и даже чудеса святых Апостолов считает баснями. Однако, если свидетельства о тех делах истинны, то ему следует признать чуждыми лжи и эти рассказы, ибо те же самая благодать, действовавшая в Апостолах, сотворила и в других то, что сотворила.

11. Сам я был очевидцем некоторых из описываемых событий, а которых не видел, о тех слышал от видевших — мужей, возлюбивших добродетель и удостоившихся лицезреть тех подвижников и стать их

учениками. Следует напомнить, что и из тех, которые запечатлели в письменах Евангельское учение, достойны доверия не только Святыне Апостолы Матфей и Иоанн, сами видевшие чудеса Господа, но также Лука и Марк, которым изначально бывшие самовидцами и служителями Слова точно передали не только то, что Господь потерпел и сотворил, но и то, чему Он постоянно учил". Святой Лука, не бывший самовидцем, в начале своего Евангелия говорит, что он намерен повествовать о вещах «совершенно известных» (Лк.1,1). И мы, хотя и знаем, что он не был очевидцем того, о чем повествует, а слышал об этом от других, не менее верим ему и Марку, чем Матфею и Иоанну: потому что оба вполне достойны доверия к своим повествованиям, хотя повествуют о том, что узнали от свидетелей. Так и мы одно расскажем, как очевидцы, а другое — по доверию к рассказавшим нам это очевидцам, которые сами были подражателями жизни тех подвижников. Об этом распространился я, желая убедить в истинности своего рассказа. Теперь приступлю и к самому повествованию.

I. ИАКОВ НИЗИБИЙСКИЙ

1. Божественный законодатель Моисей, обнаживший дно морское, а иссохшую пустыню наполнивший водами, совершивший и многие другие чудеса, описал образ жизни древних святых, руководствуясь не приобретённой от египтян мудростью, но светом благодати, полученной свыше. Ибо откуда бы иначе узнал он о добродетели Авеля, о богоугодности Еноха, о праведности Ноя, о благочестивом священстве Мельхиседека, о призвании, вере, мужестве, усердном странноприимстве, многославном жертвоприношении и о других добродетелях Авраама, и вообще о подвигах, победах и о славе тех благочестивых мужей? Откуда бы иначе узнал он обо всём этом, если бы не просветили его лучи умного и Божественного Духа? - Подобное же содействие благодати Духа нужно ныне и мне, взявшемуся описать жизнь святых, просиявших в наше время и незадолго до него, а также пытающемуся представить некоторого рода напутствие для желающих подражать жизни этих святых. Осталось лишь призвать в молитве их самих и начать повествование.

2. На границе царства Римского и Персидского есть город Низибия, который в древности платил дань римлянам и зависел от власти их. Родившийся в этом граде великий Иаков возлюбил жизнь пустынную и уединённую, укрываясь на вершинах самых высоких гор. Весной, летом и осенью жил он в зарослях под открытым небом, а зимой скрывался в пещере, дававшей ему тесный приют. В пищу употреблял он не то, что с трудом сеется и собирается, а что произрастает само собою. Собирая плоды диких растений, которые были похожи на огородные овощи и могли быть употребляемы в пищу, он из них давал своему телу столько, сколько было необходимо для поддержания жизни, обходясь при этом без огня. Излишней для него была и шерстяная ткань, которую заменяла самая грубая шерсть диких коз. Из неё были изготовлены и нижнее платье, и плащ его.

3. Удручая таким образом тело, святой Иаков постоянно заботился о духовной пище для души; и, очистив мысленное око её, соделал ум свой светлым зеркалом Духа Божия. По слову божественного Апостола, он открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразился в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа (2 Кор.3,18). Поэтому с каждым днём возрастало в нём дерзновение к Богу, и чего просил он у Бога (а просил только того, что должно), тотчас же получал. Поэтому он даже пророчески провидел будущее и стяжал от благодати Святого Духа силу творить чудеса. О некоторых из этих чудес я расскажу и неведующим явлю луч его Апостольского света.

4. В то время властвовало между людьми безумное почитание идолов, и бездушные статуи удостоивались чести Божеской, а служением Богу истинному многие пренебрегали. Они преследовали тех, которые не хотели участвовать в их безумном опьянении и которые, утвердившись в истинных понятиях о вещах и обладая духовным различием их, смеялись над бессилием идолов и поклонялись Творцу вселенной. В это время Иаков перешел в Персию, чтобы увидеть там ростки благочестия и сослужить им подобающую службу. Когда он переходил через один поток, некие девицы, мывшие здесь бельё и ногами выжимавшие его, вместо того чтобы принять другое, более приличное положение, без всякой скромности, с дерзким видом и бесстыдными глазами взирали на человека Божия, не покрыв голов и не опустив задранных одежд. Человек Божий же, вознегодовав на это и желая при этом случае показать Силу Божию, чтобы чудом поразить нечестие, проклял поток - и вода в нём тотчас иссохла. Проклял он и девиц, наказав их бесстыдную молодость преждевременной сединой; за словом его сразу же последовало дело - исчезла чернота их волос и они сделались похожими на только что посаженные весной деревья, покрытые осенними листьями. Почувствовав такое наказание (ибо поток на их глазах иссох, а глядя на головы друг друга, они заметили внезапную перемену), девицы побежали в город и рассказали там о случившемся. Некоторые из жите-

лей города вышли навстречу Иакову, умоляя его смягчить гнев и снять наказание. Он не долго медлил - принёс молитву Господу, а затем повелел потоку опять течь: мгновенно заструились воды из своего сокровенного вместилища, повинувшись мановению праведника. Удостоившиеся этого жители города стали просить Иакова вернуть также и прежний цвет волос своим дочерям. Говорят, что он внял и этой их просьбе и даже послал за девицами, наказанными подобным образом, но, поскольку они не пришли, он оставил в силе своё наказание, чтобы научить и прочих скромности, побуждая их к целомудрию и постоянному памятованию о Силе Божией.

5. Таково чудо этого нового Моисея, произведённое, впрочем, не ударом жезла, а совершенное знаменем креста. А я, кроме самого чудотворения, весьма еще удивляюсь и кротости Иакова, потому что не предал он тех бесстыдных девиц, подобно великому Елисею, свирепым медведицам, но наказанием безвредным, лишь немного лишившим их красоты, научил их и благочестию, и благопристойности. Говорю это не для того, чтобы осудить строгость пророка (сохрани меня, Боже, от такого безумия!), но чтобы показать, как Иаков, имея силу, подобную силе Елисея, действовал в духе кротости Христа и Нового Завета.

6. Еще, узнав однажды, что некий персидский судья несправедливо решил дело, он повелел одному, вблизи лежащему очень большому камню сокрушиться и исчезнуть, чтобы таким образом обличить несправедливое решение судьи. Когда же камень мгновенно раздробился на бесчисленное множество мелких частиц, то присутствующие при этом ужаснулись, а судья, объятый страхом, отменил своё прежнее решение и вынес другое - справедливое. И здесь также Иаков подражал своему Господу, Который, восхотев показать, что Он добровольно подвергается страданиям и что легко мог бы наказать Своих врагов, если бы пожелал этого, наказал бездушную смоковницу, словом иссушив её, - и тем явил Силу Свою (Мф.21,18-22). Также и Иаков, подражая Человеколюбию Господа, не наказал несправедливого судью, но, сокрушив камень, научил его правосудию.

7. Прославившись такими делами и будучи всеми любим, так что имя его звучало у всех на устах, Иаков был привлечен к первосвященническому служению и получил предстояние в своём отечестве. Однако и оставив уединение в горах, и избрав, против своего желания, жизнь в городе, не переменял он ни пищи, ни одежды своей - изменилось только место жительства, а образ жизни остался прежним; лишь трудов у него прибавилось - и труды новые были разнообразнее прежних. К посту, к подвигам бодрствования и к власянице, в которую он одевался, присоединились еще всякого рода заботы о нуждающихся, то есть попечение о вдовах, заботы о сиротах, обличение обидчиков и справедливая защита обижаемых. И зачем обо всём этом рассказывать тем, которые знают, что требуется от принимающих на себя подобное служение? Святой Иаков особенно любил такие труды, потому что и любил, и боялся Господа этих овец.

8. А чем более он приобретал богатства добродетели, тем больше получал и благодати Святого Духа. Однажды сей святой муж шел в какую-то деревню или город (точно назвать место я не могу) и к нему подошли некие бедняки; они показали ему еще одного бедняка, притворившегося мертвым, и попросили у святого денег, необходимых для погребения. Иаков удовлетворил их просьбу и помолился Богу о мнимом умершем, прося Господа об отпущении грехов его и причислении к лику праведных. Во время этой молитвы душа притворившегося умершим отлетела. Тело его скрывали покровы, и едва только благочестивый муж отошел, то устроившие это представление стали заставлять лежащего встать. Когда же они заметили, что он не слышит и что ложь обратилась в истину, а личина стала лицом, то, догнав Иакова, начали умолять его вернуться. Они объяснили и причину своего обмана - бедность, и попросили святого простить им прегрешение, а лежащему возвратить отлетевшую душу. Подражая Человеколюбию Господа, Иаков внял их просьбе и явил чудо, молитвой возвратив лежащему жизнь, отнятую у него силой молитвы.

9. И мне кажется, что это чудо подобно чуду великого Апостола Петра, который предал смерти Ананию и Сапфиру - тайных похитителей и обманщиков (Деян.5,1-11). Ибо точно так же и Иаков отнял жизнь у человека, утаившего истину и употребившего ложь. Только Апостол, зная о похищении, ибо оно было открыто ему благодатью Духа, наложил наказание, а Иаков, не ведая об обмане, прекратил течение жизни у притворщика. Кроме того, Апостол не освободил умерших от наказания, ибо начало проповеди спасения нуждалось и в страхе, а Иаков, преисполненный благодати апостольской, сначала наказал, а затем снял наказание, видя в этом духовную пользу для согрешивших. Однако перейдем к другим деяниям Иакова, кратко изложив их.

10. Когда Арий - этот отец и изобретатель хулы на едиnorodного Сына и Святого Духа, восстав своим учением против Творца, преисполнил Египет возмущениями и волнениями, а великий Константин - Зоровавель нашего стада (ибо подобно ему вывел из чужой страны всех пленных - православных, возобновил и поднял ввысь обрушенные на землю храмы Божии) - собрал по этому поводу в Никее всех предстоятелей церквей, то вместе с другими прибыл туда и Иаков для защиты правых догматов, словно вождь и передовой боец фаланги воинов Христовых, ведь Низибия была тогда под властью римлян.

(На этом великом соборе, когда многие рассуждали здраво и хорошо, а другие говорили иначе (ибо были немногие, которые мыслили вопреки правым догматам, хотя не осмеливались обнажать своего нечес-

тия, а прикрывали его некоторыми хитростями, распознать которые мог не всякий, но только люди, постигшие тайны истины), прочитано было исповедание веры, сохраняемое и проповедуемое в то время по всей вселенной; все признали его, засвидетельствовав и на словах и на бумаге, что они так веруют и так мудрствуют. Многие сделали это совершенно охотно, а семь некоторых сообщников богохульства Ария, хотя языком и пером также засвидетельствовали символ веры, но в душе держались убеждения противоположного, по слову пророческому: сии люди устами своими чтут Мя, сердце же их далече отстоит от Мене (Ис.29,13). О них изрекает и Иеремия: близ еси Ты усты их, далече же от утроб их (Иер.12,2), а также Давид: усты своими благословяху, и сердцем своим кленяху (Пс.61,5) и умякнуша словеса их паче елеа, и та суть стрелы (Пс.54,22). И вот эти семь человек стали просить великого Александра, епископа Александрийского, сжалиться над Арием, осуждённым всем собором. Но когда Александр, зная их притворство и подозревая лукавство Ария, не внял их просьбе, то некоторые другие, по своей простоте обольщенные Арием, начали хвалить добродетель человеколюбия, доказывая, что оно особенно угодно Господу всеяческих. Когда же великий Александр назвал несправедливое человеколюбие к одному бесчеловечностью, вредной для многих, указывая, что оно может послужить причиной гибели всего стада Христова, то Иаков предложил всем совет блюсти строгий пост и в продолжение семи дней этого поста молить Господа о том, чтобы Он даровал мир церквям. Все приняли этот совет божественного мужа, так как знали, что он сияет апостольскими дарованиями. Пост соединили с молитвой, и когда наступил воскресный день, в который многие надеялись увидеть нечестивого Ария принятым православными в церковное общение и, по наступлении Божественной Литургии, ожидали увидеть противника Божия помилованным, свершилось Божественное и, поистине, дивное чудо. В самом нечистом месте этот нечестивец, извергнув принятую им пищу, вместе с ней изверг и вместилище её: внутренности его выпали и смешались с нечистотами, этот нечестивец упал замертво и потерпел постыдную смерть. Он получил заслуженное воздаяние за своё мерзкое богохульство в гнусном месте по молитвам великого Иакова. Священное Писание восхваляет по справедливости иерея Финееса, потому что он поразил Ваадфешлоа - виновника бедствий народа израильского. Поэтому и псалмопевец Давид воспевает его, говоря: Ста Финеес и умилистави, и преста сечь: и вменися ему в правду, в род и род до века (Пс.105,30-31). Но Финеес оружием заслуженно и славно поразил врага, а Иакову, вместо копья и меча, достаточно было слова, которым он поразил нечестивца, чтобы тот не видел славы Господней. И одного этого достаточно было для обличения безумия сообщников нечестия Ария. Ибо Иаков, как проповедник и защитник чтимых нами догматов, поразив оружием слова отца нечестия, заставил и других отворотиться от этого безумного нечестия).

После окончания священного собора каждый предстоятель возвратился к своей пастве; возвратился и Иаков, словно вождь и победитель, утешенный победами благочестия.

11. Через некоторое время великий и достойный удивления царь Константин, украшенный венцами благочестия, скончался; власть над державой римлян унаследовали сыновья его. Тогда царь персидский (Сапор было имя ему), с пренебрежением смотря на детей Константина, как на не равных по силе отцу, выступил со множеством пехоты и конницы против Низибии; привёл также сюда и слонов, сколько смог. Расположив войско для штурма города, он устроил осадные орудия, построил укрепления, утвердил сваи, а промежутки между ними загородил, словно плетнем, ветвями, повелел воинам сделать насыпь и поставить осадные башни против крепостных башен. Потом, поместив в них лучников, повелел им стрелять в стоящих на стенах, а другим воинам приказал подрывать снизу стены. Поскольку же по молитвам благочестивого мужа всё это не принесло успеха, то Сапор со множеством своих людей остановил течение соседней реки, перегородив её плотинной. Когда собралось большое количество воды, он всю разом пустил её на стены, словно употребив осадную машину огромной разрушительной силы. Стена не выдержала напора воды и под её натиском с одной стороны совершенно разрушилась. Персидские воины подняли великий крик, словно город был уже почти взят, ибо не ведали они о великом оплоте, охраняющем обитателей града. Взятие его персы на время отложили, видя невозможность приступить к крепости вследствие обилия воды. Отойдя поодаль и как бы успокоившись от трудов, они и самим себе дали отдых, и о лошадях позаботились. Жители же града обратились к Богу с пламенными молитвами, имея ходатаем пред Ним великого Иакова. Все взрослые с усердием возобновляли рухнувшую стену, нисколько не заботясь ни о красоте её, ни о стройности, но в беспорядке нагромождая кто что мог: и камни, и кирпичи, и прочие предметы, приносимые с собой. Работа шла успешно, и в одну ночь закладка в стене достигла такой высоты, какой было достаточно, чтобы сдержать кавалерийскую атаку, а пехотинцам без лестниц помешать взобраться на стену. Затем все жители града стали умолять человека Божия взойти на стену и поразить врагов стрелами молитвы. Вняв просьбам, он поднялся на одну из башен и, увидев множество врагов, начал умолять Господа наслать на них облако москитов и комаров. Господь услышал его молитвы, как прежде внимал он молитвам Моисея, - и персидские воины были уязвлены посланными Богом стрелами. Лошади и слоны вырвались из упряжи и бежали, рассеявшись повсюду, поскольку не в силах были вынести нападения этих насекомых.

12. Когда нечестивый царь увидел, что и все осадные орудия не принесли никакой пользы, и напор воды был бесполезен, ибо разрушенная стена была быстро восстановлена; когда он узрел, что всё его войско изнурено трудами, страждет под открытым небом и преследуется посланным свыше наказанием; когда он также увидел человека Божия, ходящего по стенам, и решил, что сам римский император начальствует над этим городом (ибо на стене ему представился человек, одетый в порфиру и украшенный диадемой), - тогда вознегодовал он на тех, которые обманули его, убедив пойти войной и уверив, что в Низии нет императора. Приговорив этих советников к смерти, он отослал своё войско назад и сам поспешно удалился в свой царский дворец.

13. Такие-то чудеса Бог сотворил через этого Езекию - не меньшие, а большие, чем через Езекию древнего (4 Цар.19,14-19)! Ибо какое чудо может превзойти совершенное Иаковом - ведь город с разрушенной стеной не был взят неприятелем! Я же, кроме всего, дивлюсь и тому, что в молитвах своих Иаков не просил с неба молний и огня, как сделал то великий Илия, когда пришли к нему два военачальника, каждый с пятидесятью воинами (4 Цар.1,9-12). Иаков ведал о том, что Господь сказал Апостолам Иакову и Иоанну, когда те возжелали совершить то же, что сделал Илия: не знаете, какого вы духа (Лк.9,55). И потому он не просил, чтобы земля разверзлась под ногами персидских воинов, и не просил, чтобы войско врагов было предано огню, но обратился к Богу лишь с мольбой о том, чтобы оно было изъязвлено насекомыми и чтобы враги, узнав Силу Божию, научились, наконец, благочестию.

14. Такое дерзновение пред Богом имел этот человек Божий! Такой благодати свыше удостоился он! Живя подобным образом и со дня на день преуспевая в Божественном, он с величайшей славой оставил эту жизнь и переселился из здешних мест. По прошествии некоторого времени, когда и сам город тогдашним римским царём уступлен был персам, прежние его жители вышли из града и вынесли с собой тело своего защитника и начальника, болезнуя и скорбя о своём переселении, но воспевая и прославляя доблесть победоносца Иакова. Ибо если бы он был жив, то они не подпали бы под власть варваров.

Рассказав об этом святом муже, я, моля о его благословении, приступлю к другому рассказу.

II. ИУЛИАН

1. Иулиан, которого окрестные жители почтили именем "Сава", что в переводе на греческий язык означает "старец", утвердил свою подвижническую келлию в краю, бывшем тогда парфянским, а ныне называемом Осроена. Эта страна к западу простирается до самого берега реки, имя которой Евфрат, а на востоке граничит с владениями Римскими и переходит в Ассирию, западную часть Персидского царства, которую позже назвали Адиабена. В этой стране было множество больших и многолюдных городов; много в ней было земли - как обитаемой, так и необитаемой и пустынной.

2. Удалившись в глубину пустыни и найдя здесь нерукотворную пещеру, хотя и не изготовленную хорошо и красиво, но могущую дать тесный приют желающим уединения, сей божественный муж с радостью поселился в этом месте, считая его лучше великолепных чертогов, блистающих золотом и серебром. Здесь-то и проводил он жизнь свою, единожды в неделю принимая пищу; а пищей ему был хлеб ячменный (и тот из отрубей), приправой - соль, самым приятным питием - родниковая вода. Всё это употреблялось не с пресыщением, но в мере, принятой раз и навсегда. Подлинной же пищей, роскошью и наслаждением служили для него псалмопения Давида и непрерывная беседа с Богом. С жадностью наслаждаясь ими, он никогда не мог пресытиться, но, всегда насыщаясь ими, постоянно воспевал: Коль сладка гортани моему слова твоя, паче меда устом моим (Пс.118,103). Слышал он и другие глаголы Давида: судьбы Господни истинны, оправданны вкуче: вожделенны паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота (Пс.18,10-11); слышал также и другие: насладися Господеви, и даст ти прошения сердца твоего (Пс.36,4), возвеселися сердце мое бояться имени Твоего (Пс.85,4 и 11) и вкусите и видите, яко благ Господь (Пс.33,9). Внимал он еще и таким словам: возжажда душа моя к Богу крепкому живому (Пс.41,3) и прильпе душа моя по Тебе (Пс.62,9). Внимая же этим глаголам, он принял в себя и любовь изрекшего их. Ведь и великий Давид, воспевая эти песни, говорил, что он желал бы приобрести многих сообщников и соучастников в любви к Богу. Вот и не обманулся он в надежде, но привлёк к Божественной любви и этого благочестивого мужа, и множество других. Иулиан воспламенился такой любовью к Богу, что был как бы упоен ею; ничего земного он не замечал, днём и ночью грезя и помышляя только об одном Возлюбленном.

3. Многие из живших и вблизи его, и в отдаленности от него, учились у него возвышенному любомудрию (ибо молва о нём быстро пронеслась повсюду); многие приходили и умоляли его принять их в свою школу подвижничества, прося позволить жить при нём, как при наставнике и руководителе. Так не только птицы заманивают птиц своей породы своим пением, привлекая себе подобных и завлекая их в рас-

ставленные сети, но и люди увлекают подобных себе: одни - к гибели, другие - к спасению. Вскоре около Иулиана собралось десять человек, затем это число удвоилось и утроилось, и, наконец, достигло ста.

4. И хотя их было достаточно много, его пещера всех вмещала; потому что они научились от старца пренебрегать попечением о теле. Питались же они, подобно своему наставнику, ячменным хлебом, приправленным солью. А позднее они собирали дикие овощи, складывали их в сосуды и заливали их нужным количеством рассола - это был запас их, сберегаемый на случай нужды для больных. Для запасаемых овощей нахождение их в той же пещере было вредно: от сырости они могли покрыться здесь плесенью и сгнить. Когда это действительно случилось с овощами (потому что в пещере во всех углах было сыро), то братья стали просить у старца позволения построить какой-нибудь маленький домик, которого было бы достаточно для того, чтобы хранить там запасы. Он сначала не внял их просьбам, но потом, будучи убеждён ими и научившись от великого Павла не искать своего (1 Кор.13,5), но уступать низшим, определил размеры маленького и узкого домика, а сам удалился далеко от пещеры, чтобы совершить свои обычные молитвы к Богу. Ибо он имел обыкновение, углубляясь в пустыню часто стадий на пятьдесят, а иногда и вдвое дальше этого, уходить от всякого общества человеческого, углубляясь в себя, наедине беседовать с Богом и созерцать, как в зеркале, божественную и неизреченную Красоту. Воспользовавшись отсутствием Иулиана, те, которые жили под его присмотром, построили домик соразмерно необходимости, но больше тех размеров, которые указал старец. Он же, возвратившись через десять дней от тех неизреченных созерцаний, словно Моисей, спустившийся с горы, увидел, что домик получился больше, чем он хотел, и сказал: "Боюсь, братья, как бы, расширяя свои земные жилища, нам не уменьшить небесных; тогда как земные - временны и лишь на краткое время пригодны, а небесные - вечны и не могут иметь предела". Сказал же он им это, наставляя свой иноческий хор относительно высшего совершенства, а вину им простил, вняв слову Апостольскому: Ищу не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись (1 Кор.10,33).

5. Он научил братию сообща восхвалять Бога в песнях, когда все пребывали в пещере, а после утренней зари по два удаляться в пустыню, и там одному преклонив колена, приносить Владыке подобающее поклонение, а другому стоя петь в это время пятнадцать Давидовых псалмов; потом, наоборот, первому стоя петь, а второму, припадая к земле, молиться; и это они делали постоянно с утра до сумерек. Перед закатом же солнца, отдохнув немного, одни - отсюда, другие - оттуда, все с разных сторон сходились в пещеру, и вместе воспевали Владыке вечернюю песнь.

6. Старец имел также обыкновение допускать кого-нибудь из лучших между братьями к соучастию в своём служении. Чаще всего сопровождал старца один муж, перс родом, имевший величественный и достойный удивления вид, но еще более удивительную душу. Имя ему было Иаков. Он и после смерти старца блистал всеми добродетелями, был знаменит и уважаем не только между своими, но и в училищах любознания в Сирии, где и умер, прожив, как говорят, сто четыре года. Когда великий старец удостоивал его соучаствия в своём песнопении в пустыне, он следовал за ним издали; потому что учитель не позволял ему идти возле себя, дабы не было случая ко взаимному разговору, а разговор не отвлек бы ум от созерцания Бога. Однажды, сопровождая старца, Иаков увидел огромного дракона, лежащего на дороге. Увидев же, не осмеливался идти вперёд; но, объятый страхом, хотел вернуться назад, колеблясь душой. Потом, нагнувшись, взял камень и, бросив его в дракона, заметил, что дракон остался в прежнем положении без всякого движения. Уверившись, что дракон был мёртв, он подумал, что смерть зверя была делом рук старца. По окончании пути и по совершении псалмопения, когда настало время отдохновения, старец, сев сам, повелел и Иакову дать малый отдых своему телу и сидел сначала молча. Когда же он начал какой-то разговор, то Иаков с кроткой улыбкой попросил его объяснить непонятное явление. На вопрос старца, что он хочет узнать, Иаков отвечал: "Видел я огромного дракона, распростёртого на пути; сначала убоился, считая его живым, но когда понял, что он мёртв, без боязни продолжал путь. Скажи мне, отче, кто умертвил его? Ты шел впереди, а никто другой не проходил этим путём". Старец ответил: "Перестань любопытствовать о том, что не может принести никакой пользы для испытующих". Однако дивный Иаков продолжал настаивать, желая узнать истину. Наконец, старец, который попытался это скрыть, будучи уже не в состоянии более мучить любимца, сказал: "Отвечу тебе, если ты так желаешь знать это, но заповедую тебе при моей жизни никому не рассказывать то, что я расскажу тебе; ибо следует скрывать то, что часто возбуждает гордость и тщеславие. А когда отойду из этой жизни и освобожусь от подобных страстей, тогда можешь рассказывать о силе Божией благодати. Так вот, - сказал великий Иулиан, - знай, что зверь тот напал на меня, когда я свершал свой путь, и открыл пасть, чтобы проглотить меня. Я же, начертав перстом знамение креста и призвав имя Божие, отогнал от себя всякий страх и увидел, что зверь тотчас же пал на землю бездыханным. Воздав славу Спасителю всех, я продолжал путь". Окончив этот рассказ, старец встал и возвратился в пещеру.

7. В другой раз некий юноша благородного происхождения, воспитанный в неге, но имевший ревность о благочестии, превосходящую его силы, стал умолять старца позволить сопровождать его в пустыню не в обыкновенном, всеми совершаемом ежедневно путешествии, но в путешествии гораздо более продолжительном, продолжавшемся иногда дней семь, а иногда и десять. Это был знаменитый Астерий. Бла-

гочестивый старец отговаривал юношу, указывая, что в пустыне нет воды, но юноша не переставал умолять удостоить его такого благодеяния. Убеждённый старец, наконец, согласился на его просьбу. Юноша последовал за ним, сначала весь преисполненный ревностью, однако, по прошествии первого, второго и третьего дня, будучи опалёем солнечными лучами (потому что тогда было лето, а в середине лета солнечный зной бывает нестерпимым), он стал совершенно изнемогать, мучимый жаждой. Сначала он стыдился объявить о своём страдании, припоминая то, что предсказывал ему учитель; но, совершенно ослабев и впадая в обморок, начал просить старца сжалиться над ним. Старец, напомнив юноше о своих предостережениях, приказал ему вернуться назад. Когда же юноша сказал, что он ни пути, ведущего к пещере, не знает, да если бы и знал, всё равно не может идти, потому что от жажды силы его истощились, человек Божий, сжалившись над страданиями юноши и снисходя к слабости его тела, преклонил колена, начал молить Господа и горячими слезами оросил землю, прося спасти юношу. Господь, исполняющий желания боящихся Его и внимающий молитвам их, превратил упавшие в пыль капли слёз в источник воды. Когда юноша напился её, старец повелел ему удалиться.

8. Этот источник сохранился и поныне, как свидетельство молитвы божественного старца, подобной молитве Моисея. Ибо как некогда Моисей, ударив жезлом по бесплодному камню, извёл из него потоки воды, дабы напоить много тысяч людей, изнемогавших от жажды (Исх.17,1-7), так и этот человек Божий, оросив слезами самый сухой песок, произвёл источник воды, чтобы утолить жажду не многих тысяч, а лишь одного юноши.

9. Просвещённый Божией благодатью, он ясно провидел будущее совершенство этого юноши. И действительно, спустя много времени, призванный Божией благодатью наставлять других в той же добродетели, Астерий основал школу подвижничества в окрестностях Гиндара (селения близ Антиохии). Он привлёк к себе и многих других подвижников любомудрия, и среди прочих - Акакия, мужа великого и, скажу даже, знаменитого. Этот Акакий отличался возвышенностью монашеского жития своего и воссиял светлыми лучами добродетели, когда удостоен был сана епископского и получил в пастырское окормление Верию. Управляя вверенным ему стадом Христовым пятьдесят восемь лет, он не отказался от образа подвижнической жизни и умел совместить добродетели отшельнические с общественными. Точным соблюдением подвижнических правил и домостроительной снисходительностью в делах общественных, он крайности соединил в одно целое.

10. Но ловцом и наставником людей для таких добродетелей был упомянутый Астерий, который так горячо любил великого старца Иулиана, что иногда по два раза, а иногда и по три раза в год предпринимал путешествие к нему. Отправляясь к учителю, Астерий обыкновенно запасал для братии смоквы, нагружал ими трёх или четырёх мулов, а два медимна смокв, собрав отдельно, взваливал на свои плечи и нёс, как мул своего учителя. Нёс же он эту тяжесть не десять и не двадцать стадий, а в продолжение семидневного путешествия. Однажды, увидев, как ученик несёт мешок со смоквами на своих плечах, старец огорчился и сказал, что эти смоквы не будут употребляемы им в пищу, потому что несправедливо, чтобы Астерий переносил такой труд, а он наслаждался бы его потом. Когда же Астерий поклялся, что не сложит тяжести со своих плеч, пока старец не согласится принять принесённую ношу, то старец сказал: "Сделаю, как велишь, только прежде сложи поскорее с плеч тяжесть".

11. Здесь старец подражал первому из Апостолов, который, когда Господь хотел умыть его ноги, сначала отказался, торжественно утверждая, что этого не будет (Ин.13,8-9), но услышав, что он не будет иметь части с Господом, если не позволит умыть себе ноги, не только это допустил, но и попросил умыть, вместе с ногами, и руки и главу. Подобным же образом и славный Иоанн Креститель, когда Спаситель требовал, чтобы он крестил Его, сначала исповедовал своё рабство и в ищущем крещения указал Господа, а потом исполнил приказание (Мф.3,13-16) - не по дерзости, но из покорности Спасителю. Так и этот святой муж тяготился принять пищу, добытую трудом другого, но когда увидел горячее усердие оказавшего ему услугу, то предпочел эту услугу своей собственной воле.

12. Иные из недоверчивых, которые умеют только порицать доброе, может быть, скажут, что этот рассказ не заслуживает упоминания. Я же к другим чудесам присовокупил и это с целью не только показать уважение к Иулиану со стороны мужей известных, но также приветливость и мягкость его нрава, считая полезным указать и на них. Он обладал столь высокой добродетелью, что не считал себя достойным даже малейшей почести и отвергал её, как нисколько не заслуженную им, но иногда всё же принимал её, чтобы это пошло на пользу его почитателям.

13. Именно уходя от почестей (ибо сделавшись всем известным, он молвою о себе привлёк к себе многих ревнителей добродетели), Иулиан с немногими близкими учениками отправился к горе Синайской, не проходя ни через города, ни через деревни, но совершая путь по непроходимой пустыне. На плечах братья несли необходимую пищу, т.е. хлеб и соль, а также деревянную чашу и привязанную к верёвке губку - она нужна была для того, чтобы, если где вода находилась глубоко в колодцах, опускать эту губку и, вынув, выжимать из неё воду в чашу и пить. Путешествуя таким образом много дней, они пришли к вожде-

ленной горе и, помолившись Господу, пребывали там долгое время, считая для себя величайшим наслаждением пустынное место и покой души. Построив на этой горе, на которой Моисей, глава пророков, удостоился видеть (насколько это было ему возможно) Господа, церковь с алтарём, сохранившуюся и до сего времени, Иулиан возвратился в свой монастырь.

14. Когда Иулиан узнал об угрозах соименного ему нечестивого царя (так как Юлиан перед походом против персов грозил совершенно истребить христиан, и его единомышленники нетерпеливо ожидали его проклятого возвращения, после которого должна была совершиться угроза), то дал Богу обет посвятить молитве десять дней и ночей: во время же молитвы услышал он голос, глаголющий, что нечистый и мерзкий поросёнок погиб. Еще срок обета не кончился, а он уже прекратил моление и молитву ходатайственную заменил псалмопением, воссылая благодарственное пение Господу - Спасителю людей своих, а для чуждых Ему - терпеливому и всемогущему Противнику. Ибо Господь явил весьма великое долготерпение к нечестивцу; когда же это долготерпение довело злодея до крайнего безумия, то Господь благовременно наказал его. Окончив молитву и возвратившись к братии, Иулиан был весел и спокоен, и это спокойствие души делало лицо его веселым. Когда же братия удивились такой перемене его лица (будучи всегда печален в последние дни, он теперь внезапно стал веселым) и начали спрашивать о причине её, то он сказал: "Мужи мои, настоящее время есть время веселия и радости; по слову Исаии, преста бо нечестивый (Ис.24,9), и дерзкие получили достойное наказание; восставший против Господа, Творца и Спасителя, был поражен послушной десницей. Поэтому-то я и радуюсь, видя, что воюемые им церкви торжествуют, а отступник не получил никакой помощи от демонов, которых чтит". Такое откровение имел Иулиан о гибели нечестивца.

15. Когда император Валент, наследовавший престол Римской империи после Юлиана, уклонился от истины Евангельских догматов и увлёкся заблуждением Ария, тогда воздвигнуто было величайшее гонение на Церковь. Кормчие церковью отовсюду были изгоняемы, а на их места назначали морских разбойников и злодеев. И дабы не рассказывать в настоящее время обо всей этой печальной истории, я всё прочее опущу, а упомяну только об одном событии, которое ясно показало благодать Божия Духа, обитавшую в старце Иулиане. Из Антиохийской церкви был изгнан великий Мелетий, поставленный Господом всяческих пасти её; из храмов же Божиих изгнались все клирики с единомысленным народом, чтившие единое существо Божественной Троицы. Изгнанные, одни удалялись в расселины гор и там имели свои священные собрания; другие же избрали местом молитвы крутой берег реки, бывший иногда местом для воинских упражнений и находящийся перед северными воротами города, потому что враги не позволяли людям благочестивым сходиться в одном месте.

16. Питомцы лжи пронесли и распространили в этом городе молву, будто и Иулиан, тот самый старец, придерживается догматов, проповедуемых ими. Православных особенно беспокоило то, как бы молва, обманув людей самых неопытных и простых, не завлекла их в сети еретиков. Но благочестивые и блаженные мужи Флавиан и Диодор, удостоенные рукоположения и управляющие православным народом, а также Афрат, жизнь которого, при помощи Божией, я впоследствии изложу, убеждали того самого Акакия, о котором мы уже рассказывали, взять к себе в спутники знаменитого Астерия - своего учителя и ученика святого старца - и идти к общему светилу Церкви, к столпу Евангельского учения, чтобы просить его оставить свою подвижническую школу и прийти на помощь к тысячам православных, погибающих от обольщения, и росою своего пришествия потушить арианское пламя. Божественный Акакий отправился в путь, взяв с собой, как ему было заповедано, великого Астерия. Придя к величайшему светилу Церкви и поприветствовав его, он изрёк: "Скажи мне, отче, для чего ты с таким удовольствием принимаешь на себя этот труд?" И когда тот ответил: "Служение Богу для меня ценнее и тела, и души, и жизни, и всего необходимого в жизни, а поэтому я стараюсь, по возможности, чистосердечно служить Господу и беспрестанно угождать Ему во всём", то Акакий сказал: "Я покажу тебе способ послужить Богу более, нежели сколько ты служишь теперь. И говорю это, руководствуясь не только собственным рассуждением, но и наставлением Самого Слова Божия. Ибо Господь, спросивший некогда Петра, любит ли он Его больше других, и узнав, о чем знал прежде ответа Петра: Ты знаешь, что я люблю Тебя, показал ему, каким подвигом он угодит Ему больше: Если любишь Меня, паси овец Моих (Ин.21,15-17). Так же, отче, нужно поступить и тебе: стаду угрожает опасность погибнуть от волков, а овец сих крепко любит Возлюбленный тобою; любящим же свойственно делать приятное любимым. Иначе немалая опасность и вред угрожают твоим великим и многим подвигам, если ты равнодушно будешь смотреть, как истина нагло угнетается, а поклонники её обольщаются; приманкой же к обольщению их служит само имя твоё, ибо предводители богохульства Ариева бесстыдно разглашают, будто ты причастен их нечестивому учению".

17. Услышав это, старец на время попрощался с безмолвием и, не оробев перед непривычной городской сутолокой, отправился в Антиохию. После двух или трёх дней путешествия по пустыне он к ночи достиг некоего селения. Здесь одна богатая женщина, узнав о прибытии священного хора, пришла получить благословение у старца и, пав к ногам его, просила остановиться для отдохновения в её доме. Старец согласился, несмотря на то, что более сорока лет воздерживался от подобного рода зрелищ. В то время, когда эта

дивная жена прислуживала святым мужам, семилетний сын её, единственный у матери, подобной по гостеприимству Сарре, вечером в темноте упал в колодезь. По этому случаю, конечно, произошла тревога, но мать, узнав о несчастье, просила всех быть спокойными и, положив крышку на колодезь, продолжала слушать святым мужам. Когда стол для них уже был накрыт, то божественный старец повелел её позвать сына, чтобы благословить его. Дивная жена сказала, что он болен, но старец настоятельно требовал привести его. Матери пришлось рассказать о несчастье. Старец тотчас же оставил трапезу, поспешил к колодезю, велел снять с него крышку и принести огня; посветив, он увидел, что дитя сидит на поверхности воды и по-детски плещется рукой: игрушкой и забавой было для него то, что все сочли его погибелью! Привязав одного человека к верёвке и опустив его в колодезь, вытащили дитя. Мальчик сразу же пал к ногам старца, говоря, что он видел, будто он носил его по воде и не позволял ему утонуть. Вот какое вознаграждение получила дивная жена от блаженного старца за своё гостеприимство!

18. Однако обойдём молчанием многое другое, случившееся во время этого путешествия. Когда путники пришли в Антиохию, то отовсюду стал стекаться к ним народ, желая видеть человека Божия, и каждый надеялся получить от него врачевание своей болезнью. Он же удалился в те самые пещеры у подножия горы, где, как говорят, обитал и укрывался святой Апостол Павел. Но дабы все знали, что и он человек, вскоре случилась с ним сильнейшая горячка. Великий Акакий, видя множество стекшегося народа и скорбя о жестокой болезни старца, подумал, что собравшиеся люди смутятся, если узнают о болезни мужа, от которого сами надеялись получить исцеление своих болезней. Но старец сказал ему: "Не смущайся. Если здоровье моё необходимо, Бог тотчас же дарует его". Немедленно после этих слов обратившись к молитве и, по обычаю, преклонив колена и голову к земле, он попросил Господа возвратить ему здоровье, если оно может принести какую-либо пользу собравшимся к нему. Еще не кончил он молитвы, как внезапно выступивший пот угасил пламя горячки.

19. Исцелив здесь многих от различных болезней, он пошел на собрание православных. Когда старец проходил под воротами царских палат, то один нищий, которому отказали ноги и он ползал по земле на ягодицах, протянул руку и, прикоснувшись к его плащу, верою освободился от болезни: вспрыгнув, он побежал, как до болезни, словно хромой, исцеленный Апостолами Петром и Иоанном (Деян.3,1-16). После этого всё население города стеклось, и место военных упражнений до отказа наполнилось собравшимся народом. Клеветники и изобретатели лжи были посрамлены, а питомцы благочестия - обрадованы и успокоены.

20. Имевшие нужду в духовном врачевании унесли отсюда в дома свои свет благочестия. Некоторый же муж, занимавший важную должность и управлявший всем диоцезом Востока, прислал слугу просить старца прийти к нему и исцелить его от болезни. Иулиан немедленно пришел к нему и, помолвившись Владыке всяческих, словом освободил от страданий и повелел ему принести благодарение Господу.

21. Совершив здесь так много чудес, Иулиан решил, наконец, возвратиться в свою подвижническую келлию. Проходя через Кир - город, отстоящий от Антиохии на два дня пути, - он посетил могилу победоносца-мученика Дионисия. Тамошние предстоятели благочестия, собравшись к нему, просили оказать им помощь, ожидая явной погибели. Она исходила, по их словам, от некоего Астерия, воспитанного в софистическом лжемудрии, который, переметнувшись в церковь еретическую и удостоившись там сана епископского, умело защищает ложь и употребляет своё нечестивое искусство против истины. "И мы опасаемся, - говорили они, - чтобы он, прикрывая ложь красноречием, как приманкой, и расставляя сплетение силлогизмов, словно сети, не обольстил многих из людей простых: ведь для этого он и поставлен во епископа противниками". Старец ответил им: "Мужайтесь и помолитесь вместе со мной Богу, присоединив к молитве пост и подвиги". Когда они таким образом молились Богу, то в один день перед наступлением великого праздника, в который защитник лжи и враг истины намеревался держать речь перед верующим народом, он поражен был свыше и, поболев только один день, был вычеркнут из списка живых, услышав, как и должно было, глас: "Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя (Лк.12,20), а уготованные злые сети и тенета тебе будут, а не другому."

22. Подобное случилось и с Валаамом, который был призван против народа Божия. Валак, замышлявший некое нечестие против этого народа, сам был наказан, будучи поражен рукой израильянина (Чис.31,8.16). Так и Астерий, только он замыслил нечестивое против народа Божия, то сразу же был лишен жизни через этот народ Божий. Такое-то спасение получил город Кир благодаря молитвам Иулиана!

Мне же то, о чем я повествовал, передал божественный предстоятель верийской церкви - великий Акакий, который хорошо знал всё, относящееся к Иулиану. Итак, покинув Кир и соединившись со своими братьями, Иулиан провёл среди них немало время и с радостью перешел в жизнь нестарящую и беспечальную, приобретя в смертном теле бесстрашие и стяжав упование на бессмертие тела. Окончив на этом повествование о нём, я приступаю к другому, моля святых, о которых повествоваю, чтобы они своим предстательством низвели на меня вышнее благоволение.

III. МАРКИАН

1. Как нам достойно восхвалить знаменитейшего Маркиана? Сравнить ли его с Илией и Иоанном, которые скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр.11,37-38)? Он сначала имел своим отечеством Кир, о котором я упоминал прежде, потом - пустыню, а ныне, оставив то и другое, имеет отечеством своим небо. Первый его родил, вторая воспитала, а третье приняло его увенчанным.

2. Презрев знатность происхождения (он происходил от благородных родителей) и блеск дворца, в котором процветал, получив от Творца природы великое и красивое тело и имея душу, украшенную светлым умом, всю любовь он перенёс на Бога, возжелав одного только Божественного. Простившись со всем прежним, он избрал самое сердце пустыни и, устроив малую и даже несоразмерную со своим телом хижину, обнеся её небольшой оградой, заключился в ней навсегда и, прервав всякое общение с людьми, беседовал с Владыкой всяческих и внимал Его сладчайшему гласу. Ибо, читая Божии глаголы, думал, что слышит он самый Божественный Глас, а молясь и принося прошения Владыке, полагал, что беседует с Ним. И наслаждаясь этой духовной пищей постоянно, он не знал насыщения: внимал он Духу Божию, поющему чрез великого Давида: кто поучится в законе Господнем день и ночь, будет яко древо насажденное при истоках вод, еже плод свой даст во время свое: и лист его не опадет (Пс.1,2-3). Желая этих плодов, он с любовью принял на себя труд и молитву сменял псалмопением, псалмопение - молитвою, а ту и другое - чтением Глаголов Божиих.

3. Пищей его был один хлеб, и притом вкушал он его в определённой мере; мера же была такова, что она не могла удовлетворить потребности дитяти, недавно отнятого от сосцов матери. Рассказывают, что он фунт хлеба, разделив на четыре части, назначал себе на четыре дня, и каждый день были еще остатки. У него было в обычае есть однажды в день вечером, и никогда не есть досыта, но всегда алкать, всегда жажда, а телу доставлять только необходимое для жизни. Тот, говорил он, кто после многих дней поста принимает пищу, во дни поста слабее совершает Божественные службы; а кто в тот день, в который позволено принимать пищу, употребляет более обыкновенного, тот отягощает чрево; отягощенное же чрево делает душу ленивой для бдения. Поэтому лучше, говорил он, принимать пищу каждый день, но только никогда не до сытости. Постом для себя он считал постоянный голод. Такие правила этот человек Божий полагал для себя, и, имея большой рост и будучи сам по себе виднее и красивее всех, довольствовался такой малой мерой пищи!

4. Некоторое время спустя он принял к себе двух сподвижников - Евсевия, который сделался наследником его священной хижины, и Агапита, который пересадил семена его правил в Апамею. Здесь есть селение, называемое Никертами, очень большое и многолюдное; в нём Агапит устроил два весьма обширных училища любомудрия, одно из которых названо его именем, а другое - именем дивного Симеона, который пятьдесят лет блистал своим любомудрием. В них и до сего дня живёт более четырёх сот мужей - подвижников добродетели, поборников благочестия, взыскующих Небо своими трудами.

Законоположниками этого общества святых были Агапит и Симеон, принявшие правила от великого Маркиана. От этих училищ рассадилось множество других, руководившихся теми же правилами, подвижнических пристанищ, которые нелегко и перечислить. Насадителем же их всех был благочестивый Маркиан. Ибо кто преподнёс прекрасные семена, тому по справедливости вменяются в заслугу и добрые всходы.

5. Сначала Маркиан жил один, как я сказал, в своей добровольно избранной тюрьме; да и после, когда принял еще двух сподвижников, он не обитал вместе с ними; потому что хижина, будучи чрезвычайно маленькой, являлась недостаточной даже для него одного и доставляла ему много неудобств, стоял ли он или лежал. Стоя, он не мог в ней выпрямиться, так как крыша давила ему на голову и на шею, а лежа, он не мог вытянуть ног, поскольку хижина была короче его тела. Поэтому Маркиан позволил двум сподвижникам построить для себя другую хижину, и самим по себе воспевать гимны, молиться и читать Божественные глаголы. Когда же обрелось еще большее количество благочестивых мужей, пожелавших стать причастниками этой духовной пользе, Маркиан посоветовал им возвести вдали еще одно прибежище, повелев жить в нём всем желающим. Руководил ими Евсевий, который принёс сюда учение великого Маркиана. А божественный Агапит, получив должное воспитание и обучение, научившись доброму подвижничеству, удалился, как я сказал, чтобы засеять семена, полученные им от богочестивой души своего наставника. Он стал столь знаменитым и славным, что удостоился первосвященнической кафедры - ему поручено было пастырское попечение и забота о своём отечестве.

6. Дивный же Евсевий, управляя собравшимся стадом Христовым, принял на себя заботу об учителе; и он один получил право навещать иногда Маркиана и спрашивать его, не желает ли он чего-либо. И вот, однажды ночью восхотев посмотреть, что делает Маркиан, он осмелился приблизиться к окну, которое было очень маленьким, и, наклонившись, увидел свет - свет не от светильника и не рукотворный, но дарован-

ный Богом, от горней благодати, сияющий над главой учителя и позволяющий ему различать буквы Божиих глаголов. Ибо в руках Маркиан держал Библию и искал в ней нетленного сокровища Божественной воли. Увидев это, дивный Евсевий был объят страхом и преисполнился трепета, ибо познал он благодать, изливающуюся на своего учителя, и понял благоволение Божие к рабам верным.

7. В другой раз, когда великий Маркиан молился в преддверии своей хижины, дракон, заползши на стену, обращенную к востоку, повис сверху и, раскрыв пасть, со страшным взором грозил Маркиану жуткой бедой. Евсевий, стоя вдали, ужаснулся этого страшного зрелища и, думая, что наставник не видит этого, стал давать ему знаки, крича и умоляя его бежать. Маркиан же с негодованием повелел ученику оставить робость (ибо и она - пагубная страсть), изобразил перстом крестное знамение и дунул устами, обозначив тем самым древнюю вражду. И змей духом уст, словно неким огнём, объятый и сожженный, распался на многие части, подобно сожженной тросте.

8. Посмотри, как Маркиан подражает Господу подобно благоразумному слуге Его! Ибо и Господь некогда, когда море угрожало опасностью судну учеников, видя их борющимися с опасностью, умирил ярость моря лишь после того, как упрёком утишил неверие учеников (Мк.4,35-41; Лк.8,22-25). Подражая этому, дивный муж сей также сначала рассеял робость ученика, а потом уже зверя предал смерти.

9. Таковы мудрость, чудотворения и дерзновение перед Богом великого Маркиана! Но, удостоенный столь великой благодати и обладая великой силой творить чудеса, он старался скрыть эту силу, опасаясь козней похитителя добродетели, который, внушая страсть хвастовства, стремится ограбить трудом собранные плоды. Поэтому, скрывая данную ему благодать, Маркиан неохотно творил чудеса, ибо тогда свет добродетели его обнаруживался и проявлял сокрытую в нём силу. Например, однажды случилось вот что. Один муж благородного происхождения, родом из Верии Сирийской, много раз стоявший во главе войска, имел дочь, которая долгое время неистовствовала и бесновалась, мучимая лукавым духом. Будучи прежде знакомым с великим Маркианом, он пришел в пустыню, надеясь, что подвижник, ради прежней дружбы, примет участие в нём и помолится Богу о его беде. Но, обманувшись в своей надежде, ибо он не сумел встретиться со служителем Божиим, он попросил одного старца, который в то время прислуживал человеку Божию, принять сосуд, наполненный елеем, и поставить его у дверей домика Маркиана. Старец много раз отказывался, однако после многократных уговоров уступил просьбе. Великий Маркиан же, чувствуя шорох, спросил: кто там и по какой нужде пришел? Прислужник, скрыв истинную причину, сказал, что это он пришел узнать, нет ли каких повелений у Маркиана. Сообщив это, он был отослан от келлии. На утренней заре отец девицы попросил возвратить ему сосуд; старец испугался, однако пошел, насколько возможно тихо и, протянув руку, взял сосуд и попытался незаметно удалиться. Маркиан опять спросил, чего хочет пришедший? И когда прислужник назвал ту же самую причину, которую объявил вечером, то человек Божий рассердился (потому что приход старца был сверх обыкновения) и приказал говорить правду. Старец испугался, смутился и, не в силах скрыть что-либо от исполненного Божественной благодати, сказал, что именно приходил, объяснил трагедию болезни и показал сосуд. Маркиан сделал вид, что рассердился, по обыкновению не желая показывать свою добродетель; и пригрозив, что если в другой раз прислужник решится на подобное, то будет лишен его общества и удалён от служения (а эта потеря была весьма велика для тех, кто понимал духовную пользу), приказал отдать сосуд тому, кто принёс его, и отослал прислужника. Лишь только Маркиан повелел это сделать, бес, находившийся от него на расстоянии четырёх дней пути, возопил и был изгнан из девицы, засвидетельствовав силу святого мужа. Так Маркиан, словно судья, вынес свой приговор бесу, бывшему в Верии, и наказал его как бы через неких палачей: душегубца этого изгнал, а девицу соделал чистой и освободил от его власти. Отец девицы полностью в этом удостоверился. Когда он возвращался и был от своего города в нескольких стадиях, его встретил один из рабов, посланных госпожою навстречу. Увидев господина, он принёс ему весть о случившемся чуде, говоря, что оно произошло четыре дня тому назад. Посчитав дни и точно определив время, господин узнал, что это свершилось в тот самый момент, когда старец вынес сосуд.

10. И мне приходит на ум мысль, что мог бы сделать сей великий муж, если бы захотел чудодействовать. Ибо даже и стараясь скрыть благодать, которую получил, он явил такое сияние, то какое бы чудо он сотворил, если бы возжелал? И духовную мудрость свою Маркиан точно таким же образом далеко не всем показывал, даже и тогда, когда после праздника спасительных страданий и Воскресения Господня, он позволял входить к нему всем желающим.

11. В это время, действительно, все старались его увидеть. Однажды, собравшись вместе, пришли к нему первые из архиереев, знаменитые своими добродетелями: Флавиан, великий пастырь Антиохийской церкви, благочестивый Акакий, о котором я упоминал прежде, Евсевий, епископ Халкидонский, и Исидор, которому тогда было вверено управление церковью Кирской. С ними пришел и Феодот - предстоятель Иеропольский, сияющий аскетической жизнью и кротостью. Пришли также некоторые из людей знаменитых и важных, ревновавших о вере. Когда все они сидели в молчании, ожидая священного гласа Маркиана, сам он также долго сидел молча, не отверзая уст, но имея отверстым слух; в это время некто, любимый им за

попечение о своей душе и сияющий другими достоинствами, сказал: "Отче, все сии блаженные отцы жаждут твоего наставления и ожидают сладостного твоего слова; доставь же всем присутствующим пользу и не заграждай источника благодеяний". Маркиан же, тяжело вздохнув, изрёк: "Господь всяческих каждый день глаголет чрез творение своё, беседует и чрез Божественные Писания, внушает должное, показывает полезное, устрашает угрозами, ободряет обещаниями - а мы не получаем никакой пользы. Каким же образом принесёт пользу словом своим Маркиан, который вместе с другими пренебрегает такими благодеяниями и не хочет извлечь из них никакого плода?" Эта речь Маркиана побудила отцев высказать много возвышенных размышлений, передать которые в своём повествовании я счел излишним. Встав и помолвившись, они хотели рукоположить его во иерея, но не решались возложить на него руки. Все предлагали сделать это друг другу, но, тем не менее, каждый отказывался, и они затем удалились.

12. Я хочу прибавить к этому другой рассказ, свидетельствующий о божественном разумении Маркиана. Некто Авит первый устроил в другой пустыне подвижническую хижину. Эта пустыня была севернее той, в которой обитал Маркиан, и даже уклонялась несколько на восток, откуда дует северо-восточный ветер. Авит, муж любомудрый и воспитанный суровой жизнью, по возрасту и по подвигам был старше Маркиана, но, узнав о прославляемой повсюду добродетели его, счел свидание с ним полезнее продолжительного безмолвия и поспешил увидеть то, что он желал. Великий Маркиан, проведав о его приходе, открыл дверь, принял его и повелел дивному Евсевию сварить, если есть, бобов и репы. Когда они насладились взаимной беседой и узнали добродетели друг друга, то в девятый час вместе совершили молитвословие, после чего Евсевий вошел к ним, неся кушанье и хлеб. Великий Маркиан сказал благочестивому Авиту: "Поди сюда, возлюбленнейший мой, и вкусим вместе от этой трапезы". Тот же ответил: "Не помню, чтобы я когда-нибудь принимал пищу прежде вечера; бывает, что я по два и три дня подряд провожу без пищи". На эти слова великий Маркиан ответил: "Ради меня измени ныне своё обыкновение, потому что я, имея болезненное тело, не могу дожидаться вечера". Когда и это не убедило чудного Авита, то, говорят, он вздохнул и сказал: "Я очень беспокоюсь и мучаюсь тем, что ты предпринял такие усилия, чтобы увидеть человека трудолюбивого и любомудрого, но обманулся в надеждах и увидел обжору и человека невоздержного". Но когда чудный Авит опечалился такими словами и сказал, что для него приятнее было бы съесть мясо, чем услышать подобное, тогда великий Маркиан изрёк: "И мы, любезный, проводим жизнь подобно тебе, держимся того же порядка подвижничества, предпочитаем труды покою, пост ценим выше пищи и принимаем её обыкновенно при наступлении ночи; но мы знаем, что дело любви дороже поста. Первая есть дело Божественного законоположения, последний же - нашего произволения. Но Божественные законы должно уважать гораздо более трудов, предпринимаемых нами по собственной воле". Ведя подобные беседы, приняв немного пищи и восхвалив Бога, они прожили вместе три дня и разлучились, отныне созерцая друг друга только духом.

13. Так кто же не подивится мудрости этого мужа? Управляемый ею, он знал и время поста, и время братолюбия, и различие отдельных добродетелей: какая из них должна уступать другой и какую по временам следует предпочитать другой.

14. Я знаю и еще одно повествование, показывающее его совершенство в вещах божественных. Пришла к нему из отечества сестра его со своим сыном, который был уже мужем зрелым и одним из первенствующих в городе Кире, и принесла ему в изобилии всё необходимое для жизни. Сестру он не допустил увидеться с собой, племянника же принял, потому что то было время, определённое у него для встреч. Когда же они попросили его принять то, что было принесено, он спросил: "Мимо скольких монастырей вы прошли и какому из них сколько уделили?" На ответ же племянника, что они нигде ничего не дали, он сказал: "Отойдите с тем, что принесли. Мы ни в чем этом не нуждаемся, а если бы даже и нуждались, то не приняли бы, потому что вы захотели облагодетельствовать нас, движимые чувством естественного родства, а не ради служения Богу. Если бы вы уважали не одно только кровное родство, то не одним нам сделали приношение". И сказав это, он отослал племянника с сестрой, повелев, чтобы даже самая малая толика из их приношений не была принята.

15. Живя таким образом как бы вне пределов естества, Маркиан уже здесь переселился в жизнь небесную. Кто представит более ясное доказательство того, что он был достоин Бога, согласно Гласу Самого Бога? Ибо Господь сказал: кто не оставит отца и матери, братьев и сестер, жены и детей, не достоин Меня (Мф.10,37). Если же не оставляющий их недостоин Господа, то очевидно, что Маркиан, всё оставивший, и притом исполнивший эту заповедь с совершеннейшей точностью, был вполне достоин Бога.

16. Сверх того я удивляюсь его строгости в Божественных догматах. Он возгнушался безумия Ария, усилившегося в то время под покровительством царя. Равным образом презрел он и сумасбродство Аполлинария. Мужественно боролся и с единомышленниками Савеллия, сливающимися три Божественные Ипостаси в одну. Совершенно отвращался он и так называемых евхитов, которые под видом монашества страдали манихейством.

17. Он имел столь горячую ревность о догматах церковных, что вступил в справедливый спор с одним достоуважаемым и дивным мужем. В той же пустыне жил некий старец Авраамий, у которого были белые волосы и еще более светлый разум; он сиял всякой добродетелью и постоянно проливал слезы сокрушения. По своей детской простоте он первоначально придерживался давнего обычая празднования Пасхи: оставаясь, видимо, в неведении относительно того, что определено правилом отцами в Никее, он продолжал древний обычай своей страны. В то время и многие другие страдали таким же неведением. Великий Маркиан много раз многими убеждениями пытался привести старца Авраамия (так называли его местные жители) в согласие с Церковью. Однако, увидев его непреклонность, он открыто порвал с ним общение. Спустя некоторое время благочестивый Авраамий, пренебрегая бесчестием и дорожа согласием в совершении Праздника, отказался от прежнего обычая и искренно воспел: Блажени непорочнии в путь, ходящие в законе Господни (Пс.118,1). И это было плодом вразумления великого Маркиана.

18. Многие люди повсюду устроили для Маркиана надгробные часовни, как-то: в Кире - его племянник Алипий, в Халкидоне - некая Зиновияна, славная своим происхождением, отличающаяся добродетелью и весьма богатая; и многие другие сделали то же, стараясь привлечь к себе этого победоносного подвижника. Человек же Божий, узнав об этом, призвал дивного Евсевия и обязал его клятвой, чтобы он положил его тело в тайном месте и чтобы никто, кроме двух ближайших его сообщников, не знал, где он похоронен до тех пор, пока не пройдет значительное число лет. Достоуважаемый Евсевий исполнил это завещание. Когда наступила кончина победоносца, и лик Ангелов перенёс его святую и блаженную душу в обители небесные, он не прежде объявил о кончине святого, как вырыв вместе с названными двумя его любимцами могилу, похоронил тело и сровнял поверхность земли. Так что и по прошествии пятидесяти и более лет, когда собралось бесчисленное множество народа и стало отыскивать тело, могила осталась неизвестной. Впоследствии уже, когда каждая из вышеназванных часовен приняла одна - останки Апостолов, а другая - мучеников, наследники хижины Маркиана уже смело, приготовив за два года до того каменную гробницу, переложили в неё останки драгоценного тела его. Ибо один из трёх учеников, бывших при кончине Маркиана и оставшийся еще в живых, указал его могилу.

19. Ревнитель его добродетели, дивный Евсевий старался изнурять тело своё многими трудами. Нося постоянно сто двадцать фунтов железа, он наложил на себя еще пятьдесят, принадлежавших дивному Агапиту, и к этому присоединил еще восемьдесят фунтов, оставшихся после великого Маркиана. Местом молитвы и жизни для него было одно высохшее озеро, и он проводил такую жизнь три года. Я упомянул об этом, с тем чтобы показать, каких других мужей, великих своими добродетелями, вырастил Маркиан.

20. Любомудрие его пошло на пользу и дивному Василию, который спустя много времени возле Селевкила (это был город в Сирии) устроил иноческую обитель и который прославился многими видами добродетели, преимущественно своей боголюбезной любовью и божественной добродетелью страннолюбия. Сколь многих делателей этот Василий представил Богу, говоря словами Апостола, неукоризненных, верно преподающих слово истины (2 Тим. 2,15), трудно и перечислить.

21. В настоящее время я, чтобы не сделать слишком пространным своего повествования, умолчу о других, а упомяну только об одном из них. Был некий его ученик, по имени Савин, который изнурял тело бесчисленными трудами. Он не употреблял ни хлеба, ни других снедей, но пищей ему служила только мука, смоченная водой. Её он смешивал обычно один раз на целый месяц, чтобы она, заплесневев, издавала неприятный запах. Таким видом пищи он хотел ослабить похотения плоти, а неприятным запахом уничтожить наслаждение, получаемое от еды. Живя сам по себе таким образом, он, если кто приходил к нему из знакомых, просто принимал в пищу то, что было под рукой.

22. От Бога же он получил такую благодать, что, прослышав про неё, к нему из Антиохии пришла одна женщина знатного рода и весьма богатая, и попросила его помочь её дочери, мучимой злым духом. Она сказала: "Видела я во сне кого-то, кто повелел мне прийти сюда, чтобы молитвами настоятеля обители сей обрести спасение моей дочери". Когда же тот, кто передавал ответы настоятеля, сказал, что он не имеет обыкновения разговаривать с женщинами, она со слезами и рыданиями стала усиленно умолять и настаивать. Тогда настоятель вышел, но женщина, увидев его, сказала, что это - не он, и попросила, чтобы ей показали другого, красноватого, с сыпью на щеках. С трудом догадались, кого она ищет (ибо Савин был третий, а не первый в обители), попросили его и привели к женщине; и как только она узнала лицо Савина, злой дух, возопив, покинул девицу.

23. Таковы были дела учеников великого Маркиана! Такие вот растения насадил повсюду сей дивный садовник! А я опять, оканчивая и это повествование, молю всех о молитвенной помощи мне в моём начинании.

IV. ЕВСЕВИЙ

1. В прежних повествованиях мы уже показали, какие плоды — полные и зрелые, приятные для садовника, а также любезные и вожделенные для благомыслящих людей — принесла Богу бесплодная пустыня. Но дабы никто не подумал, что добродетель ограничивается каким-нибудь одним местом и что одна только пустыня способна приводить к такой добродетели, мы в своём рассказе переходим теперь к местам населённым и покажем, что и они нисколько не препятствуют стяжанию любомудрия.

2. Есть высокая гора, лежащая к востоку от Антиохии и к западу от Верии; верхней своей частью она напоминает конус, а по высоте своей превышает все окружающие её горы, так что от этой высоты она и получила своё название. Ибо окрестные жители обыкновенно называют её Корифой. На самой вершине её издревле было святилище бесов, очень уважаемое окрестными жителями. На южной стороне расстилается изогнутая равнина, окруженная с обеих сторон не очень высокими холмами, которые проходящим и проезжающим с юга на север затрудняют подлежащий им путь. В этой равнине рассеяны малые и большие селения, окруженные со всех сторон горами. При самой подошве высокой горы есть весьма обширное и многолюдное селение, которое местные жители на своём наречии именуют Теледой. На одной части вершины той же горы есть лесистый холм, не очень крутой, а несколько покатый, обращенный к этому селению и открытый южному ветру. Здесь и устроил себе жилище любомудрия некто Аммиан — муж, славный многими добродетелями, но особенно превосходивший других кротостью. Вот этому доказательство. Хотя у него было чему научить не только собственных учеников, но и вдвое больше, однако он часто ходил к великому Евсевию, умоляя его принять участие и быть наставником и учителем в основанной им школе подвижничества.

3. А Евсевий обитал на расстоянии двадцати пяти стадий от него и жил в хижине очень тесной и не имеющей окон. Наставил его в такой добродетели Мариан, его дядя, верный служитель Божий. Этого достаточно сказать о нём, поскольку Господь таким именем почтил и великого Моисея. Сей Мариан, вкусив Божественной любви, не хотел один наслаждаться благами её, но и многих других сделал соучастниками себе; привлёк он к себе также великого Евсевия и его брата — брата не только по рождению, но и по образу жизни. Ибо Мариан считал неблагоразумным привлекать к добродетели посторонних ему людей, а сродников оставлять без внимания. Поместив обоих племянников в тесной хижине, он стал учить их евангельскому образу жизни. Но случившаяся с братом Евсевия болезнь пресекала для него этот путь, и он, прожив несколько дней после того, как вышел оттуда, окончил жизнь.

4. Великий же Евсевий пробыл здесь в течение всей жизни дяди, ни с кем не разговаривая и не видя света, но пребывая постоянно в добровольном заточении. И после смерти дяди он был доволен такой жизнью до тех пор, пока дивный Аммиан не убедил его долгими уговорами и следующими речами: "Скажи мне, мой дорогой, кому, как ты думаешь, приятно, что ты избрал такую трудную и суровую жизнь?" И когда Евсевий, как должно было, ответил, что Богу — Законоположнику и Учителю добродетели, то Аммиан сказал: "А поскольку ты любишь Его, я покажу тебе путь, шествуя которым ты возгорись еще большею любовью и усерднее будешь служить Тому, Кого любишь. Ибо кто всё попечение обращает на самого себя, тот, я думаю, не избегнет укоризны в себялюбии. Закон Божественный повелевает любить ближнего как самого себя. А дело и долг любви — приобщать многих к своему богатству. Божественный Павел назвал любовь «исполнением закона» (Рим. 13,10), и далее он говорит, что «закон в одном слове заключается: любви ближнего твоего, как самого себя» (Гал.5,14). И Господь во святом Евангелии повелел Петру, обещавшемуся любить Его более других, пасти Его овец (Ин. 21,15-17), и, укоряя не делавших этого, через пророка вопиет: «горе пастыри, еда пасут пастыри самих себе! Не овец ли пасут пастыри?» (Иез.34,2). Поэтому Он повелел и великому Илие, проводящему такую жизнь, обращаться среди нечестивых (3 Пар. 18). И другого Илию, святого Иоанна, жившего в пустыне, Он послал на берега Иордана, повелев проповедовать и крестить там. Итак, поскольку ты горячо любишь сотворившего и спасшего тебя Бога, то приведи к этой любви и многих других. Это будет весьма приятно Господу всяческих. Он и Иезекииля назвал «стражем» (Иез.3,17) и повелел Себя призывать во свидетели пред грешниками. Ионе приказал идти в Ниневию (Иона,1), и когда он не захотел, послал против воли". Такими и подобными словами убедив божественного мужа, Аммиан, с его согласия, прокопал вход в добровольную тюрьму Евсевия, вывел и отвёл его к собраниям и поручил ему попечение о них.

5. И не знаю, чему мне удивляться более — кротости ли одного или послушанию другого? Ибо Аммиан избегал власти и хотел лучше быть послушником, чем начальствовать, увидев опасность руководства. А великий Евсевий, хотя на протяжении долгого времени избегал общения с людьми, тем не менее послушался убеждений Аммиана. Уловленный сетями любви, он принял на себя попечение о стаде Христовом и управлял хором подвижников, не нуждаясь для наставления их в обильных речах. Потому что ему было достаточно только показаться, чтобы и самого ленивого побудить к усердному шествию по пути

добродетели. Видевшие его говорят, что он постоянно имел лик серьёзный, которого довольно было для того, чтобы возбудить страх в смотревших на него. Сам он принимал пищу через три и четыре дня, а живущим с ним инокам велел принимать через день. Он увещевал их постоянно беседовать с Богом и не оставлять никакого времени свободным от этого занятия: то совершать общие определённые службы, то, в промежуток между ними, поодиночке, под тенью какого-либо дерева, или на какой-нибудь скале, и вообще всюду, где каждый вкушал безмолвие, стоя или лежа на земле, молиться Господу и искать спасения. Таким образом он каждую часть тела приучал к добродетели, так чтобы они делали только то, что повелевает духовное разумение.

6. Чтобы сделать это очевидным для всех, упомяну об одном из переданных мне рассказов. Однажды он и дивный Аммиан сидели на скале; один читал повествование Божественного Евангелия, а другой объяснял смысл неясных мест. В это же время некоторые из окрестных жителей возделывали землю в близлежащей долине; великий Евсевий отвлёкся этим зрелищем. Дивный Аммиан, прочитав из Евангелия одно место, стал спрашивать объяснение его. А великий Евсевий попросил повторить чтение. На это Аммиан сказал: "Естественно, что ты ничего не услышал, потому что наслаждался созерцанием возделывающих землю". С тех пор Евсевий установил правило для очей своих: никогда не смотреть ни на это поле, ни на красоту небесную, ни на хоровод звёзд, но назначил себе очень узкую тропинку (которая, как говорят, была шириной в пядь), ведущую к дому молитвы, и вне её уже не позволял себе ходить. Говорят, что по этому правилу жил он более сорок лет. А чтобы, после его решения, какая-нибудь необходимость не отвлекла вновь его взгляда, он наложил на поясицу железный пояс и надел на шею весьма тяжелую цепь, и пояс соединил с ней также цепью, чтобы, согнувшись таким образом, он был вынужден постоянно смотреть в землю. Столь великому наказанию он подверг себя за взгляд на тех земледельцев!

7. Мне об этом рассказывали и многие другие, писавшие его историю и хорошо знавшие всё, относящееся к нему; но то же самое повествование о нём поведал и великий старец Акакий, о котором я упоминал раньше. По словам Акакия, однажды увидев согбенного Евсевия, он спросил его: какую пользу думает он получить из того, что не позволяет себе смотреть ни на небо, ни даже на близлежащее поле и не позволяет себе ходить нигде, кроме этой узкой тропы? На такой вопрос Евсевий ответил: "Эту хитрость употребляю я против козней лукавого беса. Чтобы диавол не вёл брань против меня в главном, пытаюсь похитить целомудрие и справедливость, возбуждая гнев, возжигая похоть, стараясь воспламенить гордость и спесь и многое другое замышляя против моей души, я пытаюсь направить его на эти незначительные вещи. Ведь даже одержав победу здесь, он приобретёт не много прибыли, а будучи побеждён, терпит большее посрамление, так как не смог одолеть меня и в мелочах. Такую брань я считаю безопаснее, потому что вовлеченный в неё терпит малый ущерб. Ибо какой вред посмотреть на небо или устремить взоры к небу? На это-то я и перенёс брань, потому что здесь он не может ни сокрушить, ни погубить меня. Не смертоносны те стрелы, которые не имеют железных наконечников". Это, по словам великого Акакия, слышал он от самого Евсевия, восхитившись его мудростью и удивившись его воинским мужеством и опытностью. Поэтому он и передал этот рассказ, как удивительный и достопамятный для всех, кто хочет знать о таких вещах.

8. Подобная слава Евсевия, распространившись повсюду, привлекла к нему всех любителей добродетели. Пришли агнцы прекрасного стада божественного Иулиана, историю которого мы изложили прежде. Когда сей дивный муж, достигнув конца этой жизни, перешел в жизнь лучшую, то к великому Евсевию прибыли Иаков Персиянин и Агриппа — предстоятели того стада, признав, что лучше быть под хорошим управлением, чем самим управлять. Что касается Иакова, о котором и прежде я уже упоминал, поведав немного о его добродетели, то теперь самое время представить доказательство его высокого любомудрия. Богочестивый Евсевий, отходя от сей жизни, поручил ему начальствовать над своим стадом, но он решительно отказался от этой заботы, хотя все желали быть под его попечением; поэтому Иаков пришел в другое стадо, желая лучше пастись, чем пасти, и, прожив там много времени, окончил таким образом земную жизнь свою. Итак, то начальствование принял на себя Агриппа, муж, украшенный и многими другими добродетелями, но особенно блиставший душевной чистотой, вследствие которой он удостоился созерцать Божественную красоту и, пылая огнём любви к ней, непрестанно орошал ланиты свои слезами.

9. Когда и он, долгое время управляя тем избранным Божиим стадом, окончил жизнь, тогда начальствование принял божественный Давид, которого и я удостоился видеть, — муж истинно, как говорит Апостол, «умертвивший земные члены» (Кол.3,5) свои. Ибо он настолько воспринял учение великого Евсевия, что прожил в том убежище сорок пять лет — и всё это время прожил без ропота и гнева. Да и когда он был предводителем иноков, никто никогда не видел побеждённым его этой страстью, хотя, конечно, было чрезвычайно много случаев, вынуждающих к тому. Сто пятьдесят мужей пасомы были его десницей; из них одни были совершенны в добродетели и подражали жизни ангельской, а другие, едва оперившись, только еще учились взлетать и порхать над землей. И несмотря на большое количество еще только постигающих Божественные науки и, конечно, в чем-либо погрешающих (ибо нелегко недавно вступившему на сей путь

исполнять всё в точности), этот Божий муж пребыл неизменным, словно он был существом бестелесным и словно не было никакого случая, могущего возбудить в нём гнев.

10. Об этом я узнал не только по слухам, но и по собственному опыту. Некогда, пожелав посмотреть на то стадо, я отправился туда, имея и других сообщников, любящих жизнь, подобную моей. Прожив у этого боголюбивого мужа целую неделю, мы ни разу не видели перемены в его лице: оно не покрывалось ни радостью, ни угрюмостью, и взор его был постоянно одинаков — не суровый и не смеющийся, ибо глаза его всегда излучали внутреннюю гармонию. Уже одно это ясно показывало покой его души. Но, быть может, кто-нибудь подумает, что мы видели его таким тогда, когда не было никакой причины к смятению? Поэтому я считаю необходимым рассказать, что произошло при нас. Этот божественный муж сидел с нами, беседуя о любомудрии и исследуя вершины Евангельской жизни. Во время беседы некто Олимпий, по происхождению римлянин, а по образу жизни достойный всяческого уважения, почтенный саном священства и занимающий второе место в управлении монастырём, пришел к нему и стал упрекать этого божественного Давида, говоря, что кротость его вредна для всех, и называя его снисходительность общим злом, а возвышенное любомудрие — не кротостью, но безумием. Он же, словно имея адамантову душу, выслушал эти слова, не уязвляясь, хотя и сказаны они были для того, чтобы его уязвить: не изменился в лице и не прервал текущего разговора, но кротким голосом и словами, выражающими ясность души, отослал того старца, обещая ему исправить то, на что он указал. "А я, — сказал Давид, — беседую, как видишь, с пришедшими к нам, считая это своим необходимым долгом".

11. Каким иным образом можно лучше показать кротость души? Тот, кому было вверено первенство, терпеливо перенёс такую дерзость со стороны занимающего второе после него место, притом в присутствии посторонних, слышавших укоризны, и не выказал никакого возмущения или признаков гнева. Какую же высоту мужества и терпения явил он! Ведь и божественный Павел, принимая во внимание слабость человеческой природы, соизмеряет с ней законоположение, изрекая: «гневаясь, не согрешайте; солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф.4,26). Ибо зная естественные (а не произвольные) движения яростного начала души, он не хочет законополагать того, что весьма трудно, и даже почти невозможно; но при естественных побуждениях природы и буре гнева он назначает срок в один день, повелевая подавить разумом и как бы уздой его обуздать гнев, не позволяя ему выйти из положенных пределов. А сей Божий муж подвизался свыше положенных законов и превысил установленные пределы естества, не позволив себе не только до вечера возмущаться гневом, но даже слегка смутиться. И всё это — плод его совместной жизни с великим Евсевием.

12. Видел я в том убежище и многих других любителей и ревнителей этого любомудрия - как пребывающих в расцвете сил, так и весьма престарелых. Ибо и подвижники, прожившие более девяноста лет, не хотели оставлять своего трудничества, но отличались юношеским усердием, повсенощно и вседневно прославляя Бога, совершая святые службы, а скудную пищу принимая через два дня. Я умалчиваю о других, которые не умолчания, но всяких похвал и прославлений достойны, дабы не сделать своего повествования чрезмерно пространным. Но упомяну о некоем муже в том Божием месте, по имени Авва, который, хотя и произошел от Измаилитского корня, однако не удалился от дома Авраамова, но вместе с Исааком соделался участником в отеческом наследстве, или, лучше сказать, восхитил самое Царство Небесное. Первоначально он изучал образ подвижнической жизни у одного старца, отличного наставника в этом деле, — имя его было Марозас. Впоследствии и этот Марозас, оставив начальство над другими, присоединился к одному стаду с Аввой и прожил еще немало времени, после блистательных и славных подвигов отойдя из жизни сей. Что же касается Аввы, то он прожил здесь тридцать восемь лет, всегда с тем же горением к трудам, что и в начале своей иноческой жизни. Так и до настоящего дня он никогда не надевает обуви, во время холода он укрывается в тени, а во время жары подставляет себя палящим лучам солнца, воспринимая огонь их как прохладный ветерок. В пору жары он не позволяет себе вкушать воды и не ест то, что обыкновенно употребляют те, которые собираются обходиться без воды (а они обычно употребляют пищу влажную). Воду он считает излишеством, а ест очень мало, понемногу подкрепляя силы. Препоясав спину тяжелым железом, он редко садится, но большую часть дня и ночи, стоя или преклонив колена, приносит Владыке служение молитвы, а в возлежании на одре совершенно отказывает себе. До сего дня никто никогда не видел его лежащим; возглавив хор подвижников и согласившись быть предстоятелем его, он сам усердно нёс весь труд, представляя себя образцом любомудрия для всех своих послушников.

13. Вот каких победоносных подвижников представил Богу божественный Евсевий, учитель и наставник их! Воспитал он и очень много других подобных мужей и разослал их в другие иноческие школы как учителей благочестия. Поэтому они всю ту священную гору преисполнили божественными и благоуханными лугами. Ибо кроме подвижнического убежища, основанного им сначала на востоке, можно видеть побеги этого любомудрия и на западе, и на юге, хороводом сияющие как звёзды вокруг луны. Одни из живущих в этих местах прославляют Творца на греческом, другие на местном языке. Но я бы взялся за дело невозможное, если бы решился излагать всё, что сделано божественной душой Евсевия. Поэтому здесь по-

ра, положив конец повествованию о нём, обратиться к другому и опять искать такой же пользы, испрашивая благословения у этих великих мужей.

V. ПУБЛИЙ

1. В то же время жил и некто Публий, достопримечательный и своим внешним видом, и душу имевший сообразную с наружностью, или, лучше сказать, еще более благолепную, чем тело. Происхождения он был знатного и родился в том городе, где знаменитый Ксеркс, во время войны с Грецией желая переправиться с войском через реку Евфрат, собрал множество кораблей, соединил их друг с другом и построил таким образом мост, а потом назвал это место Зевгма, отчего и произошло такое же название города. Публий, родившийся здесь и происшедший из знатного рода, избрал одну возвышенность, отстоящую от города не более чем на тридцать стадий. На ней он построил себе маленькую хижину, роздав перед этим всё свое наследство, полученное от отца: дом, имение, стада, одежды, сосуды, как серебряные, так и медные, и остальное имущество.

2. Роздав же всё это тем, кому должно было дать по Божественному закону, и освободив себя от всякого земного попечения, он принял на себя, вместо всего, одну заботу — о служении Тому, Кто призвал его к Себе; эту заботу Публий постоянно хранил в душе, ночью и днём погруженный в неё, и старался приумножить её. Поэтому труд его непрестанно возрастал, увеличивался и усиливался с каждым днём и был для него столь сладостным и приятным, что он никогда не мог насытиться им. Никто никогда не видел Публия проводящим в праздности хоть самую малую толику дня, но за псалмопением у него следовала молитва, молитву сменяло псалмопение, а после этого он обращался к чтению Божественных Писаний; затем следовало попечение о приходящих посетителях, а потом что-нибудь еще из необходимых дел.

3. Проводя такую жизнь и являясь примером для взыскующих подобного жития, он, как некая сладкоголосая птица, многих сродных ему по природе привлёк в сети спасения. Сначала, однако, он не позволял никому жить вместе с собой, а устроив вблизи своей другие небольшие хижинки, каждому из приходящих приказывал жить поодиночке. Сам же часто посещал их хижины и наблюдал, не скрывает ли кто что-либо сверх необходимого. Говорят, что он носил с собой весы и тщательно взвешивал ломти хлеба: и если у кого-нибудь находил его больше положенной нормы, то негодовал и называл чревоугодниками тех, которые это делали. Он повелевал и в пище, и в питии не заботиться о насыщении, но употреблять их лишь в таком количестве, которое необходимо для поддержания жизни. Если же замечал, что кто-либо употребляет муку, не смешанную с отрубями, то делавших это укорял в том, что они вкушают пищу сибаритов. Также он неожиданно ночью подходил к дверям келлий иноков, и если находил кого бодрствующим и славословящим Бога, то молча удалялся; но если кого заставал спящим, то стучал в дверь и укорял нерадивого, что тот служит телу больше необходимого.

4. Видя такие труды Публия, некоторые из его единомышленников посоветовали ему устроить для всех одно жилище, говоря, что те, которые теперь живут исправно, тогда будут жить еще исправнее, и он освободится от значительной части своего труда. Мудрейший Публий принял этот совет: собрав всех вместе и разрушив малые те хижины, он построил одно жилище для всех собравшихся к нему. Их он увещевал жить вместе и поощрял друг друга в добродетели, чтобы один, подражал кротости другого, а тот умерял кротость этого своей ревностью; один представлял собой пример бодрствования, учась у других посту. Говорил же он так: "Заимствуя друг от Друга то, чего у вас нет, мы достигнем большего совершенства в добродетели. Как на городских рынках один продает хлеб, другой — зелень, третий торгует одеждой, четвёртый мастерит обувь, а все, получая друг от друга необходимые вещи, делают жизнь свою более удобной потому что, если кто отдаёт другому одежду, вместо неё получает обувь, а покупающий зелень взамен продаёт хлеб. Так и нам должно обмениваться взаимно многоценными видами добродетели".

5. Так они, люди, говорившие на одном языке, подвизались, упражнялись и славилы Бога на греческом языке. Но и у местных жителей, говоривших на своём наречии, пробудилась любовь к подобному образу жизни: некоторые из них пришли к Публию, попросив принять их в своё стадо, чтобы внимать его священному учению. Он, памятуя о законоположении Господа, которое Тот дал Своим святым Апостолам, глаголя: «идите, научите все народы» (Мф.28,19), согласился и, построив другое жилище вблизи первого, велел им жить в нём. Кроме того, он возвёл священный храм и приказал как грекам, так и сирийцам собираться в нём при начале и исходе дня и возносить Богу вечернее и утреннее славословие, разделившись на две части и совершая песнопение попеременно на своём родном языке.

6. Этот образ жития сохранился там и поныне: ни время, изменяющее подобные вещи, не переменяло его, ни преемники служения Публия не решились отменить что-либо из учреждённого им, хотя этих преемников в управлении его монастырём было не двое или трое, а очень много. После того как Публий,

завершив свой подвиг, отошел из жизни сей и перешел в жизнь беспечальную, управление над греческой половиной обители принял Феотекн, а над сирийской — Афтоний. Оба были одушевленными памятниками и живыми образами его добродетели, и как живущим в монастыре, так и посторонним посетителям не давали чувствовать потери Публия, являя собой точное впечатление его жития. Но божественный Феотекн, прожив немного времени, передал начальствование Феодоту; Афтоний же весьма продолжительное время управлял своим стадом по установленным Публием правилам.

7. Что же касается упомянутого Феодота, то родом он был из Армении; придя в монастырь и увидя там строгий чин подвижнической жизни, он стал послушником великого Феотекна. Когда же тот скончался, то Феодот, как я говорил, принял на себя управление и столь прославился добродетелями, что своей славой почти помрачил предшественников. Сей муж был так объят любовью к Богу и столькими стрелами её был уязвлен, что ночью и днём проливал слёзы сокрушения. И такой духовной благодатью он был преисполнен, что, когда молился, присутствовавшие при этом застывали в молчании, внимая только его молитвенным призывам и глаголы его считая лучшим молитвословием для себя. Не находилось никого столь холодного, душу которого не тронули бы столь столь умиленные моления; они смягчали самых жестких и упрямых, располагая их к служению Богу. И таким образом ежедневно умножая своё духовное богатство и являя собой сокровищницу, преисполненную многими благами, он, после двадцатипятилетнего управления стадом Христовым, препожил к отцам своим, по слову Писания: «препитан в старости добрей» (Быт.15,15). Управление же стадом он передал Феотекну, племяннику своему по крови и брату по образу жизни.

8. А божественный Афтоний, управлявший своим стадом более сорока лет, получил потом архиерейскую кафедру; но и став епископом, не переменил он ни отшельнической власяницы, ни хитона, сделанного из козьей шерсти, и пищу употреблял такую же, какую вкушал прежде своего предстоятельства. Приняв на себя новое служение, он не перестал заботиться о своём прежнем стаде, проводя там много дней: то прекращал междоусобные споры, то утешал обиженных чем-нибудь, а иногда и наставлял братию своим божественным увещанием. Кроме того, своими руками он исполнял всяческую работу на потребу братий: чинил их прохудившуюся одежду, очищал чечевицу, мыл зерно и исполнял другие подобные работы. Так, украшенный первосвященническим достоинством и преуспевший в добродетели, он, подобно кораблю, нагруженному всяким добром, достиг Божией гавани.

9. О Феотекне же и его преемнике Григории можно сказать следующее: первый еще в юности преуспел во всех видах любомудрия и отошел от жизни сей со славой, подобной славе своих предшественников; второй же и поныне, будучи в весьма преклонном возрасте, трудится, словно муж в расцвете сил. Он совершенно отказался от виноградных плодов и даже от уксуса и изюма; не употребляет он также и молока в любом виде, блюда заповеди великого Публия. А елей, по его правилам, допустимо употреблять лишь во время Пятидесятницы; в другое же время вкушать его непозволительно.

10. Рассказанное мною о великом Публии я частично узнал, внимая повествованиям о нём, а частично сам, лицезрея его учеников — и в учениках познал учителя", а через подвижников — наставника в подвижничестве. Считая великой несправедливостью и неблагонамеренностью оставить втуне столь полезные вещи, я и предложил своё повествование тем, которые не знали Публия, заботясь и о духовной пользе их, и для себя ожидая духовного приобретения от подобного воспоминания. Ибо ведаю я о словах Господа, глаголающего: «всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим» (Мф. 10,32), и твёрдо уверен, что если сохранию у людей память о таких мужах, то удостоюсь быть помянутым ими пред Богом всяческих.

VI. СИМЕОН ДРЕВНИЙ

1. Если бы кто-нибудь преднамеренно не упомянул бы о старце Симеоне и предал бы забвению память о его любомудрии, тот не избежал бы, пожалуй, обвинения в несправедливости и зависти и упрёка в том, что он не хочет восхвалять достойное похвалы и предложить стремящимся к пользе духовной пример, достойный любви и подражания. Поэтому я, боясь осуждения и желая почтить его достойными похвалами, расскажу об образе жизни сего великого мужа.

Он непрерывно, в продолжение многих лет, проводил жизнь пустынную, поселившись в маленькой пещере; не видел ни одной человеческой души, потому что желал быть один, чтобы постоянно беседовать с Богом всяческих.

2. За эти труды он был одарён свыше обильной благодатью, так что мог повелевать даже самыми сильными и свирепыми зверями. И это было известно не только благочестивым людям, но и неверным иудеям. Известность среди них стяжал он вследствие такого случая. Некоторые из них, по какой-то надобности, направились в одну крепость, находящуюся за пределами нашего края. В это время пошел сильный дождь и поднялась буря. Путешественники, не видя ничего, сбились с дороги и стали блуждать по пустыне, не встречая ни селения, ни пещеры, ни путника. Блуждая по твёрдой земле, как затерявшиеся среди волн, они заметили, словно пристань, пещеру божественного Симеона и, подойдя к ней, увидели человека иссохшего и грязного, носящего на плечах короткие лохмотья из козьей шкуры. Приметив их, Симеон произнёс приветствие (ибо был он обходителен) и спросил о причине прихода. Когда они рассказали о случившемся с ними и попросили показать путь, ведущий к крепости, он сказал: "Подождите, я сейчас дам вам провожатых, которые укажут путь". Они послушались и присели отдохнуть. Вдруг подошли к ним два льва, вид которых был совсем не свирепый, но смиренный, и которые ласкались к Симеону, будто к своему господину, и выражали ему полную покорность. Он мановением руки приказал им проводить странников и вывести на тот путь, с которого они сбились.

3. Повествование это никто не должен считать баснословным, поскольку о нем свидетельствуют общеизвестные враги Истины, — ибо сами облагодетельствованные им не перестают прославлять его. Мне же это поведал великий Иаков, который сам присутствовал у блаженного Марона при их рассказе ему об этом чуде. И как же не назвать более неверным, чем иудеи, того, кто не поверит им, свидетельствующим о чудесных действиях христиан? Ибо они, и будучи упрямы, покоряются, однако, и уступают лучам Истины; а христиане, называющиеся благомыслящими и сочетавшиеся с верой, не верят врагам, свидетельствующим о силе благодати!

4. Благодаря таким чудесам сей человек Божий стал известным и привлёк к себе многих из соседних варваров (пустыню эту населяют люди, с гордостью именующие своим предком Измаила), но любовь к безмолвию побудила его оставить пещеру; после долгого пути он достиг горы, называемой Аманом, которая в прежние времена была местом безумного служения многим идолам. Он возделал её многими и различными чудесами и насадил на ней благочестие, которое и поныне господствует там.

5. Но пересказать всё, что передают о нём, чрезвычайно трудно, а для меня, пожалуй, и невозможно. Упомяну только об одном событии и, предложив его, как свидетельство Апостольского и пророческого дара чудотворения сего старца, предоставлю самим читателям сделать вывод относительно того, какой силой благодати обладал он. Было лето, время жатвы, и снопы собирались на гумно. Некий земледелец, не довольствуясь плодами праведных трудов своих и желая плодов чужих, похитил часть снопов у соседа, чтобы таким образом приумножить свой урожай. Но Божий суд сразу же обличил кражу: ударила молния и зажгла гумно похитителя. Несчастный побежал к человеку Божию, жившему недалеко от того селения, рассказал о своём несчастье, а воровство своё попытался скрыть. Однако когда ему было велено говорить правду, он признался в краже (несчастье заставило его обвинить самого себя). Тогда сей муж Божий приказал ему отвратить наказание возмещением за обиду ближнего, говоря: "Как скоро ты возвратишь те снопы, исчезнет и этот ниспосланный Богом огонь". И действительно оказалось, что, как только он, вернувшись, принёс обиженному похищенные колосья, пламя без воды было погашено молитвой и предстательством старца Божия.

6. Это чудо преисполнило страхом не только соседей, но и весь город, то есть Антиохию, вблизи которой располагалось то селение, и заставило жителей её часто обращаться к старцу: одного с просьбой освободить его от одержимости злым духом, другого — о прекращении горячки, а третьего — об исцелении от какой-либо другой болезни, мучавшей его. И старец щедро источал потоки обитающей в нём благодати.

7. Но опять, из любви к безмолвию, Симеон решил удалиться на гору Синай. Узнав об этом, многие из людей добрых и заботящихся о подобном же любомудрии, собрались и изъявили желание присоединиться к нему в этом путешествии. Когда они, совершая путь много дней, дошли до Содомской пустыни, то увидели вдали, на низменном месте, руки человека, простёртые ввысь. Сначала они сочли это за бесовское обольщение, но когда и после усердных молитв своих узрели то же самое, то подошли близко к это месту и увидели небольшую пещеру, подобную тем, какие обыкновенно вырывают лисицы, устраивающие для себя убежище. Но в ней они никого не заметили, потому что тот, кто простирали руки, услышав шорох шагов, скрылся внутри пещеры.

8. Старец, заглядывая туда, очень долго и усердно стал просить, чтобы неизвестный вышел и показал, человеческое ли он существо или какой-нибудь бес-обольститель, притворяющийся таким образом. "Мы, — говорил старец, — проводя подвижническую жизнь и любя безмолвие, блуждаем по этой пустыне и желаем поклониться Богу всяческих на горе Синай, на которой Он Сам, явившись рабу Своему Моисею, дал скрижали закона. Стремимся же мы туда не потому, что считаем, будто Божество ограничивается местом — ибо знаем Его Собственные слова: еда небо и землю не Аз наполняю, рече Господь (Иер.23,24) и

содержай круг земли, и живущии на ней аки пруги (Ис.40,22), — но потому, что для пламенеющих любовью дороги не только сами возлюбленные, но приятны и те места, где они бывали и беседовали".

9. Когда старец сказал это, человек, скрывающийся в глубине пещеры, показался; вид он имел дикий: волосы неопрятные, лицо сморщенное, члены тела измождённые; одеянием его служило рубище, сшитое из пальмовых листьев. Поприветствовав их и пожелав мира, он спросил, кто они, откуда пришли и куда идут? Они, ответив на эти вопросы, в свою очередь спросили, откуда он пришел сюда и по какой причине избрал такую жизнь? Он ответил: "Некогда, подобно вам, возымел я желание совершить такое же паломничество на гору Синай; соучастником в этом предприятии стал мой друг и единомышленник, стремившийся к такой же цели, что и я. Но во время путешествия ему суждено было окончить здесь свою жизнь; будучи связан с ним клятвою, я выкопал здесь, как мог, могилу, предав его тело погребению, а возле неё вырыл другую могилу для себя. И вот теперь я ожидаю здесь конца своей жизни и приношу Господу обычное молитвенное служение. Пищей мне служат финиковые плоды, которые приносит, по распоряжению моего Покровителя, один брат".

10. Когда он говорил это, то вдаль показался лев. Спутники старца обомлели от страха, но обитатель пещеры, заметив это, встал и дал знак льву, чтобы он шел в другую сторону. Лев повиновался и ушел, однако вскоре принёс ветвь фиников, а затем лёг вдаль от тех мужей и заснул. Разделив финики и совершив вместе со странниками молитву и псалмопение, которые окончились на утренней заре, обитатель пещеры отпустил их, изумлённых таким необычным зрелищем.

11. Если кому-нибудь этот рассказ покажется невероятным, то пусть он вспомнит о жизни великого Илии и о служении воронов, которые постоянно приносили пророку утром хлеб, а к вечеру — мясо (3 Цар.17.6). Творцу всяческих легко найти многообразные способы для сохранения жизни своих рабов. Так, Он трое суток хранил Иону во чреве кита (Ион.2); Он устроил так, что львы устрашились Даниила во рву (Дан.6); Он заставил бездушный огонь действовать разумно: находящиеся внутри пещеры освещать, а бывших вне её — опалать (Дан.3). Впрочем, нет особой необходимости приводить доказательства Силы Божией, ибо она всем известна.

12. Когда они достигли вожделенной горы, то чудный старец, как говорят, на том месте, на котором Моисей удостоился видеть Бога (а он видел Бога, насколько это возможно для смертной природы), преклонил колена и не вставал до тех пор, пока не услышал Божественный Глас, указывающий на благоволение к нему Владыки. После того как он пробыл коленапреклоненным целую неделю, не вкушая никакой пищи, Божий Глас повелел ему принять предложенную еду и вкушать её без всякого сомнения. Он протянул руку, нашел три яблока и вкусил их, как повелел Давший; вновь обретя силы, он, как обычно, поприветствовал своих спутников. После этого он отправился в обратный путь, радостный и веселый, потому что услышал Божий Глас и вкусил Богодарованной пищи.

13. После возвращения с горы Синай Симеон устроил два убежища любомудрия: одно — на вершине горы, о которой мы уже говорили, а другое — внизу, у самого подножия её. Собрав в них подвижников добродетели, он стал учителем и руководителем обеих обителей; братию он научал относительно приращений врага, ободрял благоволением Высшего Судии, увещевал быть отважными, преисполнял благими помыслами, убеждал быть смиренными с ближними и великодушными с врагами.

14. Так уча и так живя, совершив столько чудес и просияв столькими добродетелями, он окончил эту многотрудную жизнь и отошел в жизнь неувядающую и беспечальную, оставив после себя бессмертную славу и вечную память. Во время жизни этого старца пользовалась его расположением блаженная — и трижды блаженная! - мать моя, которая часто рассказывала мне о его подвигах. А я теперь молю его удостоить меня своего могучего покровительства и предстательства пред Богом, и уверен, что получу их. Ибо подражающий Человеколюбию Господа, без сомнения, исполнит мое прошение.

VII. ПАЛЛАДИЙ

1. Знаменитый Палладий был современником Симеона, вёл подобный ему образ жизни, был знаком с ним и близок к нему. Ибо они, как говорят, часто хаживали друг к другу, взаимно назидая один другого и побуждая к Божественной ревности. Что же касается Палладия, то он затворился в келлии неподалеку от большого и многолюдного селения, которое называлось Имми. О терпении этого мужа, воздержании его от пищи и сна, а также о его непрестанной молитве я считаю излишним рассказывать, ибо здесь он нёс одинаковое с блаженным Симеоном иго.

2. Зато полезным считаю рассказать об одном, известном и доньше, чуде, совершенном им. В том селении еженедельно устраивался торг, на который собирались купцы и стекалось бесчисленное множество народа. Во время одной такой ярмарки некий купец, продав свой товар и имея большую выручку золотом,

собирался ночью отправиться домой. Но один разбойник, подглядев, сколько золота собрано купцом, был объят безумной завистью и стал, не смыкая глаз, подстерегать купца. И когда тот, после пения петухов, отправился в путь, ничего не подозревая, то разбойник, устроив засаду, внезапно напал на купца и убил его. Затем он усугубил свое злодеяние еще и нечестием: отобрав у убитого золото, он подбросил труп к дверям жилища великого Палладия.

3. Когда наступил день и молва о злодействе разнеслась по селению, то все бывшие на ярмарке люди пришли в сильное возбуждение, выломали дверь у блаженного Палладия и собрались наказать его за убийство. Среди пришедших был и сам убийца. Окруженный множеством людей, блаженный муж воззрил на небо, устремил мысль горé и стал умолять Бога обличить клевету и открыть истину. Усиленно помолившись таким образом, он взял мертвеца за правую руку и произнёс: "Скажи, юноша, кто нанес тебе смертельный удар, укажи на виновника злодеяния и освободи невинного от нечестивой клеветы!" Слово старца стало причиной действия: умерший приподнялся, сел и, оглядев присутствующих, рукой указал на убийцу. Тут все возопили, придя в изумление от чуда и пораженные злостной клеветой. Раздев злодея, нашли у него нож, обagrённый кровью, и золото, послужившее причиной убийства. Блаженный Палладий, и до этого вызывавший удивление, ещё более изумил всех. Одного этого чуда было достаточно, чтобы свидетельствовать о великом дерзновении сего мужа пред Богом.

4. К такому же роду подвижников принадлежал и удивительный Авраамий, живший в месте, называемом Паратом, и просиявший повсюду лучами своей добродетели. И чудеса, происходящие после его смерти, свидетельствуют о славной жизни его. Ибо гроб его и донныне источает многообразные исцеления: об этом говорят те, которые, по силе веры своей, обрели их там. Мне же дай Бог пользоваться покровительством тех, память которых я почитаю своим словом.

VIII. АФРААТ

1. В том, что все люди обладают одной природой и что она у всех желающих, будь они греки или варвары, способна к любомудрию, можно легко убедиться многими способами; ясным примером этого служит и Афрат. Ибо рождён и воспитан он был между персами - народом беззаконнейшим; но, будучи рождённым и воспитанным в обычаях их, он достиг такой добродетели, что затмил даже рождённых от небожных родителей и с детства воспитанных в благочестии. Сначала, пренебрегая знатностью и славой рода своего, он, подобно древним волхвам, пришел поклониться Господу. Затем, возгнушавшись нечестием своих единоплеменников и предпочтя чужую страну родной, он отправился в Эдессу (город сей весьма велик, многолюден и славен высоким благочестием)[125] и, найдя вне городских стен хижину, затворился в ней; здесь он и стал предаваться попечению о своей душе, исторгая с корнем, подобно хорошему земледельцу, тернии страстей, очищая Божию ниву и принося Господу добрые плоды Евангельских семян.

2. Отсюда он перебрался в Антиохию, сотрясаемую тогда еретической бурей, и, остановившись в одном загородном убежище любомудрия, немного изучил греческий язык и вскоре привлёк к слушанию Божественного Слова весьма многих. Говоря на полуварварском языке, он высказывал плоды своих раздумий, будучи удостоен обильных источников благодати Святого Духа. И кто из гордящихся красноречием, надменно поднимающих брови, тщеславно изрекающих пышные речи и забавляющихся хитросплетением силлогизмов смог одолеть его необразованную и варварскую речь? Он побеждал умозаключения философов размышлениями Божиими, а рассуждения их — словами Божественными, взывая вместе с великим Павлом: хотя я и невежда в слове, но не в познании (2 Кор. 11,6). И он остался верным такому образу поведения, по слову Апостольскому: ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу (2 Кор. 10,4-5). Случалось видеть, что к нему приходили и облеченные высшей властью и достоинством, и имеющие какой-либо воинский чин, и живущие трудами рук своих; короче говоря, и люди гражданские и военные, образованные и чуждые всякой науке, живущие в бедности и преизобилующие богатством. Одни слушали его речи молча, другие возражали, третьи задавали вопросы и предлагали новые темы для беседы.

3. Неся столь великий труд, он отказывался иметь при себе келейника, предпочитая собственные труды услугам других. С посетителями вёл беседу через дверь; впрочем, желающим войти к нему отворял вход и провожал уходящих. Ни от кого ничего не принимал: ни хлеба, ни зелени, ни одежды; только один из друзей доставлял ему хлеб. В глубокой старости он употреблял еще, после солнечного заката, и овощи.

4. Рассказывают, что некогда Анфимий, ставший впоследствии префектом и консулом, на обратном пути из Персии, где он исполнял должность посланника, принес Афрату хитон, изготовленный персами, и сказал ему: "Я знаю, отче, что каждому из людей приятно собственное отечество, приятны и плоды, выросшие там; этот хитон я принёс тебе из отечества твоего и прошу принять как дар мой, а меня вознагра-

дить своим благословением". Старец сначала попросил положить хитон на лавку, а потом, немного поговорив о прочих вещах, печально сказал, что дух его пришел в смущение, ибо один вопрос сильно затрудняет его. Когда же Анфимий спросил, какой вопрос, то он ответил: "Я раз и навсегда решил иметь одного сожителя и отказаться от совместного жития с двумя. Поэтому один друг, любимый мной, прожил со мною шестнадцать лет; но вдруг приходит земляк, также просящий вести совместную жизнь. Вот этот вопрос я и не могу решить, ибо не хочу жить совместно с двумя. Земляка я люблю именно как земляка, но и отвергнуть старого друга, сделавшегося приятным мне, считаю несправедливым и оскорбительным для него". Тогда Анфимий сказал: "Действительно так, отче; ведь несправедливо отослать того, кто столь длительное время служил тебе, как ставшего ненужным, и принять, вследствие одной только любви к своей родине, человека, еще ничем не доказавшего свой добрый нрав". На это божественный Афраат сказал: "Поэтому, любезный, не могу я взять хитон, ибо не хочу иметь двух одежд; а по моему, и более того - по твоему мнению, лучше тот, который служил долгое время". Вразумив таким образом притчей Анфимия и показав ему свою находчивость, старец убедил его больше не упоминать о том хитоне. Рассказал же я об этом по двум причинам: во-первых, чтобы показать, что сей дивный муж от одного только человека принимал необходимые для его тела услуги, а во-вторых, чтобы представить, какой мудрости был преисполнен он — ибо даже просившего принять хитон он убедил в том, что принимать его не следует.

5. Теперь, оставив повествование о такого рода случаях, я расскажу о более важном. После того как богоненавистный Юлиан получил наказание за свое нечестие в земле неприятельской, а Иовиан получил кормило управления в Римской империи, питомцы благочестия некоторое время наслаждались спокойствием. Но когда Иовиан, процарствовав совсем краткое время, окончил жизнь свою, а Валент получил управление над востоком, тогда снова ветры и ураганы взволновали море против нас, поднялась страшная буря и треволения опять угрожали со всех сторон Кораблю Церкви. Буря эта была тем страшнее, что не было искусных кормчих, поскольку царь, отважный только в борьбе с одним благочестием, сослал их на чужбину. Но и таким незаконным поступком нечестие его отнюдь не насытилось: он намеревался разогнать всё общество придерживающихся благочестия и, подобно лютному зверю, рассеять стадо Христово. Преследуя эту цель, он изгонял православных не только из церквей, но и от подножия горы, и с поля, где проходили воинские учения, - ибо они, преследуемые вооруженной рукой, непрестанно меняли места своих собраний. Скифы и другие варвары безнаказанно разоряли всю Фракию от Истры до Пропонтиды. Но Валент, заткнув, по пословице, уши, не хотел ничего слышать об этих набегах, направляя оружие лишь против единоплеменников и подданных своих — людей, сияющих благочестием.

6. Боголюбивый народ, оплакивая жестокость этих бедствий, воспевал песнь Давидову: на реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внемга помянути нам Сиона (Пс. 136,1). Впрочем, следующие за этим слова тут не подходят, потому что Афраат, Флавиан и Диодор не допустили повесить на вербах органы учения и не позволили говорить: како воспоем песнь Господню на земли чуждей (Пс.136,4), но на горах и на полях, в городе и в предместьях его, и на площадях православные беспрестанно воспевали песнь Господню. Они научились у Давида, что Господня есть земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней (Пс,23,1); внимали также словам того же пророка: благословите Господа вся дела Его, на всяком месте владычества Его (Пс. 102,22); слышали и божественного Павла, заповедовавшего: произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения (1 Тим,2,8). И Сам Господь ясно предсказал это, беседуя с самарянкою: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу (Ин.4,21). Зная это, они проповедовали и в жилищах, и на площадях, и, говоря словами Апостола, всенародно и по домам (Деян.20,20); подобно опытным военачальникам, они постоянно заботились о вооружении своих воинов и наносили поражения врагам.

7. Достойно удивления и похвалы, что великий Флавиан и блаженный Диодор - тогдашние пастыри, удостоенные второй кафедры, — совершали то, о чем я выше упоминал, но они делали это, как избранные полководцы, повинувшись воинским законам. А премудрый Афраат добровольно выступил на эти подвиги. Вскормленный безмолвием и избрав жизнь уединенную, он, как говорится, был вне досягаемости стрел; но, увидев жестокость брани, презрел собственную безопасность и, оставив на время безмолвие, сделался предводителем фаланги благочестивых, поражая врагов жизнью, словом и чудесами, но никогда не терпя поражения.

8. Однажды этот безумный царь увидел его, шедшего к месту воинского учения, где тогда случилось собраться почитателем Троицы (некий придворный заметил старца, идущего по берегу реки, и указал на него Валенту), и спросил, куда он направляет путь свой. Старец ответил, что идёт сотворить молитву за вселенную и за его царствование. На эти слова Валент задал ему вопрос: "Зачем же ты, избравший уединенную жизнь, оставив безмолвие, без боязни идёшь на площадь?" Афраат, который, подражая Владыке, обычно говорил притчами, отвечал: "Скажи мне, государь, если бы я, будучи девой и проводя жизнь в потаённом тереме, увидел, что огонь объял дом отца моего, то чтобы ты мне посоветовал делать, видя разлившееся пламя и горящий дом? Сидеть внутри своего терема и спокойно смотреть, как огонь истребляет

дом? — Но, поступая так, я и сам сделался бы жертвой пожара. Значит, у меня оставался один выход: бегать вверх и вниз, носить воду и тушить пожар. Поэтому нельзя укорять меня, что именно это я и делаю. Ибо что можно посоветовать делать деде, сидящей в чертогах, то же самое вынужден делать и я, посвятивший себя уединённой жизни. А если ты укоряешь меня, оставившего безмолвие, то более справедливым было бы тебе бросить упрек самому себе, внесшему огонь в дом Божий, а не мне, вынужденному тушить пожар. Ведь то, что должно идти на помощь к горящему дому отцовскому, - с этим ты, безусловно, согласен; а что Бог есть Отец наш, Который ближе земных родителей, — это ясно даже и для людей, совершенно не сведущих в вещах Божественных. Итак, собирая питомцев благочестия и снабжая их Божественной пищей, мы отнюдь не отклоняемся от цели, избранной нами, и не изменяем единожды принятого намерения". И когда он изрёк это, царь своим молчанием подтвердил правоту его слов.

9. Но один из тех людей, которые не мужчины и не женщины и лишены способности быть отцами (потому и считалось, что они преданы царю, и от этого они получили свое название), стал порицать человека с высоты дворца и угрожать ему смертью. За такую дерзость свою он вскоре получил достойное наказание. Однажды Валент пожелал вымыться в ванне, и этот несчастный придворный поспешил вперёд, чтобы узнать, хорошо ли приготовлена ванна. По безрассудству своему, он влез в одну ванну, наполненную одной горячей водой, и так как в бане никого в это время не было (ибо он один пришел сюда), то он, обваренный, умер там. Спустя некоторое время Валент послал другого своего слугу позвать его, но посланный нигде не нашел придворного, о чем и сообщил царю. После этого уже множество народа отправилось в баню, и, осматривая все ванны, они нашли в одной из них мертвого внуха. Поднялся шум, одни стали вычерпывать горячую воду, а другие вынесли жалкое тело покойного.

10. Вследствие этого великий страх напал на Валента и на всех противников благочестия. Молва об этом происшествии сразу же разнеслась по всему городу; наказание, постигшее несчастного за его дерзость Аффраату, заставило всех славить Бога, в Которого веровал Аффраат. Случай сей послужил препятствием для тех, которые настаивали на том, чтобы отправить человека Божия в ссылку, ибо уstraшенный Валент не внимал их советам, преисполнившись уважения к этому мужу.

11. Впрочем, царь знал о добродетели Аффраата и по другому случаю. Был один конь, благородных кровей и прекрасно обученный, к которому царь был очень привязан. Однако с ним приключилась болезнь, сильно расстроившая Валента, — это была задержка мочи. Для лечения коня позвали тех, кто владеет ветеринарным ремеслом, но когда они оказались бессильны перед болезнью, то царь еще более опечалился. Горевал и тот человек, которому был поручен уход за царскими лошадьми. Но будучи благочестивым и крепким верой, он в полдень отправился вместе с конём к прибежищу великого Аффраата, рассказал ему о болезни и, явив свою веру, попросил старца исцелить коня от болезни своей молитвой. Аффраат немедля, сразу же помолился Богу, затем повелел зачерпнуть из колодца воды, и, начертав на ней знак спасительного Креста, приказал дать ее коню. Тот, вопреки своему болезненному состоянию, выпил воду. Потом, призвав Бога и благословив елей, Аффраат помазал им брюхо коня, и, едва он убрал руку, как болезнь исчезла и произошло обычное отправление. Благочестивый конюх с радостью поспешил отвести коня в конюшню.

12. Вечером же — ибо в это время царь обычно посещал конюшню — он пришел и стал спрашивать, как чувствует себя конь. А когда конюх сказал, что он здоров, и вывел самого коня — крепкого, гарцующего, ржущего и гордо потряхивающего гривой, то царь спросил, кто его исцелил. Конюх долго колебался, прежде чем сказать - он боялся назвать целителя, ибо знал, что царь к нему не благоволит, но потом всё-таки вынужден был открыть правду и сообщить способ лечения. Царь поразился и признал, что муж сей достоин удивления, но, несмотря на это, не оставил прежнего неистовства и продолжал восставать против Единородного до тех пор, пока не сделался жертвой варварского огня, не будучи удостоен погребения руками своих рабов и любимцев.

13. Блаженный же Аффраат как и во время той бури явил свою добродетель, так и по наступлении мира продолжал преуспевать в ней. Он совершил множество чудес, из которых я упомяну об одном или двух. Одна женщина благородного происхождения, будучи соединена узами брака с распутным мужем, пришла к блаженному в слезах, жалуясь на свое несчастье. Она говорила, что муж её, привязавшись к одной любовнице, занимающейся колдовством, и очарованный её заклинаниями, стал питать к ней, своей законной жене, ненависть. Говорила же она это, стоя за дверью его хижины, потому что он имел обыкновение так вести разговор с женщинами и никогда ни одну из них не впускал в свою келлию. Сжалившись над скорбящей, он молитвой уничтожил оболечение и, освятив призыванием имени Божия принесённый ею сосуд с елеем, повелел умаститься им. Вернувшись домой, женщина исполнила этот совет, вновь привлекла к себе любовь мужа своего и заставила его предпочесть законный супружеский союз связи незаконной.

14. Рассказывают также, что однажды саранча внезапно напала на землю и, подобно огню, стала истреблять всё: и жатву, и растения, и деревья, и леса, и луга. Во время этого несчастья к старцу пришел один благочестивый человек, умоляя его о помощи. "Я, говорил он, имею одно поле, плодами с которого питаю и самого себя, и жену, и детей, и всех домашних; кроме того, с этого поля плачу я еще и подать царю".

Блаженный, опять подражая Человеколюбию Владыки, приказал просителю принести сосуд с водой; когда тот исполнил повеление, то старец наложил на воду руку, молясь, чтобы жидкость исполнилась благодатной силы. Окончив молитву, он приказал земледельцу окропить этой водой границы своего поля. Тот сделал, что было приказано, и это стало для его поля несокрушимой и непреодолимой оградой. Саранча, подползая к границам его поля, толпилась вокруг, подобно вражескому войску, но, словно уstraшенная наложенным благословением, опять отступала назад и, как бы удерживаемая уздой, не могла продвинуться вперёд.

15. Стоит ли дальше повествовать обо всем, свершенном сей блаженной душой? Ведь и сказанное достаточно свидетельствует о свете обитавшей в нём благодати. Я сам видел его и получил благословение от десницы его, когда еще будучи подростком ходил вместе с матерью к этому мужу. С ней он, по обыкновению своему, вёл беседу, приоткрыв немного дверь, и, наконец, удостоил благословения; меня же принял внутрь келлии и одарил сокровищем своей молитвы. О, если бы и теперь мог я насладиться ею! Я верю, что он жив и обитает вместе с Ангелами, пользуясь у Бога большей доверительностью, чем прежде. Тогда оно было умеряемо смертным телом, чтобы возросшее дерзновение не послужило поводом к превозношению. Теперь же, отложив иго страстей, он, как победоносный подвижник, дерзновенно приступает к Высшему Судии. А поэтому я молюсь, чтобы и меня он удостоил своего предстательства.

IX. ПЕТР

1. Мы слышали о галлах западных, живущих в Европе, знаем также и о тех, которые от них произошли и поселились в Азии, около Понта Евксинского. От них и произошел блаженный, триждыблаженный и многожды блаженный Петр. Говорят, что он только в продолжение семи лет от рождения воспитывался у родителей, всю же остальную жизнь провёл в подвигах любомудрия. Опять же говорят, что умер он, прожив девяносто девять лет. Итак, кто достойно восхвалит подвизавшегося девяносто два года и каждый день, каждую ночь выходившего победоносцем из духовной брани? Какое слово способно описать и перечислить добродетели, в которых он подвизался и в детстве, и в отрочестве, и в юности, и в зрелом возрасте, и в первых сединах, и в преклонных летах, и в глубокой старости? Кто измерит капли его пота? Кто исчислит свершенные им в продолжение столь длительного времени духовные брани? Каким словом можно передать, сколько он посеял семян и сколько собрал плодов? Какая возвышенная мысль может объять своим взором те приобретения, которые собрал он от мудрого употребления дарованных ему талантов? Я знаю, сколь обширно море его добродетелей, и боюсь приступить к повествованию о них, опасаясь, как бы слово моё не погибло, погребённое под волнами этого моря. Поэтому я только пойду вдоль берега и расскажу лишь о том, что увижу с него. Саму же глубину сего моря оставлю Тому, Кто, по глаголам Писания, пронизывает глубины (1 Кор.2,10) и ведаёт тайны.

2. Первоначально Петр подвизался в Галатии, а затем он отправился в Палестину посмотреть места, где совершались спасительные страдания, и там поклониться Спасителю Богу, не как ограниченному месту (он знал, что существо Его неограниченно), но чтобы насытить очи свои созерцанием возжеланных предметов и чтобы не только зрение души, отдельно от зрения телесного, по вере наслаждалось духовной сладостью. Ибо горячо привязанные к кому-нибудь обычно чувствуют радость не только тогда, когда видятся с ним, но бывают рады, когда видят его дом, одежду и обувь. Имея такую любовь к своему жениху, невеста в "Песни песней" взывает: Яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень его восхотех и седох, и плод его сладок в гортани моей (Песн.2,3). Поэтому нет ничего странного и в том, что сделал и сей блаженный муж, который, будучи объят подобной любовью к Жениху Небесному, приложил к себе слова: уязвлен любовью аз есмь (Песн. 5,8). Как бы желая увидеть хотя бы тень Жениха, обратился он к местам, источавшим живительную влагу спасения для всех людей.

3. Насладившись же тем, чем хотел, он пришел в Антиохию и, увидев благочестие города, предпочел эту чужую страну отечеству, считая согражданами не единокровных и единоплеменных, но единомысленных, единоверцев и тех, которые несут одно и то же иго благочестия. Решившись поселиться здесь, он не раскинул палатки, не устроил хижин и не построил себе домика, но всё время прожил в чужой гробнице. В ней наверху было помещение, сколоченное из досок, в которое по лестнице могли подниматься все желающие. Затворившись здесь, Петр прожил в этом помещении очень долгое время, употребляя холодную воду и питаясь одним хлебом, и то не каждый день, а через день.

4. Некогда пришел к Петру один безумный и неистовый человек, мучимый силой злого духа, и старец очистил его своей молитвой и освободил от власти беса. Исцелённый не захотел покинуть Петра и попросил принять его в услужение, что тот и позволил. Я сам знаком с этим человеком, помню сие чудо, ви-

дел благодарность, какую питал к Петру исцелённый, и был свидетелем одного разговора, который произошёл между ними обо мне. Даниил (так звали исцелённого) повёл речь относительно того, чтобы и я стал участником в этом добром служении. Но блаженный муж, принимая в расчет любовь ко мне родителей, не согласился на это. Часто, посадив меня на колени, он кормил меня виноградными ягодами и хлебом. Мать, на опыте познавшая его духовную благодать, позволяла мне раз в неделю принимать от него благословение.

5. Ей самой он сделался известен по следующей причине. Заболел у неё один глаз, да так, что болезнь оказалась сильнее врачебного искусства. Ибо не было таких средств - издавна известных и вновь избранных, - которые бы использовались для излечения. Когда мать всё это испытала и увидела, что нет никакой пользы от лекарств, к ней пришла одна знакомая и поведала о том человеке Божиим, рассказав об одном чуде, совершенном им. Она говорила, что супругу тогдашнего правителя Востока (это был Пергамий), страдавшую той же болезнью, Пётр исцелил молитвой и знамением Креста.

6. Услышав это, мать тотчас поспешила к человеку Божию. Она тогда носила серьги, ожерелье и прочие золотые украшения и была облачена в пестрые одежды, сотканые из шелковых нитей, ибо не стяжала еще совершенства в добродетели и, будучи в цветущем возрасте, красовалась своей молодостью. Заметив это, благочестивый муж сначала исцелил её страсть к щегольству, увещевая таким образом (я буду говорить его словами, не изменяя святого языка старца): "Скажи мне, деточка, если бы какой-нибудь живописец, весьма опытный в своём искусстве, написал картину по всем правилам ремесла и выставил её напоказ для всех желающих посмотреть, а другой какой-нибудь человек, не изучивший хорошо живописи, а рисующий как ему вздумается, пришел бы и, похулив картину, стал изменять нарисованный на ней портрет, придавая бровям и ресницам более длинные очертания, лицо делая блее и на щеках прибавляя румянца, - то, как ты думаешь, не справедливо бы вознегодовал художник за такое оскорбление его искусства и за всё, что прибавила к картине рука неуча? Так верьте же, - продолжал блаженный, — что и Творец всяческих и нашего естества Создатель и Художник оскорбляется тем, что вы обвиняете Его неизреченную Мудрость в несовершенстве: иначе не накладывали бы вы на себя красную, белую и черную краски, если бы не думали, что вам этого недостаёт. А думая, что телу вашему не хватает чего-то необходимого, вы тем самым как бы обвиняете Творца в некоторого рода бессилии, хотя всем известно, что Он обладает силой, равной Его желанию. Ибо, как говорит Давид, вся, елика восхоте Господь, сотвори (Пс.134,6), даровав всем одно только полезное, но не дав того, что вредно. Поэтому не искажайте образа Божия, не усиливайтесь прибавлять то, чего не дал Премудрый, и не выдумывайте поддельной красоты, которая и целомудренных растлевает, и вредит смотрящим на нее".

7. Добронравная жена, выслушав это, тотчас же была уловлена сетями Петра (ибо и он, подобно соименному ему Апостолу, также уловлял в сети спасения). Припав к ногам его, она стала плакать и просить об исцелении её глаза. Блаженный Петр в ответ на ее мольбы сказал, что и он - человек и имеет ту же природу, носит на себе тяжесть грехов, а поэтому нет у него дерзновения пред Богом. Когда же мать продолжала плакать и умолять, говоря, что она не уйдёт до тех пор, пока не получит исцеления, он сказал: "Врач недугов есть Бог, всегда готовый исполнить прошения верующих: Он и теперь исполнит прошение твое - не мне даруя благодать, но видя твою веру. И если ты имеешь веру искреннюю, твёрдую и чуждую всякого сомнения, то, простившись с врачами и снадобьями, примешь это Богодарованное лекарство и выздоровеешь". Произнеся такие слова, он положил свою руку на глаз, изобразил знамение спасительного Креста, и болезнь сразу исчезла.

8. Возвратившись домой, мать вылила лекарство, прописанное ей врачами, сбросила с себя всякое лишнее убранство и с той поры начала жить по правилам, какие определил для неё исцелитель — не облачаясь в разноцветные одежды и не нося больше золотых украшений. Это произошло с ней, когда она была еще очень молодой (ей шел только двадцать третий год) и не стала еще матерью; через семь лет после этого родила она меня — своего первого и единственного сына. Вот какую пользу приобрела она от наставления великого Петра, получив двойное исцеление: искала врачевства для тела, а стяжала и здравие души. Вот что он совершил словом, вот что мог он делать молитвой!

9. В другое время моя мать привела к Петру своего раба-повара, мучимого лукавым бесом, умоляя оказать помощь этому несчастному. Человек Божий, помолвившись, повелел бесу открыть причину власти, какую он восхищает над Божиим созданием. И бес, словно некий убийца или грабитель, представший пред судьёй и вынужденный говорить обо всём, что он соделал, раскрыл, вопреки своему обычаю, всю правду. "В Илиополе, - говорил он, — прежний господин этого раба был болен, а госпожа сидела у одра своего супруга. Молодые же служанки, пользуясь отсутствием господ, разговаривали в это время о жизни иноков, любомудренно подвизающихся в Антиохии, и о силе, какую они имеют над бесами. Потом, как расшалившиеся дети, они, забавляясь, начали притворяться бешеными, а этот раб, набросив на себя козлиную шкуру, стал заклинать их, изображая из себя инока. Я тогда стоял за дверью и, будучи не в силах вынести похвал монахам, захотел на опыте изведать силу, приписываемую им. Поэтому, оставив служанок, я вселился

в этого человека, дабы узнать, каким образом я буду изгнан иноками. Ну вот, теперь я это узнал — и в другом опыте не имею нужды: по твоему повелению, я тотчас же выхожу". Сказав это, бес вышел, и раб получил свободу.

10. Точно так же мать моей матери, воспитавшая меня, привела однажды к Петру земледельца, тоже одержимого бесом, умоляя помочь несчастному. И опять Петр спросил беса, откуда он и каким образом овладел Божиим созданием? Однако бес молчал, не произнося ни слова; тогда старец, преклонив колена, стал молиться и просить Бога явить наветнику силу рабов Своих. Он закончил молитву, но бес продолжал упорствовать в молчании, которое простерлось до девяти часов. Наконец, принеся Господу самую горячую и усердную молитву, Петр встал и сказал бесу: "Не Петр повелевает тебе, но Бог Петра, — отвечай, когда понуждает тебя к этому Сила Божия". Бесстыдный оболститель устыдился кротости святого и, возопив громким голосом, сказал, что он обитал на горе Амане и, увидев этого человека, когда тот на пути черпал воду из одного источника и пил, захотел устроить в нём себе жилище. "Выйди же, - сказал ему человек Божий, — как повелевает тебе Тот, Который был распят на Кресте за всю вселенную". Услышав это, бес тотчас вышел, и земледелец был отдан моей бабке уже свободным от бешенства.

11. Зная множество других такого рода повествований об этой блаженной душе, я весьма многие опушу, опасаясь за немощь тех, которые, судя по себе, не верят чудотворениям боголюбивых мужей; но, рассказав еще одно или два, перейду к другому подвижнику.

12. Был некий распущенный человек, в прошлом стратег. У него в прислугах находилась девушка, не вступившая в брак, хотя имевшая уже возраст законный для супружества. Она, оставив мать и родных, убежала в общество жен-подвижниц (потому что и женщины, подобно мужчинам, подвизаются и вступают на поприще добродетели). Стратег, узнав о бегстве девушки, подверг бичеванию и пыткам мать ее и держал её в оковах до тех пор, пока она не указала ему место расположения жилища благочестивых жен. В своём обычном безумии он похитил отсюда девушку и привёл её в свое жилище. Несчастный, он надеялся насытить свою невоздержанность. Но Тот, Кто фараона подверг великим и тяжким наказаниям за Сарру и сберёг её целомудренной (Быт. 12,17), Кто поразил слепотой содомлян, когда они покушались захватить бестелесных Ангелов, пришедших под видом странников (Быт.19,11), — Тот, наказав слепотой и стратега, позволил добыче его ускользнуть из самих сетей. Когда стратег вошел в покои, то та, которую стерегли, исчезла, скрывшись в вожденном для нее убежище. Таким образом этот безумный узнал, что не может обладать той, которая избрала обручение с Богом, и вынужден был успокоиться и больше не разыскивать похищенную им, но при помощи Силы Божией избежавшей сетей.

13. Спустя некоторое время девушка тяжело заболела (это был рак): от опухоли в груди её мучили страшные боли. При резком обострении боли она призывала великого Петра, и, по её словам, как скоро священный голос его достигал её ушей, вся боль унималась и она не чувствовала больше никакого мучения. Поэтому она призывала его весьма часто, чтобы получить утешение. Она рассказывала, что во все время его присутствия страдания совершенно исчезали. Когда она скончалась после таких подвигов, он проводил её с победными похвалами.

14. Также и мою мать, бывшую при самых дверях смерти после того, как она родила меня, он, придя, будучи упрощен бабкой, похитил из рук смерти. Мать моя, как говорят, охваченная сильной горячкой, лежала, сомкнув глаза, так что не узнавала никого из родственников; врачи отчаялись, а домашние плакали и ожидали кончины её. Но когда пришел этот муж, удостоенный Апостольского имени и благодати, тотчас же, говорят, у неё раскрылись глаза, она пристально взглянула на него и попросила благословения. Когда же собравшиеся женщины громко зарыдали (печаль, сменённая радостью, произвела этот вопль), то человек Божий приказал всем им принять участие в его молитве: ибо так, сказал он, получила здоровье Тавифа, когда вдовицы плакали, а великий Петр приносил их слезы Богу (Деян.9,36-41). Женщины помолились, как он велел, и обрели то, что он предсказал. Как только они закончили молитву, кончилась и болезнь: у больной пробился по всему телу пот, огонь горячки угас и вслед за тем появились признаки здоровья.

15. Так и в наши времена Владыка чудодействует через рабов Своих! Даже одежды этого мужа, через прикосновение, действовали, подобно одеждам божественнейшего Павла (Деян.19,11-12). Я говорю это без всякого преувеличения, но имею доказательство истины. Он, разделив свой пояс на две части (а пояс, сплетённый из крепкого полотна, был широк и длинен), одной половиной его препоясал свои чресла, а другой — мои. Мать, когда заболел я или отец, всегда возлагала на нас этот пояс, и болезнь проходила. И сама она пользовалась этим врачевством для восстановления своего здоровья. Также многие из знакомых, узнав об этом, постоянно брали пояс для помощи болящим, и повсюду стала известной благодатная сила, действующая в этом старце. Зная о ней, кто-то взял у нас его пояс и, оказавшись неблагодарным к благодетелям, лишил его тех, которые его дали. Таким образом мы потеряли этот дар.

16. Просияв такими лучами и просветив ими Антиохию, Петр окончил свои земные подвиги, ожидая венца, уготованного победоносцам. Я окончу здесь повествование о нем, моля его и теперь удостоить меня того же благословения, каким наслаждался я при его жизни.

Х. ФЕОДОСИЙ

1. Есть киликийский город Росс, остающийся по правую руку у того, кто вплывает в Киликийский залив. К юго-востоку от него есть высокая, обширная и тенистая гора, которая в своих чащах питает и диких зверей. На этой-то горе великий и славный Феодосий, найдя одну долину, спускающуюся к морю, и построил небольшой домик, возжелав в уединении проводить жизнь Евангельскую. Хотя этот муж происходил из Антиохии и был известен знатностью своего рода, однако он оставил и дом, и родных, и всё прочее, приобретя то, что в Евангелии называется драгоценной жемчужиной (Мф. 13, 46).

2. Тем, которые видели его товарищей и учеников, узревая в них его образ жизни, излишне говорить о его воздержании, лежании на земле и о власнице. В этом отношении он был чрезвычайно строгий подвижник, представляющий собой поразительный пример своим ученикам. Кроме того, он возложил себе на шею, поясицу и обе руки железные вериги, носил отпущенные волосы, доходившие до ног, и даже еще более длинные, вследствие чего он и обвязывал ими чресла [152]. Непрерывным подвигом молитвы и псалмопения он усыпил похоть, гнев, гордость и других диких зверей в душе. Постоянно добавляя новые подвиги к прежним, Феодосий, вместе с тем, занимал и руки работой: то плёл так называемые опахала и коробочки, то обрабатывал небольшие пашни, сеял на них семена и собирал необходимые плоды для своего пропитания.

3. Спустя некоторое время молва о нём распространилась повсюду, и многие со всех сторон стали стекаться к нему, изъявляя желание присоединиться к нему в его обители, разделить его труды и приобщиться к его образу жизни. Принимая их, Феодосий вёл их по тому же пути жизни. Одних из них можно было видеть за тканьем парусов и власниц, других за плетением опахал и коробочек, а третьих — за обработкой земли. И так как обитель находилась вблизи моря, то он, построив впоследствии лодку, использовал её для грузов — отвозил на ней произведения своих сподвижников и привозил всё необходимое для монастыря. Он помнил Апостольское изречение: занимались трудом и работою день и ночь, чтобы не обременить кого из вас (2 Фес. 3,8), а также другое: нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии (Деян. 20,34). Поэтому и сам он трудился, и сподвижников убеждал, чтобы они с подвигами духовными сочетали и труды телесные. "Ведь, — говорил он, — если живущие в миру трудом и потом доставляют пропитание детям и женам, платят подати, приносят начатки Богу и, по мере возможности, помогают нуждам бедных, то тем более нам следует добывать всё необходимое для жизни трудами рук своих, особенно зная, что потребна нам и пища скудная, и одежда убогая. Нельзя, сложив руки, сидеть и пользоваться трудами чужих рук". Убеждая собратий подобными речами, Феодосий побуждал их к труду. Совершая в свое время обычные Божественные службы, промежутки между ними он посвящал трудам.

4. Особенно заботился Феодосий о странниках, вверяя попечение о них монахам, которые были украшены кротостью и смиренномудрием и стяжали любовь к ближнему. Сам же за всем надзирал, наблюдая, исполняет ли каждый свои обязанности по установленным правилам. Благодаря подобной жизни своей он так прославился, что мореходы, пребывающие в море на расстоянии более тысячи стадий от него, в опасностях призывали божественного Феодосия и одним именем его укрощали ярость моря.

5. Его уважали даже свирепые и неукротимые неприятели, которые тогда опустошили и поработили большую часть Востока. Кто из населяющих нашу область не слышал о бедствиях, причинённых народом, известным в древности под именем "солимов", а ныне называемым "исаврами"? Не дававшие пощады ни городам, ни селениям, опустошавшие всё, чем могли завладеть, и предававшие всё огню, они устыдились его любомудрия и, потребовав только хлеба, попросив его молиться за них, оставили неповреждённым его подвижническое жилище. Подобным образом они поступили не единожды, а дважды.

6. Впрочем, предстоятели церкви, опасаясь, как бы диавол не вложил в сердца варваров страсти к деньгам и не внушил бы им мысли захватить великое светило благочестия — Феодосия (ибо люди, ценящие превыше всего благочестие, могли заплатить за него дорогой выкуп), убеждали его переселиться в Антиохию. Они указывали на бывший до того случай: варвары захватили двух предстоятелей Церкви в плен и, хотя почтили их всяческим уважением, но отпустили их на свободу лишь после того, как получили за обоих выкуп в четыре тысячи златниц. Послушавшись этих советов, Феодосий пришел в Антиохию и поселился в одном убежище возле реки, куда также привлек к себе всех тех, которые умеют ценить подобного рода духовный урожай.

7. Увлеченный потоком речи, я едва не забыл рассказать о чуде, совершенном этим боговдохновенным мужем, которое, может быть, многим покажется невероятным, но которое и до сих пор остаётся свидетельством того, сколь великую благодать от Бога и дерзновение пред Ним стяжал сей удивительный подвижник. Выше устроенного им монастыря находится крутая скала, издавна бывшая сухой и безводной. Он,

словно от него зависело, как потечет вода, устроил на той скале водопровод от вершины скалы до монастыря. И исполненный упования на Бога и дерзновения пред Ним, стяжав благоволение Божие и имея веру непоколебимую, он, встав ночью, поднялся на гору гораздо раньше, чем его сподвижники встали на обычные молитвы. Усердно помолившись здесь Богу и уповая на Творящего волю боящихся Его, Феодосий ударил по скале жезлом, на который он опирался, и скала, раздробившись, источила поток, который, протекая через монастырь и давая в избытке воду для всех нужд, влился в близлежащее море. И до сих пор мы видим это свидетельство обитавшей в Феодосии благодати, подобной той, которую стяжал Моисей. Одно это чудо достаточно показывает дерзновение Феодосия пред Богом.

8. Прожив в Антиохии немного времени, он переселился к лику Ангельскому. Честное тело его, украшенное железными веригами, словно золотыми венками, пронесено было посреди города, в сопровождении всех жителей, и даже самых высших начальников. У погребального одра возникли спор и ссора: все желали нести его и, вместе с прикосновением к мощам святого, удостоиться благословения свыше. Пронесенный таким образом через город, он был положен в пещере святых мучеников, в одной усыпальнице и под одной крышей с победоносным подвижником благочестия Иулианом, в том же самом склепе, где почил и блаженный Афраат.

9. Начальство же над стадом принял после него блаженный Елладий, который нёс эти труды в продолжение шестидесяти лет. Потом он, по воле Божией, сделался предстоятелем Киликии, не оставляя прежнего любомудрия, но к трудам подвижническим ежедневно присоединяя труды первосвященства. После него то великое стадо возглавил ученик Елладия – Ромул. И таким образом этот хор подвижников пребывает доныне, сохраняя тот же самый образ жития. Возле монастыря находится селение, на сирийском языке именуемое Марато. Оканчивая же это повествование, я молюсь, чтобы быть мне удостоенным благоволения и этих блаженных мужей.

XI. РОМАН

1. Великий Феодосий, родившись в Антиохии, подвизался в Росских горах, потом вернулся в Антиохию и здесь закончил земную жизнь свою. Блаженный же Роман, родившись в Россе и здесь получив первое воспитание, затем совершал свои подвиги добродетели в Антиохии, прожив всё время вне городских стен - в чужом и притом очень тесном жилище. Он до самой старости никогда не пользовался огнём и не употреблял светильников. Пищей для него служили только хлеб и соль, а питием — ключевая вода. Волосы у него были подобны волосам великого Феодосия, и он носил такую же одежду и вериги.

2. Роман отличался кротостью нрава, простотой и скромностью своего образа мыслей. Поэтому и озарил его свет Божией благодати. Ибо Господь сказал: на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих (Ис.66,2); а Своим ученикам изрек: научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Мф. 11,29); и в другом месте Он говорит: Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (Мф.5,5). Для законодателя Моисея кротость была отличительным признаком его совершенств: Моисей, гласит Священное Писание, человек кроток зело паче всех человек сущих на земли (Чис.12,3). То же самое Святой Дух свидетельствует и о пророке Давиде: помяни, Господи, Давида, и всю кротость его (Пс.131,1). И о патриархе Иакове мы знаем, что он был человек не лукав, живой в дому (Быт.25, 27).

3. Собрав с этих Божественных лугов, подобно пчеле, эти добродетели, Роман и образовал из них мёд истинного любомудрия. Впрочем, не он один пользовался плодами трудов своих, но и к другим текли от него источники сладости. Приходящих к нему Роман кротким и сладкозвучным голосом наставлял: одних относительно братолюбия, других — о согласии и мире, а третьих самым видом своим делал возлюбившими Божественное[163]. Ибо кто бы сумел не изумиться, видя старца, изнурённого телом, покрытого длинными волосами, добровольно носящего самые тяжелые вериги, одетого во власяницу и употребляющего ровно такое количество пищи, какое не позволяло ему умереть с голоду?

4. Кроме многих и тяжких трудов, которые нёс он, всех заставляла уважать его и удивляться ему просиявшая в нём благодать: он часто исцелял самые жестокие болезни и вылечил многих бесплодных женщин, испросив у Бога для них благословение чадородия. Но и получив от Святого Духа такую силу, он называл себя бедным и нищим духом.

5. И таким образом он провёл свою жизнь, оказывая приходящим к нему благодеяния и видом своим и словом. Отойдя отсюда и будучи причислен к лику Ангельскому, Роман оставил после себя не погребенную вместе с телом, но еще и теперь цветущую и не стареющую, вечную память, благотворную для тех, кто

ищет духовной пользы. Я же опять, испрашивая себе здесь благословения у этого старца, буду повествовать о других подвижниках.

ХІІ. ЗЕНОН

1. Немногие знают чудного Зенона, но кто знает, тот не может не надивиться ему по достоинству. Оставив в Понте — отечестве своём — огромное богатство, он был напоен, как сам говорил, источниками Василия Великого, орошавшими Каппадокию, и принёс плоды, достойные сего орошения.

2. Лишь только умер царь Валент, Зенон оставил военную службу (служил же он в числе царских курьеров) и из царских палат переселился в одну из гробниц, которых много на горе, находящейся близ Антиохии. Жил он один, очищая душу, обостряя духовное зрение, занимаясь Божественным созерцанием, полагая, по словам Псалмопевца, восхождения к Богу в сердце своём (Пс.83,6) и желая стяжать криле яко голубине (Пс.54,7) и взлететь к Божественному покою. Посему он не имел ни постели, ни очага, ни горшка, ни кувшина, ни книги и ничего другого; одевался в ветхое рубище и в обувь, которую нужно было подвязывать, потому что кожа подметок отваливалась.

3. Необходимую ему пищу Зенон получал от одного из знакомых, который доставлял ему один хлебец на два дня. Воду же для себя носил сам, черпая её вдалеке. Однажды некто, увидев его, обременённого этой ношей, вызвался помочь ему. Зенон с самого начала противился этой помощи, говоря, что не позволит себе вкусить воды, принесённой другим. Но когда тот не послушался, он отдал ему сосуды (нёс он их два в обеих руках); однако лишь только они вошли в преддверие жилища Зенона, он вылил воду и опять пошел к источнику, подтвердив делом свои слова.

4. И я, когда, в первый раз желая на него посмотреть, взшел на гору, то увидел человека с сосудами в руках. Я спросил его: где жилище дивного Зенона? Он же ответил, что вовсе не знает монашествующего, который бы носил это имя. По смиренному этому ответу я догадался, что он и есть Зенон, и последовал за ним. Войдя в его хижину, я увидел постель, состоящую из соломы, и еще какой-то сор, набросанный на камни, чтобы садившиеся на них не испытывали боли. Когда мы уже довольно побеседовали с ним о любомудрии (я спрашивал, а он давал объяснение моих затруднений) и мне нужно было уже возвращаться домой, то я попросил его дать мне напутственное благословение. Он же отказался, сказав, что приличнее мне совершить молитву; себя он при этом называл мирянином, а меня — воином (был я в то время чтецом Божественных Писаний пред народом Божиим). Когда же я указал на свою юность и незрелый возраст (потому что у меня только еще показался маленький пушок на подбородке) и поклялся, что больше не приду, если он меня заставит это сделать, то он, с трудом уступив моей просьбе, принес наконец за меня свое предстательство Богу, предварив его, впрочем, долгими извинениями и говоря, что сделал это только ради любви и послушания. Я слышал его молитву, поскольку был рядом.

5. Кто по достоинству оценит великое смирение этого старца, целых сорок лет пребывающего в подвигах и достигшего высот любомудрия? Кто в состоянии воздать ему хвалу, подобающую возвышенности его подвигов? Обладая столь великим богатством добродетели, он, словно ничего не имея, вместе с верующим народом приходил по воскресным дням в храм Божий, внимал Божественному Слову, преклонял слух свой к проповедям учителей и причащался таинственной Трапезы. Затем он возвращался в своё странное убежище, не имевшее ни задвижки, ни замка, ни стража, а поэтому совершенно недостижимое для злодеев, безопасное от грабежа, ибо содержало один только мусор. Взяв у кого-нибудь из друзей книгу, он прочитывал её всю, и лишь вернув её, брал потом другую.

6. И хотя не имел он замков и не пользовался задвижками, его охраняла горняя благодать. Мы это верно знаем вот по какому случаю. Когда толпа исаврийцев ночью овладела крепостью, а к утру достигла вершины горы и беспощадно истребила многих мужчин и женщин, проводивших здесь подвижническую жизнь, тогда этот муж Божий, видя погибель других, затмил молитвой глаза исаврийцев, и они, проходя мимо его двери, не заметили входа. И Зенон — как рассказывал он сам, призывая в свидетели истину, — ясно видел трёх юношей, которые прогнали всю эту толпу, послужив знаменем явления благодати Божией. Поэтому написанное об этом человеке Божиим достаточно показывает, какую жизнь проводил он и какой благодати сподобился от Бога.

7. Однако к написанному здесь следует добавить еще и следующее: он очень беспокоился и терзался, что его имущество остаётся целым, не продано и не роздано по закону Евангельскому. Причиной этого был несовершеннолетний возраст его братьев, с которыми у Зенона были общие и имение, и деньги. Сам он для раздела не хотел отправляться домой, а продать свою часть кому-нибудь не решался, ибо опасался, что покупатели будут несправедливы к его братьям и навлекут порицание на него самого. Пребывая в такой нере-

шительности, он долго откладывал продажу. Наконец, решившись, он продал свою долю одному из знакомых за большие деньги. И большую часть из этих денег он уже роздал, когда случилась с ним болезнь, которая заставила его посоветоваться относительно оставшейся части. Призвав предстоятеля города (это был великий Александр — светило благочестия, образец добродетели и глубокого любомудрия), он сказал: "Будь, достоуважаемый для меня глава, добрым распорядителем моего имущества, разделяя его согласно с волей Божией и отдавая отчет Небесному Судии. Прочее я сам роздал так, как мне казалось справедливым; хотелось бы и остальным распорядиться подобным же образом. Но поскольку мне велено оставить эту жизнь, то я делаю распорядителем тебя, святителя Божия, достойного своего святительского сана". Таким образом, он передал деньги Александру — богобоязненному хранителю. Сам же, прожив еще немного времени, сошел с поприща победоносцем, получив похвалу не только от людей, но и от Ангелов, А я, и его моля предстательствовать за меня пред Владыкой, обращусь теперь к другому повествованию.

ХIII. МАКЕДОНИЙ

1. Македония, по прозвищу "Критофаг" (его он получил от рода своей пищи, знают все: и финикийцы, и сирийцы, и киликийцы; известен он и сопредельным с ними народам. Одни из них сами были очевидцами его чудес, другие же слышали распространившуюся о них громкую молву. Впрочем, не все знают о нём всё, но одни знают одно, другие — другое, и каждый справедливо восхищается тем, что знает. Я же, зная точнее других то, что касается этого Божественного моего наставника (потому что многое побуждало меня часто посещать его), расскажу, как сумею, о разных событиях жития его. В своих повествованиях я излагаю его историю только сейчас не потому, что он был ниже других по добродетели (по ним он равен тем, о которых я рассказывал вначале), но потому, что он, прожив долго, скончался после тех, о которых я упомянул.

2. Местом и поприщем своих подвигов Македонии избрал вершины гор, не оставаясь на одном месте, но переходя от одного обиталища к другому. Делал он это не потому, что ему не нравились избранные им места, но чтобы избежать множество народа, собиравшегося и стекавшегося отовсюду к нему. Сорок пять лет он прожил таким образом, не имея ни хижины, ни палатки, но избирая своим местопребыванием какую-нибудь глубокую пещеру. Поэтому некоторые прозвали его Гувван - словом, которое в переводе с сирийского языка на греческий означает "пещерное озеро". Впоследствии, достигнув уже глубокой старости, он уступил просьбам многих и построил себе жилище, а потом, по просьбе друзей, жил и в разных домиках — конечно, не своих, но чужих. В своем жилище и в этих домиках Македонии прожил еще двадцать пять лет. Таким образом, его подвижническая жизнь протекала на протяжении семидесяти лет.

3. В пищу он не употреблял ни хлеба, ни бобов, но лишь ячмень, смоченный одной водой. Эту пищу долгое время доставляла ему моя мать, которая была с ним знакома. Однажды Македонии, придя к ней во время её болезни и узнав, что она не соглашается принимать пищу, необходимую в её состоянии (ибо и она тогда стала вести жизнь подвижническую), он убеждал её послушаться врачей и считать эту пищу лекарством, ибо она принимает её не для удовольствия, а по необходимости. "Вот и я, - сказал он, — употребляю, как ты знаешь, один ячмень, но вчера, почувствовав какую-то слабость, попросил своего послушника принести немного хлеба. Рассуждал же я так: если я умру, то должен буду отдать отчет праведному Судии за свою смерть — что я избежал подвигов и уклонился от трудов своего служения, что мне можно было малым количеством пищи предупредить смерть и остаться в живых, дабы трудиться и собирать от трудов неземное богатство, но я предпочел голодную смерть любомудренной жизни. Устрашенный этим и желая избежать укоризны совести, я и повелел поискать хлеб, а когда его принесли, то съел. И тебя прошу, чтобы ты приносила мне в дальнейшем не ячмень, но хлеб". Итак, от неложного языка старца мы слышали, что он сорок пять лет питался ячменём. Отсюда очевидно, сколь строгим и трудолюбивым подвижником был этот муж.

4. Чистоту и простоту его нравов мы покажем на другом примере. Когда великий Флавиан был поставлен пасти Божие стадо, он узнал о добродетели этого мужа - ибо имя его было у всех на устах — и вызвал его с горней вершины якобы по поводу поступившей на него жалобы. Когда же Македонии пришел, то перед началом таинственного Священнодействия Флавиан подвёл его к алтарю и присоединил к священническому чину. Когда Литургия завершилась, кто-то объяснил ему это — ибо Македонии был в полном неведении относительно происшедшего, — то старец сначала стал браниться и разить всех присутствующих гневными словами, а затем схватил посох (ибо вследствие старости он обычно ходил с ним) и погнался за самим архиереем и за всеми, кто там был, так как он решил, что хиротония лишила его горней вершины и вождельного образа жизни. Гнев его тогда едва смогли укротить некоторые из друзей. Когда же совер-

шился недельный круг и вновь наступил воскресный день, великий Флавиан вновь послал за Македонием, прося старца присоединиться к ним в этот праздничный день. Он же ответил посланным: "Разве вам не достаточно того, что уже случилось, и вы снова хотите сделать меня священником?" Хотя они и говорили, что одного и того же человека нельзя дважды рукоположить, но он не внял их речам и не пришел. Лишь с течением времени, после многократных объяснений друзей, он примирился с происшедшим.

5. Я знаю, что этот рассказ не у многих вызовет восхищение, но решил поведать о сем случае как о свидетельстве простоты помыслов и душевной чистоты Македония. Таковым Господь обещал Царство Небесное, сказав: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18,3). Итак, показав главные черты душевного характера Македония, обратимся к описанию его дерзновения пред Богом, проистекавшего от его добродетели.

6. Один стратег, любитель псовой охоты, как-то ради этой забавы посетил гору, где обитал Македонии, взяв с собой собак, ловцов и всё, что нужно для охоты. Увидев издали мужа и узнав от спутников, кто он, стратег соскочил с лошади, подошел к нему и спросил, что он делает, проводя свою жизнь здесь? Македонии, в свою очередь спросил его: "А ты что думаешь делать, прискакав сюда?" Когда же стратег ответил, что он прибыл на охоту, то Македонии сказал: "И я уловляю здесь Бога моего, стремлюсь постигнуть его, всем сердцем желаю узреть Его и никогда не оставлю этой прекрасной ловли". Услышав такой ответ, стратег подивился и отошел.

7. В другое время, когда град Антиохия, приведённый в исступление лукавым бесом и одержимый безумным исступлением, низверг царские статуи, и два избранных военачальника уже шли вместе с войском, чтобы исполнить приговор об истреблении города, Македонии, сойдя с горы, остановил их на площади. Узнав, кто он, военачальники соскочили с коней и, прикасаясь к его рукам и коленам, обещали ему безопасность. Он же попросил их передать царю следующее: сам царь — также человек и имеет природу, подобную природе прогневавшим его. Поэтому ему следует соизмерять гнев с природой, а он увлётся вспышкой этого неумеренного гнева и повелел за свои изображения истребить образы Божий, а за медные статуи осудил на смерть тела. "Восстановить, — говорил старец, — и возобновить медные статуи нам легко и просто, но даже царю невозможно возратить к жизни умерщвлённые тела. И что я говорю о телах? Ведь мы не можем создать даже одного волоска". Изрёк всё это Македонии на сирийском языке. Военачальники же, выслушав при помощи толмача, переводившего на греческий, его слова, были поражены ими и обещали передать всё в точности царю.

8. Всякий, я думаю, согласится, что эти слова были одушевлены благодатью Духа Божия. Ибо иначе, разве изрёк бы их человек, лишенный всякого образования, воспитанный в деревне, обитавший на вершинах гор, живший в простоте душевной и даже не изучивший Божественных Писаний? Показав таким образом духовную мудрость Македония и его дерзновение, достойное праведника, ибо «праведный яко лев упоая» (Притч.28,1), перейдем к чудотворениям этого мужа.

9. Жена одного благородного человека впала в болезнь объядения: одни объясняли эту болезнь действием беса, другие — немощью тела. Как бы то ни было, только съедала она каждый день по тридцати птиц, и не только не укрощала своего аппетита, но еще больше раздражала его. Когда в силу такого обстоятельства на неё было истрачено уже много средств, опечаленные родственники обратились с просьбой к человеку Божию. Македонии пришел в их дом, помолился Богу, затем наложил свою руку на принесённую воду, запечатлел на ней спасительное знамение Креста и приказал больной выпить воду. Подобным образом он исцелил болезнь и укротил неумеренность аппетита, так что женщине после этого достаточно было и небольшого кусочка птицы, чтобы насытиться. Вот так излечил он болезнь сию.

10. Другой случай: одна девушка, еще не вступившая в возраст невесты, внезапно впала в беснование. Её отец поспешил к человеку Божию, прося, умоляя и уговаривая его исцелить дочь. Македонии, помолившись, велел бесу тотчас оставить девушку. Однако бес сказал, что вселился в неё не по своей воле, а по принуждению магических заклинаний, и открыл имя того, кто употреблял их, сказав также, что причиной колдовства была влюблённость этого человека.

11. Отец, услышав это, не сдержал гнева и, даже не дожидаясь выздоровления дочери, обратился к тому из высоких правителей, который был поставлен над многими народами, и рассказал ему о происшествии, став обвинителем названного человека. Тот, оказавшись ответчиком, всё отрицал и называл обвинение клеветой. Отец же призвал в свидетели не кого иного, как беса, послужившего орудием колдовства, и просил судью послать к человеку Божию, чтобы получить свидетельство от беса. Когда судья ответил, что незаконно и даже неблагочестиво устраивать допрос в убежище отшельника, отец обещал привести божественного Македония. Поспешив к нему, он убедил старца и привёл его в суд. И судья, сойдя со своего кресла, стал не судьей, а зрителем, потому что судьей выступил великий Македонии, явивший обитавшую в нём силу Божию: он приказал бесу оставить привычную ложь и правдиво поведать всю трагедию. И тот, принуждённый великой силой, указал и на человека, управлявшего им посредством колдовских песен, и на служанку, через которую зелье было поднесено девушке. Когда же ему пришлось рассказать и об осталь-

ных делах, на которые его вынудили другие злые люди, — одному он сжег дом, другому сгубил имущество, третьему еще чем-то навредил, — то человек Божий повелел ему замолчать и немедленно покинуть и девушку, и город. И бес, словно раб, повинующийся повелению господина, тотчас исчез.

12. Так человек Божий и девушку освободил от безумия, и того несчастного избавил от наказания: ибо старец не позволил судье вынести смертный приговор, сказав, что неблагочестиво приговаривать к смерти, опираясь на изобличения беса, — лучше дать человеку возможность спасения через покаяние. Рассказанное уже достаточно показывает обилие дарованной Македонии благодатной силы, но я поведаю и еще нечто.

13. Одна женщина благородного происхождения, по имени Астрия, сошла с ума так, что не узнавала никого из своих и не желала ни есть, ни пить. В таком помешательстве она пребывала очень долгое время. Одни объясняли её состояние действием беса, а врачи говорили, что она страдает болезнью мозга. Употребив все средства врачебного искусства и не получив от них никакой помощи, муж женщины (это был Аводиан — человек достойный, член городской курии) пришел к божественному Македонию, рассказал о болезни своей супруги и попросил исцелить её. Человек Божий согласился, пришел в его дом и принёс Богу усердную молитву. По окончании молитвы он приказал принести воды и, напечатлев на ней спасительное знамение Креста, повелел больной выпить её. Врачи стали возражать, опасаясь, что от холодной воды болезнь только усилится, но муж, отвергнув советы врачей, поднёс питье жене: лишь только она выпила воду, сразу пришла в себя и к ней вернулся здравый рассудок. Освободившись от болезни, она узнала человека Божия, попросила его дать правую руку, приложила её к глазам и после этого всё последующее время пребывала в здравом уме.

14. Когда этот человек Божий жил на горе, то один пастух, разыскивая своих заблудших овец, забрёл в ту сторону, где находилось жилище Македония. Была тёмная ночь и падал крупный снег; пастух, по его собственным словам, видел около блаженного горящее пламя и двух юношей, облаченных в белые одежды и подкладывавших в огонь дрова. Так он, пламенея любовью к Господу, удостоился помощи Божией.

15. Македонии обладал и даром пророчества. Некогда пришел к нему один стратег, сияющий благочестием (кто не знает о добродетели Лупикина?), и сказал, что он беспокоится о тех, которые везут из столицы ему по морю провиант. "Пятьдесят дней, — говорил он, — как они вышли из столичной гавани, но до сих пор о них нет никакого слуха". Македонии сразу же ответил ему: "Одно судно, друг, погибло, а другое завтра войдёт в гавань в Селевкии". И что военачальник услышал из уст святого, в том скоро удостоверился и на деле.

16. Но, оставив прочее, я расскажу о том, что касается нас самих. Тринадцать лет жила моя мать с отцом, но не стала матерью: она была бесплодна и от природы лишена способности чадородия. Сама она, будучи воспитана в благочестии, не слишком скорбела о своём бесплодии, видя в этом волю Божию. Но отца бесчадие её очень огорчало, и он обходил всех святых мужей, умоляя, чтобы они испросили ему у Бога детей. Все прочие подвижники обещали ему молиться, но убеждали его покориться воле Божией; лишь один Македонии, человек Божий, решительно согласился молиться и обещал отцу, что молитва будет принята и он получит одного сына от Творца всяческих. Прошло три года, но обещание это не исполнилось, и отец снова пошел к старцу, чтобы просить о том же. Македонии приказал ему прислать супругу. Когда мать моя пришла, человек Божий сказал ей, что он будет молить Бога и она получит дитя, только это дитя должно быть отдано Тому, Кто даровал его. Мать в ответ сказала, что ищет только спасения души и избавления от геенны огненной; Македонии же на её слова изрек: "Щедродаровитый подаст тебе это, а сверх того и сына, потому что искренно молящимся подаётся, по их прошениям, вдвое". Мать возвратилась от него с благословенным обетованием. Спустя четыре года она зачала и еще раз пришла к человеку Божию сказать, что благословение его приносит плод.

17. Однако на пятом месяце беременности ей стала угрожать опасность преждевременных родов. Не имея сама возможности идти, она послала к своему новому Елисею человека сказать, что опять не надеется стать матерью, и попросила напомнить ему о его обетованиях. Македонии, издали увидев идущего, узнал и его самого, и причину, побудившую человека посетить его, ибо Господь ночью открыл ему и о болезни матери, и о её спасении. Взяв жезл свой, он пошел и, придя в наш дом, приветствовал мать мою, по своему обыкновению, миром, сказав еще: "Не унывай и не бойся — Дарующий не отнимет дара Своего, если ты не нарушишь положенных условий. Ведь ты обещалась возвратить дар и посвятить сына служению Богу". В ответ мать сказала: "Да, я и желаю, и прошу у Бога милости — соделаться матерью; но я скорее предпочту преждевременные роды воспитанию сына в духе, чуждом веры". Человек Божий дал ей воды и изрек: "Выпей её, и ты почувствуешь помощь Божию". Она выпила, как было велено, и опасность преждевременных родов миновала. Таковы были чудеса нашего Елисея!

18. И сам я много раз удостоивался его благословений и наставлений. Он часто, наставляя меня, говорил: "Ты, чадо, родился с большими трудами: много ночей провёл я в молитве о том только, чтобы родителям твоим было ниспослано то, чем они называли тебя после рождения. Живи же достойно этих трудов.

Уже прежде рождения ты, по обету, посвящен Богу, а что посвящено Ему, то должно быть уважаемым для всех и неприкосновенным для большинства. Поэтому тебе нельзя внимать порочным движениям души, но делать, говорить и думать ты должен только то, что угодно Богу - Законодателю добродетели". Подобное мне постоянно внушал сей человек Божий. Я же, своими делами не исполняя его заветов, молю Бога о том, чтобы, по молитвам блаженного мужа, обрести мне Божественную помощь и остальную жизнь свою провести по заповедям святого.

19. Итак, достаточно показано, каков был Македонии и какими трудами привлёк он к себе благодать Божию. И после кончины его воздаётся ему честь, достойная трудов его. Ибо все: и граждане Антиохии, и чужестранцы, и верховные начальники, неся священный одр его на своих плечах, погребли Македония в храме победоносных мучеников, положив святое и боголюбезное тело его вместе с телами блаженных Аф-раата и Феодосия. Слава его пребывает неугасимой, и никакое время не изгладит её. Мы же, оканчивая здесь это повествование, да усладимся благоуханием его.

XIV. МАИСИМА

1. Я знаю, сколь много других светильников сияло в пределах города Антиохии, каковы: великий Север, Петр Египетский, Евтихий, Кирилл, Моисей, Малх и весьма многие другие, шедшие тем же путём. Но если бы я и решился описывать подвиги всех их, у меня вряд ли хватило времени на это, а кроме того, чтение рассказов о многих лицах большинству наскучивает. Поэтому по жизни тех, кого я описал, пусть судят об остальных, пусть всех прославляют, пусть им подражают и получают пользу для себя. Я же перейду на луга Кира и, по возможности, покажу красоту немногих благовонных и благообразных тамошних цветов.

2. В предшествовавшие нам времена был некто Маисима, по языку сириец и воспитанный в деревне, но явивший преуспевание во всех видах добродетели. Прославившись своей жизнью, он получил духовное начальство над одним селением. Священнодействуя и пася овец стада Божия, он говорил и делал то, что повелевает Божественный закон. Говорят, что он очень долгое время носил один и тот же хитон и плащ, не меняя их, но на прорванных местах ставя заплатки, и таким образом дожил до старости. О странниках и бедных он пёкся так усердно, что двери его всегда были открыты для них. Рассказывают, что он имел два сосуда — один с хлебными зёрнами, а другой с елеем, уделяя из них всем нуждающимся, но сосуды при этом всегда оставались полными. Благодать, дарованная сарептской вдовице, была ниспослана и на эти сосуда: потому что Господь, богатый для всех, призывающих Его, и сосудам сарептской вдовицы повелел постоянно изобиловать, даруя ей плоды семян гостеприимства (3 Цар. 17,9-16), и дивному Маисиме подал изобилие, равное его попечению о бедных.

3. Этот блаженный получил от Бога всяческих и великую благодать чудотворений. Спеша перейти к другим подвижникам, я упомяну лишь об одном или двух из них, а о прочих умолчу. Одна женщина, украшенная и благородным происхождением, и верой, имела больного сына, бывшего еще очень маленьким. Она показывала его многим врачам, но врачебное искусство было побеждено: врачи отчаялись и решительно приговорили дитя к смерти. Однако мать не оставляла отрадных надежд, но, подражая сонамитянке (4 Цар.4,8-37), положила сиденье на мулов и, поместившись на нём вместе с сыном, прибыла к человеку Божию, изливая в слезах столь понятную скорбь и умоляя его помочь. Маисима, взяв дитя на руки, подошел к подножию алтаря, повергся долу с молитвою ко Врачу душ и телес и, окончив молитву, вернул матери сына уже здоровым. Я слышал это от неё самой, видевшей это чудо и испросившей для сына спасение.

4. Говорят также, что когда к Маисиме пришел владелец того селения (это был Литоиос, занимавший первое место в Антиохийском совете, но одержимый мраком нечестия), который строже, чем должно, требовал от земледельцев плодов их урожая. Человек Божий склонял его к милосердию, внушал человеколюбие и сострадание, но владелец оставался непреклонным. Однако вскоре он на собственном опыте познал вред непослушания. Когда ему нужно было отправляться обратно и повозка была уже готова, он приказал вознице погнать мулов; животные под ударами кнута изо всех сил старались сдвинуть повозку, но не могли этого сделать, словно колёса были прикованы к месту железом или свинцом. Множество поселян, призванных на помощь, ворочая колёса рычагами, также не могли сдвинуть повозки. Тогда один из приближенных Литоиоса, сидевший рядом с ним, указал на причину столь странного явления: прекословие Литоиоса старцу-иерею, и сказал, что надо его умилоствить. Соскочив с повозки, Литоиос обратился с просьбой о помощи к тому, кем он было пренебрег, и, припадая к ногам его и держась за его грязное рубище, умолял не гневаться. Маисима, выслушав просьбу богача и помолвившись Господу, освободил колёса от невидимых уз и дал повозке возможность двигаться обыкновенным порядком.

5. И многое другое рассказывают об этом человеке Божиим. Из этих повествований можно познать, что для избравших любомудрие не служит препятствием ни жизнь городская, ни жизнь деревенская. Ибо и Маисима, и подобные ему ревнители служения Богу показали, что и вращающимся среди множества людей вполне возможно достигнуть самой вершины добродетелей. А мне бы, при содействии молитв сих святых, подняться хоть чуть выше подножия этой горы добродетелей!

XV. АКЕПСИМА

1. В это же время жил и Акепсима, слава о котором распространилась по всему Востоку. Он, затворившись в небольшом жилище, прожил шестьдесят лет, никого не видя и ни с кем не разговаривая, но углубляясь в самого себя и созерцая Бога, — в чем он находил для себя всё утешение, по пророческому изречению: насладися Господеви и даст ти прощения сердца твоего (Пс.36, 4). Приносимую пищу он принимал сквозь небольшое отверстие; оно было просверлено не совершенно прямо, но сделано несколько извилистым, дабы любопытствующие не могли заглянуть внутрь. Пищей же ему служила чечевица, размоченная в воде.

2. Потребное количество воды он сам начерпывал себе из ближайшего источника, выходя из жилища раз в неделю ночью. Однажды некий пастух, пасший овец поблизости, увидел Акепсиму, шествующего во мраке к источнику, и принял его за зверя (потому что он, обремененный тяжкими веригами, ходил в согбенном положении). Пастух взял было пращу, чтобы метнуть в него камень, но рука его застыла в неподвижности на долгое время и не могла бросить камень до тех пор, пока блаженный муж, зачерпнув воды, не скрылся. Пастух понял свою ошибку и очень рано утром отправился к жилищу Акепсимы, рассказал ему о случившемся и попросил прощения: он получил отпущение своей невольной вины, выраженное не живым голосом, а движением руки.

3. Другой человек, побуждаемый злонравным любопытством, пожелал узнать, что делает Акепсима, и ради этого дерзнул залезть на дерево, растущее вблизи его келлии, но тотчас же пожал плоды своей дерзости. Половина его тела онемела от головы до ног, после чего он с покорностью явился к Акепсиме и признался в своём проступке. Тот сказал провинившемуся, что он возвратит себе здоровье лишь после того, как срубит дерево, и повелел ему сделать это, чтобы кто-нибудь другой не совершил подобного проступка и не потерпел такого же наказания. И когда дерево было срублено, действительно последовало и освобождение виновного от наказания. Вот какое терпение в подвигах и какую благодать получил от Судии всех этот блаженный муж!

4. Приготовляясь к отшествию из жизни сей, он предсказал, что закончит земное поприще своё через пятьдесят дней. Всех, желавших видеть его, он принимал. Между прочим, пришел к нему и предстоятель тамошней церкви и, убеждая его принять иго пресвитерства, говорил: "Отче, я знаю и высоты твоего любомудрия, и собственную свою нищету духовную; но, поскольку мне вверено служение епископское, то я и совершаю рукоположения — в силу такого призвания, а не по собственному ничтожеству. Приими же и ты дар священства, чрез возложение моей руки и по действию благодати Всесвятого Духа". На это Акепсима, как говорят, сказал: "Так как через несколько дней я отойду отсюда, то не возражаю против этого; но если бы надеялся долго прожить, то уклонился бы от тяжкого и страшного бремени священства, страшась будущего отчета за него. Поскольку же, оставив все здешнее, я скоро отойду из этой жизни, то с покорностью прииму то, что ты мне повелеваешь". И тотчас же, без всякого принуждения, Акепсима, преклонив колена, принял благодать священства, а епископ, возложив руку на него, послужил орудием Духа.

5. Прожив в сане священства несколько дней, Акепсима променял одну жизнь на другую: вместо многопечальной стяжал нестареющую и беспечальную. Все желали заполучить его мощи, и каждый старался перенести их в своё селение, но один человек прекратил спор, объявив завещание святого. Он сказал, что Акепсима завещал предать его тело погребению на том же самом месте, где он подвизался. Так граждане небесные заботятся о простоте и после смерти! Чуждые гордости при жизни, они не ищут почестей от людей и после погребения, но, отдав всю любовь сердца своего Небесному Жениху, они подобны целомудренным женам, которые пекутся лишь об одном - чтобы их любили и хвалили только супруги, а похвалами посторонних пренебрегают. За это-то Небесный Жених делает их, даже если они того не желают, известными, щедро даруя им и славу от людей. Ибо если кто-нибудь взыскует Божественное и ищет Небесное, то Господь, исполняющий самые различные прошения, подает вместе с взыскуемым и всё другое. Это выразил Он в законе Своем, говоря: Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам (Мф.6,33); и еще: И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную (Мф.19,29). Так Он

сказал, так и сделал. О, если бы и нам, научаемым и словом, и делом святых, и при их молитвенном содействии достигнуть вожделенной цели - почестей вышнего звания во Христе Иисусе, Господе нашем!

XVI. МАРОН

1. После Акепсимы я упомяну о Мароне, ибо и он украсил божественный лик святых. Возлюбив жизнь под открытым небом, он избрал местом жительства своего вершину горы, в старину почитаемой язычниками. Освятив это место идольских жертвоприношений и соделав его местом служения Богу, он подвизался там, построив для себя небольшой шалаш, в котором, впрочем, редко бывал. Собирая нетленное богатство любомудрия, он не только совершал обычные для подвижников труды, но изобретал и новые.

2. Высший же Судия с трудами Марона соизмерял Свою благодать. Великодаровитый, Он так щедро одарил этого подвижника силой исцелений, что слава о Мароне распространилась повсюду; со всех сторон приходило к нему множество людей, которые на собственном опыте убеждались в истине доходивших до них слухов. Перед очами всех и горячки гасли под росой его благословения, и исступления прекращались, и бесы обращались в бегство, и различные болезни исцелялись единственным лекарством. Ибо врачи обыкновенно к каждой болезни применяют соответствующее ей лекарство, а молитва святых есть общее лекарство против всех болезней.

3. Марон врачевал не только телесные болезни, но исцелял и души: одного он излечивал от любо-стяжания, другого — от гнева, третьему внушал целомудрие, четвёртому преподавал уроки справедливости, в пятом обличал невоздержание, а шестого пробуждал от лени. Упражняясь в таком земледелии, он взрастил много плодов любомудрия и насадил для Бога тот сад, который и ныне процветает в земле Кирской. В этом рассаднике благочестия был выращен великий Иаков, к которому по справедливости приложимо пророческое изречение: праведник яко финикс процветет, яко кедр, иже в Ливане, умножится (Пс.91,13), и многие другие, о которых я, при помощи Божией, упомяну в своём месте.

4. Подвизаясь таким образом в Божественном земледелии, врачюя и души, и тела, Марон, после долгой болезни, посетившей его для того, чтобы мы познали и слабость тела, и силу души, отошел из жизни сей[196]. О мощах его возник между соседями сильный спор. Жители одного соседнего многолюдного селения, придя как-то все вместе, захватили это вожделенное сокровище, разогнав прочих. Построив для него большой храм, они и до сего дня получают большую пользу, прославляя победоносца Марона во время всеобщего праздника. А мы и заочно получаем от него благословение: вместо гроба для нас достаточно памяти о блаженном.

XVII. АВРААМ

1. Грешно не упомянуть и о достойном удивления Аврааме, хотя бы потому только, что он, после жизни отшельнической, украшал первосвященническую кафедру. Особенно он достоин воспоминания благодаря тому, что, вынужденный изменить род жизни, не изменил образа её, но проводил жизнь свою до окончания земного поприща и в трудах отшельнических, и в трудах первосвященнических.

2. Он также был плодом земли Кирской: здесь он и родился, здесь был воспитан и здесь собрал богатство подвижнических добродетелей. Знавшие его рассказывают, что он бдением, стоянием на молитве и постом так изнурил своё тело, что очень долгое время оставался неподвижным, ибо не мог ходить. Затем, освобожденный от этой немощи Промыслом Божиим, Авраам решил, в знак благодарности за Божию благодать, подвергнуть себя спасительным опасностям, переселившись в, одно большое селение, называющееся Ливан, о котором узнал, что оно покрыто мраком нечестия. Скрыв своё монашеское звание под личиной купца, он вместе с другими торговцами пришел туда с мешками, как будто с намерением купить орехов (область эта и производила преимущественно их); наняв дом за небольшую плату, Авраам три или четыре дня безмолвствовал. Потом понемногу начал тихим голосом совершать Божественные службы. Когда жители услышали его псалмопение, то глашатай созвал всех — и мужчин, и женщин; собравшиеся завалили двери дома, где был Авраам, а затем, принеся много земли, с кровли сбросили её внутрь дома. Однако увидев, что пребывающие внутри ничего не хотят ни делать, ни говорить ради своего спасения, а продолжают только молиться Богу, жители Ливана, по повелению старейшины, уняли своё бешенство, отворили дверь, разметали землю и приказали заключенным тотчас удалиться.

3. Но в это время в селение пришли сборщики налогов и стали строго требовать податей, одних за неуплату заключая в кандалы, а других подвергая бичеванию. Авраам, не помня зла, совершенного по отношению к нему, и подражая Господу, на Кресте молившемуся за распинающих Его, начал просить сборщиков, чтобы они были милосердны при собирании дани. Сборщики же потребовали поручительства, и Авраам охотно взял это на себя, обещая спустя некоторое время достать сто золотых, которых не хватало. И жители Ливана, столь дурно обошедшиеся с ним, теперь удивились его человеколюбию, просили у него прощения и приглашали его быть их покровителем, ибо у селения не было господина, сами они были и крестьяне, и господа. Авраам, отправившись в город (это была Емеса) и найдя здесь некоторых своих знакомых, взял у них займы сто золотых; потом, возвратившись в селение, исполнил своё обещание.

4. Увидев столь великое его о них попечение, поселяне еще усерднее стали просить его быть их покровителем. Когда он обещался исполнить их желание, при условии, что они согласятся построить в Ливане церковь, жители селения предложили ему тотчас же начать строительство. Они водили блаженного мужа туда и сюда, показывая удобнейшие для этого места: один восхвалял одно, другой — другое. Авраам же, избрав лучшее, заложил фундамент для храма, а затем в короткое время возвёл стены и крышу. После окончания строительства блаженный стал убеждать поселян пригласить к себе священника. А когда они ответили, что не хотят искать другого, умоляя его быть для них отцем и пастырем, он принял благодать священства. Так три года прожил с ними Авраам, мудро направляя их к Божественному; потом, подготовив из среды их самих вместо себя священника, опять удалился в монашеское убежище.

5. Но не будем рассказывать о нём всего, чтобы не сделать нашего повествования слишком странным. Скажем только, что, просияв такими подвигами, Авраам затем занял кафедру первосвященника в Карах. Этот город был еще заражен нечестием и одержим бесовским неистовством, но, удостоившись попечения такого делателя и приняв огонь его учения, освободился от прежних терний и ныне изобилует жатвами Святого Духа, принося Богу зрелые колосья благочестия. Такую обработку бесплодной земли совершил этот человек Божий отнюдь не без труда, но приложив много старания: подражая ремеслу тех, кому доверено врачевание тел, он то услаждал свою паству убеждениями, то употреблял горькие лекарства, а иногда отсечением и прижиганием больных членов возвращал немощным здоровье. Назидательному слову пастыря и другим способам врачевания помогала и добрая жизнь его. Освещаемые лучами её, жители города и учению внимали и охотно покорялись своему пастырю.

6. Во время святительского служения своего Авраам довольствовался малым количеством хлеба и воды; излишним было для него ложе, не нужен был и огонь. Ночью он совершал попеременно сорок псалмопении, заполняя промежутки между ними двойным количеством молитв; к исходу ночи садился на стул и позволял своим ресницам немного отдохнуть. Что не хлебом единым жив будет человек (Втор.8,3) — это сказал еще законодатель Моисей; подтвердил и Господь, отвергая искушение диавола (Мф.3,4). И сей дивный муж во время святительства своего не вкушал ни хлеба, ни зелени, ни овощей, приготовленных на огне, ни даже воды, которая считается у людей, знакомых с естественными науками, первой из стихий из-за своей необходимости для жизни. Аврааму же пищу и питье заменяли салат, цикорий и петрушка, не требовавшие искусства пекарей и поваров. Во время жатвы он вкушал кое-что от плодов её, но делал это уже после вечернего Богослужения.

7. Столь великими трудами измождая своё тело, сей подвижник имел неусыпное попечение о других. Для странников, заходивших к нему, у него всегда были готовы и постель, и хлебы — чистые и вкусные, и благовонное вино, и рыба, и овощи, и всё другое подобное. В полдень он сам садился с обедающими у него, каждому поднося что-либо из предложенного, всем подавая чаши и прося их пить. Но сам, подражая своему соименнику, то есть патриарху, прислуживающему странникам (Быт. 18,1-8), не вкушал вместе с ними.

8. По целым дням он присутствовал при спорных делах тяжущихся и убеждал их примириться между собой, а тех, которые не слушали кротких увещаний и не соглашались на справедливые уступки, невольно принуждал к тому; и никто из неправых не выходил победителем благодаря своей дерзости, потому что когда сторону несправедливо обиженного принимал праведник, он оказывался непобедимым. И он был похож на хорошего врача, который препятствует излишнему выделению жизненных соков и заботится о равновесии элементов в организме.

9. Сам царь пожелал видеть его (ибо молва крылата, легко разнося и всё хорошее, и всё дурное) и потребовал его к себе. Когда же праведник пришел, царь поприветствовал его и сказал, что его деревенская одежда из шкуры почетней царской багряницы. И все царевичи припали к рукам и коленам старца и просили благословения у мужа, даже не понимавшего по-гречески.

10. Таким образом любомудрие заслуживает почтение и от царей, и от всех людей, и подвижники, даже после смерти, нередко удостоиваются великих почестей. Удостовериться в этом можно на многих примерах, в первую очередь - на примере этого боговдохновенного мужа. Когда он умер и царь узнал об этом, то пожелал положить почившего в одной из священных гробниц. Но, размыслив, что справедливее

будет отдать тело пастыря пастве, царь вызвался сам провожать почившего, идя впереди всех; за царем следовал хор цариц, потом — начальствующие и подчинённые, воины и люди простые. С таким же торжеством встретил гроб праведника город Антиохия, встречали его и все другие города до самой реки Евфрат. К берегу этой реки стеклись и граждане, и чужестранцы, и жители стран приграничных — все наперебой старались получить благословение от покойного. Гроб сопровождало множество ликторов, которые устрашали бичами покушавшихся снять с тела почившего одежды, чтобы иметь от них хоть лоскуток. Слышны были псалмопения и плачевные песни: то одна скорбящая женщина называла его покровителем, питателем, пастырем и учителем, то плачущий мужчина называл его отцем, помощником и заступником. С такими похвалами и слезами предано было погребению святое тело угодника Божия!

11. Я же удивляюсь ему как человеку, который с переменой жизни не изменил образа жития своего, ибо, став епископом, он не предпочел более легкий быт, но лишь приумножил подвижнические труды свои. Поэтому я поместил повествование о нём в историю отшельников, не отделив его от любимого им сообщества, чтобы и самому получить от него за это благословение.

XVIII. ЕВСЕВИЙ

1. К тем святым, о которых я говорил выше, присоединю и великого Евсевия. Он умер немного времени тому назад, но жил очень много лет, подъял, по числу лет жизни, многие и великие труды, приобрёл равную этим трудам добродетель и получил от неё многообразные плоды; ибо Высший Судия воздаянием наград Своих превышает подвиги человеческие. Евсевий сначала, вверив себя попечению других, шел туда, куда его вели: так как то были мужи Божии, ревнители и подвижники добродетели. Прожив же с ними некоторое время и изучив науку любомудрия, он возлюбил жизнь уединённую и, придя на хребет одной горы, близ которой находится очень большое селение, называемое Асихою, воспользовался одной оградой, камни которой не были связаны между собой даже глиной. Здесь Евсевий и начал проводить остальную жизнь свою в трудах под открытым небом, покрывая тело кожаной одеждой, а питаясь горохом и бобами, смоченными водой. Иногда, впрочем, он употреблял и смоквы, стараясь таким образом подкрепить слабость тела. И дожив до глубокой старости, когда лишился уже большинства зубов, он не изменил ни пищи, ни жилища. В зимние морозы и в летний зной праведник терпеливо переносил все изменения погоды, имея лицо сморщенное и все члены тела иссушенные. Многими трудами он довёл своё тело до такого измождения, что даже пояс не мог держаться на чреслах его, ибо мышцы совсем пропали и пояс свободно соскальзывал вниз. Поэтому Евсевий пришил пояс к хитону, придумав это как единственное средство для удержания пояса на своём месте.

2. Не по нраву подвижнику были беседы со многими людьми: ибо он, постоянно упражняясь в Божественном созерцании, не хотел развлекать свою мысль. Впрочем, столь горячо возлюбив созерцание, он всё же некоторым знакомым позволял отворять дверь и входить к нему; только после того, как насыщал их Божественными Глаголами, приказывал опять замазывать дверь грязью. Однако затем, решив избегать общения и с немногими, он совершенно заградил вход к себе, привалив большой камень к двери своего жилища. И только с немногими из собратий разговаривал через отверстие, сквозь которое видеть его было невозможно, потому что так оно было устроено; через это же отверстие он принимал и приносимое ему небольшое количество пищи. Наконец, Евсевий всем стал отказывать в своей беседе: только меня одного удостоивал он своего сладкого и боголюбезного голоса; часто, когда я уже собирался уходить, старец удерживал меня, продолжая вести речь о Небесном.

3. Когда же стали к нему приходиться многие и просить дара благословения, он обычно бывал недоволен таким многолюдством и, несмотря на свою старость и забыв о слабости сил своих, перескакивал через ограду, взобраться на которую нелегко было и человеку сильному. Однажды, сделав так, Евсевий ушел к ближайшим подвижникам и в их обители — маленькой оgrade, пристроенной к стене, - продолжал подвигаться в обычных трудах.

4. Предстоятель этого стада Христова, муж, преисполненный всякой добродетели, сказывал, что здесь Евсевий проводил семь седмиц Великого Поста, довольствуясь всего пятнадцатью смоквами. И подобные подвиги он предпринимал уже в возрасте девяносто лет и притом имея слабое здоровье! Но сильнее немощи телесной было в нём пламенное усердие, и любовь к Богу делала для него всё простым и легким. В таких трудах, омываемый потоками пота, достиг он цели своего поприща, взирая на Высшего Судию и уповая на венцы небесные. Я же и теперь желаю пользоваться его предстательством пред Богом, как пользовался при его жизни. Ибо я верю, что он и теперь живёт и имеет чистейшее дерзновение к Богу.

XIX. САЛАМАН

1. Думаю, что я оскорбил бы добродетель, если бы не сообщил потомкам сведений и о жизни дивного Саламана и оставил её во мраке забвения. Поэтому я предлагаю повествование о нём, изложенное весьма кратко. К западу от реки Евфрат, на самом берегу её, есть селение, называемое Каперсана. В нём и родился Саламан. Полюбив безмолвие, он отыскал на другом берегу маленькое убежище и затворился в нём, не оставив ни двери, ни окна. Единожды в году, подлезая под стену своего убежища, он приносил себе еды на целый год, никогда при этом не вступая в беседы с кем-нибудь из людей. Так прожил он весьма продолжительное время.

2. Архиерей города, к которому относилось названное селение, узнав о добродетели этого мужа, пришел к нему однажды с намерением предложить дар священства. Приказав проломить часть стены, он возложил руки на Саламана, совершил молитву, многое ему сказал, объяснил, какая благодать ему дана, и затем удалился, не услышав в ответ ни одного слова. После этого архипастырь повелел заделать пролом в стене.

3. В другой раз жители селения, из которого происходил подвижник, ночью переправились через реку, разрушили его хижину, взяли его самого и быстро перенесли в свое селение. Он же при этом не выказал ни сопротивления, ни согласия. Утром поселяне построили Саламану хижину, подобную прежней, и в ней опять заключили его: он продолжал хранить молчание и ничего никому не сказал. Через некоторое время жители другого селения, лежащего на противоположном берегу реки, так же придя ночью и разломав хижину, отвели молчальника к себе: он и на сей раз несколько не противился, не просил, чтобы его оставили, но и не выразил готовности поселиться на новом месте. Соделав себя таким образом мертвым для жизни сей, Саламан мог в самом точном смысле повторить Апостольские слова: Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня (Гал.2,19-20). Таков был этот блаженный муж! Сказанного достаточно, чтобы понять добровольно избранную им жизнь. Я же, и из этого повествования приобретаю для себя пользу, перехожу к другому.

XX. МАРИС

1. Есть одно селение, называемое у нас Омира. Построив близ этого селения небольшое жилище, блаженный Марис затворился в нём и прожил здесь тридцать семь лет. Хижина его впитала в себя много сырости из-за близости гор: в зимнюю пору по стенам её стекала вода. А какой от этого происходит вред для тела, знают и горожане, и сельские жители, потому что всем известны болезни, происходящие от сырости. Но святого Мариса это не заставило переменить жилище: он пребывал в нём до конца своей жизни.

2. Начал же он свои подвиги добродетели с самых ранних лет, сохранив и чистоту тела, и чистоту души. Об этом он сам мне поведал, говоря, что тело своё он соблюдал нерастленным — таким, каким оно вышло из утробы матери. Будучи еще юношей, он в празднества мучеников восхищал народ своим голосом, исполняя церковное служение певца, и привлекал к себе благозвучным пением. Певцом он оставался долгое время — и в пору расцвета телесной красоты. Однако ни эта телесная красота, ни благозвучная ясность голоса, ни общение со многими людьми не повредили красоты его души. Живя в мире сем подобно узнику, Марис имел попечение только о своей душе, а в трудах затвора приумножил богатство добродетели.

3. Я часто наслаждался общением с ним, потому что мне он позволял отворять дверь его убежища. Когда я приходил, Марис обнимал меня и начинал вести долгие беседы о любомудрии. Он отличался простотой и не терпел лукавства, а бедность считал за величайшее благополучие. Прожив девяносто лет, он довольствовался одеждами, изготовленными из козьей шерсти, для подкрепления телесных сил употреблял немного хлеба и соли.

4. Прожив затворником долгое время, Марис пожелал увидеть, как приносится духовная и таинственная Жертва, и попросил меня совершить Божественную Евхаристию в его жилище. Я с радостью согласился и велел принести священные сосуды (жилище отшельника находилось неподалёку). Используя вместо престола руки диаконов, я принёс Божественную и спасительную Жертву. Марис же преисполнился таким духовным ликованием, что увидел небо; после этого он сказал мне, что никогда не испытывал такой радости. Удостоившись его горячей любви, я поступил бы несправедливо, если бы не восхвалил этого пра-

ведника после смерти его. Поступил бы я несправедливо и по отношению к другим, если бы не предложил его, как пример для подражания для дерзающих достичь высокого любомудрия. Поэтому прося покровительства и у этого угодника Божия, я заканчиваю повествование о нём.

XXI. ИАКОВ

1. Изложив подвиги борцов добродетели, уже провозглашенных победителями, и показав в главных чертах и их усилия в радении о небесном, и плоды их тяжкого труда, заработанные потом, и, наконец, славные и приснопамятные их победы, опишем теперь жизни и поныне существующих великих подвижников, которые словно стремятся превзойти трудами своих предшественников. Таким образом мы оставим потомкам душеполезное воспоминание. Ибо как житие древних, давно уже просиявших святых, приносило их потомкам величайшую пользу, так и повествование о ныне живущих подвижниках представит достойные образцы добродетели для последующих поколений христиан.

2. Начну же это повествование с великого Иакова, который первенствует между другими и по времени, и по подвигам; прочие совершают дивные и изумительные дела, уже подражая ему. Не знаю как, но так вышло, что и среди почивших подвижников, и среди нынешних это имя занимает первое место. Ведь своё повествование о жизни почивших подвижников я начал с блаженного Иакова, который молитвой рассеял персидское войско и не допустил захватить город, хотя стены его уже пали, он обратил в бегство неприятелей, наслав на них комаров и мух. Современный же нам Иаков, равностепенный и подобный по образу жизни тому Иакову, должен занять первое место среди еще живущих подвижников, не только как соименник прежнего Иакова, но и как такой же ревнитель добродетели, ставший сам образцом любомудрия для других.

3. Сблизившись с упомянутым выше великим Мароном и восприняв его учение, Иаков даже затмил учителя своими великими трудами. Ибо Марон избрал для себя убежище в роще, где прежде приносились языческие жертвы: здесь он устроил хижину, покрытую шкурами, в которой мог укрываться от дождя и снега. А Иаков, не имея ни хижины, ни палатки, ни рощи, жил под кровлей небесного свода, подверженный всем изменениям погоды: то его мочил проливной дождь, то студил снег и мороз, то палили и жгли лучи солнца. Всё это праведник переносил с великим терпением и, подвизаясь как бы в не принадлежащем ему теле, старался победить свою природу. Облеченный в тело смертное и подверженное страданиям, он жил, словно бесстрастный; во плоти подражая бесплотным, он говорил вместе с Божественным Павлом: «ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу» (2Кор. 10,3-6).

4. Но к таким подвигам, превышающим человеческую природу, Иаков взшел постепенно от тщания о меньших трудах. Сначала, затворившись в одном небольшом жилище и освободив душу от внешних волнений, он приковал свой ум к памятованию о Боге и таким образом подготовил себя к упражнению в совершенной добродетели. Потом, уже приучив душу к доброделанию, решился на более строгое подвижничество: придя на одну гору, отстоящую от города на тридцать стадий, соделал её, бывшую дотоле неизвестной и бесплодной, славной и достоуважаемой. Ныне эта гора обрела такое благословение, что даже землю, взятую с неё, почитают, ибо приходящие отовсюду паломники уносят частицы этой земли, уповая получить от этого пользу.

5. Живя здесь, подвижник находится всегда у всех на виду, потому что не имеет, как я сказал, ни пещеры, ни хижины, ни палатки, ни рощи, ни даже плетня, который бы ограждал его. Он бывает на виду, когда молится и когда отдыхает, когда стоит или сидит, когда бывает здоров и когда страждет от какой-нибудь болезни. Поэтому, подвизаясь постоянно на виду у всех, он бывает вынужден сдерживать природные потребности. Это я говорю не по словам других, но как очевидец. Четырнадцать лет тому назад с Иаковом случилась тяжкая болезнь, обычная для смертного тела. Была середина лета, и солнечные лучи палили нестерпимо, поскольку не было ветра и воздух оставался неподвижным. Он страдал от разлития желчи, которая спускалась вниз, терзая и распирая внутренности, и требовала выхода наружу. Тогда я увидел великую терпеливость и стойкость этого мужа. Поскольку собралось множество местных жителей, желавших унести победоносное тело, то он был раздираем двумя желаниями: природа требовала пойти облегчиться, а стыд перед присутствующей толпой — оставаться на месте. А я, зная это, долго уговаривал присутствующих и даже угрожал, приказывая им уйти; потом, когда уговоры не действовали, напомнил им о своём священническом звании и с большим трудом, уже вечером, прогнал их. Но муж Божий и после ухода всех побеждал природу и воздерживался до тех пор, пока наступившая ночь не принудила и немногих оставшихся удалиться домой.

6. Придя к нему на следующий день и увидев, что дневной зной стал еще сильнее и от этого усилилась мучившая его горячка, я, под предлогом головной боли, сказал, что стражду от действия солнечных лучей, и попросил позволения наскоро устроить у него какую-нибудь небольшую тень. Когда Иаков позволил это, то мы, забив три кола и обтянув их двумя кожами, обрели для себя тень. Блаженный повелел мне воспользоваться ею, но я сказал: "Стыдно мне, еще молодому и здоровому человеку, пользоваться таким утешением, когда ты, мучимый жестокой горячкой и имеющий нужду в прохладе, сидишь на солнцепеке и терпишь зной жгучих солнечных лучей. Если хочешь, — продолжал я, — чтобы я воспользовался тенью, подели её со мной. Мне желательно быть при тебе, а солнечные лучи препятствуют этому". Услышав такие слова, Иаков согласился и принял мои услуги.

7. Когда же мы вместе наслаждались тенью, я завёл разговор о том, что мне необходимо прилечь, ибо ноги мои устали долго сидеть. Он позволил мне прилечь, но в ответ услышал, что я не позволю себе лежать, если он будет сидеть. Я сказал: "Если хочешь, чтобы я наслаждался покоем, возляжь и ты, отче, вместе со мной: тогда мне не стыдно будет лежать". И перехитрив такими словами его воздержность, я доставил ему и это утешение.

8. Когда мы возлежали, я старался вести речь о вещах, радостных и приятных сердцу его. Затем мне пришла мысль потихоньку растереть старцу спину: положив руку под одежду его, я наткнулся на железную цепь, охватывающую поясницу и шею Иакова; другие цепи, прикрепленные к кольцу около шеи (две спереди и две сзади), наискось спускались до нижнего кольца, изображая своим сцеплением спереди и сзади букву X и соединяя оба кольца вместе; такие же узы были у него на руках около локтей. Увидев столь огромную тяжесть, я попросил подвижника облегчить своё болящее тело, для которого невозможно было в одно и то же время выносить и добровольную тяготу, и невольную болезнь. Я сказал Иакову: "Теперь, отче, у тебя горячка заменяет железо: когда она пройдет, тогда снова наложим вериги на тело". Он, убежденный моими настойчивыми просьбами, согласился и на это.

9. Поболев еще несколько дней, Иаков выздоровел, но спустя некоторое время вновь впал в тягчайшую болезнь. Опять множество людей собралось отовсюду, чтобы завладеть его телом. Узнав об этом, жители ближайшего города стеклись к подвижнику: здесь были и воины, и люди простые — одни в полном вооружении, другие захватив какое попало оружие. Размахивая им, они стали бросать дротики и метать камни — не для того, чтобы умертвить, но дабы только устроить — и таким образом прогнали чужаков. Затем возложили победоносного борца на ложе и принесли в город. Он же не чувствовал ничего, что происходило с ним, и даже не шевелился, когда некоторые деревенские жители вырывали на память у него волосы.

10. Дойдя до храма Святых Пророков, несущие одр оставили Иакова в находившемся здесь монастыре. Один человек, придя в Верию, где я тогда находился, рассказал о случившемся и сообщил о кончине праведника. Я тотчас же поспешил и, проведя всю ночь в пути, наутро пришел к человеку Божию. Он уже ничего не говорил и не узнавал никого из присутствующих. Но когда я поклонился ему и передал приветствие от великого Акакия, он вдруг открыл глаза и спросил, как его дела и когда я навещал Акакия; лишь только я ответил, он опять сомкнул глаза. Через три дня Иаков опять пришел в себя и спросил, где он находится. Узнав же, очень огорчился и попросил отнести его обратно. Я, послушный ему во всём, немедленно приказал поднять одр и перенести старца на прежнее место.

11. Тогда я еще раз увидел, сколь бесстрастна была по отношению к почестям досточтимая для меня душа праведника. На следующий день я принёс ему ячменного отвара, который был охлаждён, хотя и знал, что Иаков не позволял себе принимать ничего вареного, отказавшись совершенно от употребления огня. Старец не хотел принимать моего приношения, но я сказал: "Сжался над всеми нами, отче! Мы твоё здоровье считаем общим для всех нас благом, потому что ты не только служишь для нас образцом в делах, полезных для души, но и помогаешь нам своими молитвами и привлекаешь на нас Божие благословение. Если же тебе тяжело отступить от своего правила, то потерпи и это, отче; ведь такое терпение также есть один из видов любомудрия. Как будучи здоровым ты, когда возникала потребность в пище, побеждал голод терпением, так и теперь, когда нет у тебя никакого желания вкусить пищу, прояви своё терпение, приняв её". При нашей беседе присутствовал и человек Божий Полихроний, который, одобряя мои слова, сам первый решился вкусить пищу, хотя было еще утро и обычно он только через семь дней питал своё тело. Послушавшись наконец, Иаков выпил немного отвара, прижмурив глаза, как мы обычно делаем, когда пьём что-нибудь горькое. Поскольку же от слабости и ноги у него отказались ходить, мы убедили его омыть их водой. Я считаю нужным и здесь сделать замечание относительно любомудрия его. Сосуд с водой находился недалеко, и один из служителей хотел прикрыть его корзиной, чтобы приходящие к Иакову не видели этого сосуда. Блаженный, заметив это, спросил: "Зачем ты закрываешь сосуд?" Служитель ответил: "Чтобы не было его видно тем, которые к тебе приходят". Тогда старец сказал: "Оставь, дитя. Не скрывай от людей того, что явно пред Богом всяческих. Ибо, желая жить только для одного Бога, я не заботился о мнении человеческого. Какая польза, — продолжал он, — если люди сочтут мой труд большим, а Бог — меньшим?"

Ведь воздаяние за труды будет исходить не от людей, а от Бога - Дарователя всего". Трудно не подивиться как этим словам старца, так и уму его, породившему их, ибо весьма возвысился он над славой человеческой.

12. Я знаю и еще один случай. Был вечер, уже поздний вечер, и наступило время вкушения пищи. Иаков, взяв находящийся рядом сосуд, вынул смоченную чечевицу, которая составляла его единственную пищу. В это время на дороге из города появился некий воин, которому было поручено какое-то дело. Иаков, увидев его еще издали, не оставил чечевицу и продолжал, как обычно, свою трапезу. Думая, что это бесовское приведение, он намеревался встретить прохожего, как врага, показывая, что нисколько не боится его, а поэтому не переставал подносить пищу ко рту. Странник же, которого он заподозрил, стал уверять старца, что он — человек и что только из-за данного обещания выйти из города под вечер он путешествует в такую пору. Тогда Иаков сказал: "Успокойся и не бойся, и после молитвы отправляйся своей дорогой. А сейчас раздели со мной ужин и отведай моей пищи". Сказав, он протянул страннику полную горсть чечевицы. Так Иаков изгонял из души своей тщеславие и другие страсти.

13. О терпении же его излишне и говорить, ибо оно очевидно всем. Он часто зимой по три дня и по три ночи проводил, пав ниц и молясь Богу, и снег засыпал его так, что не видно было ни одного лоскута его одежды. Часто соседи, разгребая навалившийся снег заступами и лопатами, вытаскивали из-под него старца.

14. За такие труды он и пожал дары Божественной благодати, которыми пользуются все желающие. Силой его благословения не раз погашался и теперь погашается пламень горячки; у многих лихорадочный озноб ослабевал и совсем прекращался по его молитвам; этой силой изгонялись многие бесы; вода, благословленная десницей праведника, делалась спасительным лекарством. Кто, например, не знает о воскрешении ребёнка, свершенном его молитвой? Родители этого-ребёнка жили в предместьях города; они имели много детей, но всех преждевременно проводили в гроб. Когда же родилось у них последнее дитя, то отец сразу Побежал к человеку Божию, прося исходатайствовать у Бога долгую жизнь новорождённому и обещаясь посвятить чадо Богу, если оно будет живо. Однако и это дитя, прожив четыре года, скончалось. Отца в это время не было дома; возвратившись, он увидел, что дитя его уже выносят, и, выхватив тело из гроба, воскликнул: "Надобно же мне исполнить обет и отдать своё чадо, хотя и умершее, человеку Божию!" Как сказал, так и сделал: отнёс ребёнка к старцу и, положив тело дитяти к стопам его, повторил те же слова. Человек Божий, положив ребёнка пред собой, преклонил колена и пал ниц, молясь Владыке жизни и смерти. К вечеру дитя издало голос и позвало отца. Видя, что Господь принял его молитву, старец возблагодарил Всевышнего, исполняющего желание боящихся Его, окончил молитву и отдал чадо родителю. Это я и сам видел и слышал от родителя ребёнка, который многим поведал о свершившемся чуде, достойном Апостолов. Тем самым он принес великую пользу всем услышавшим об этом чуде.

15. Часто и сам я пользовался помощью угодника Божия. Упомяну об одном или двух случаях, считая великой неблагодарностью умолчать о них и не поведать другим о его благодеяниях. Мерзкий Маркион посеял много терний нечестия в области города Кира. Стараясь исторгнуть их с корнем, я употребил все силы и прибежал ко всяким средствам. Но те, о спасении которых я заботился, говоря словами пророка, «вместо еже любить мя, оболгаху мя: и положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое» (Пс. 108,4-6), прибегли к колдовским заклинаниям. При содействии злых бесов они начали вести незримую брань со мной. Однажды ночью явился мне бес-обольститель и стал говорить мне на сирийском языке: "Зачем ты вооружаешься против Маркиона? Зачем пошел войной на него? Разве он когда оскорбил тебя? Прекрати войну и оставь свою вражду, иначе ты на собственном опыте узнаешь, что лучше сохранять мир. И будь уверен, что я давно бы поразил тебя, если бы не видел хора мучеников, вместе с Иаковом охраняющего тебя".

16. Я, выслушав это, спросил одного из друзей, который спал тут же: "Слышал ли ты, что было сказано?" Он ответил: "Всё слышал и хотел встать, чтобы посмотреть и узнать, кто это говорил; но только ради тебя, думая, что ты спишь, хранил молчание". Затем мы оба, встав, осмотрелись кругом, но не заметили никакого движения и не услышали никакого звука. Те же слова слышали и все те, которые были с нами. Тогда я понял, что "хором мучеников" бес назвал сосуд с освященным елеем, собранным мною на благословение от гробов многих мучеников; повешенная же у меня над головой у ложа старая одежда великого Иакова была для меня прочнее всякой алмазковой ограды.

17. Позднее, когда я намеревался вступить в одно большое селение маркионитов, то встретил множество препон; я послал к моему Исаяи одного человека с просьбой оказать мне помощь. Он же сказал: "Будь спокоен: все эти препятствия разлетятся подобно паутине — это мне в прошлую ночь открыл Бог не во сне, а в видении. Начав молитвы, я увидел в той стороне, в которой находится селение, огневидного змия, носившегося по воздуху в направлении с запада к востоку. Совершив три молитвы, я снова увидел его, но уже свернувшегося: соединив голову с хвостом, он представлял из себя круг. Окончив восемь молитв, я увидел его рассеченным надвое, а затем он превратился в дым".

18. То, что Иаков созерцал в видении, мы увидели на самом деле. Ибо утром принадлежавшие тогда к учению Маркиона (ныне они уже суть члены Церкви Апостольской), будучи руководимы змием — начальником зла, явили нам обнаженные мечи свои, устремляясь на нас с запада. В третьем часу дня они уже, сомкнувшись, думали только о своём спасении, подобно тому как змий в минуту опасности прикрывает голову хвостом. В восьмом же часу они, рассеявшись, позволили нам свободно войти в селение. Там мы обнаружили сделанного из меди змия, которому они поклонялись. Ибо, явно восстав против Создателя и Творца всяческих, они стали служить проклятому змию — врагу Божию. Таковы благодеяния, которых я удостоился от досточтимого своего учителя.

19. Поскольку же речь зашла о Божиих откровениях, я расскажу еще кое-что, слышанное мною от того же нелживого языка. Рассказывал же он не по славолобию, которого чужда была святая душа его, а лишь по необходимости сообщал другим то, что сам хотел было скрыть. Я просил его помолиться Господу, чтобы Он соделал мою ниву чистой от плевел и совершенно освободил её от еретических семян, ибо меня чрезвычайно огорчало широко распространившееся заблуждение мерзкого Маркиона. Человек Божий на мои просьбы ответил: "Тебе не нужно ни моего, ни чьего-либо предстательства, потому что ты имеешь постоянным молитвенником за себя великого Иоанна - Глас Слова и Предтечу Господа, приносящего за тебя непрерывную молитву". Когда же я сказал, что верую в молитвы как этого, так и других святых, Апостолов и пророков, останки которых к нам были перенесены недавно, он изрек: "Верь и в то, что особенным ходатеем за себя имеешь ты Иоанна Крестителя".

20. После этого я не мог уже больше молчать и с большей настойчивостью стал расспрашивать, желая узнать, почему он в особенности упомянул о святом Предтече. Он сказал: "Я желал бы прикоснуться к этим вожделенным мощам". Я ответил, что не принесу их до тех пор, пока он не даст обещания поведать о своём видении. Иаков обещал, и на следующий день я принёс то, чего он желал. Приказав всем удалиться, блаженный мне одному поведал следующее: "Когда ты принял с Давидовым псалмопением городских стражей, шедших из Финикии и Палестины со святыми мощами, у меня возникло сомнение: правда ли, что это останки великого Иоанна, а не другого, соименного ему, мученика? Через день я встал ночью на псалмопение и вижу кого-то, одетого в белые одежды, который изрек: "Брат Иаков, почему ты не встретил нас, когда мы приходили?" На мой вопрос, о ком идёт речь, явившийся ответил: "Мы — те, которые вчера пришли из Финикии и Палестины. Все приняли нас с благочестивым рвением — и пастырь, и народ, и горожане, и сельские жители; только ты не почтил нас вместе с другими". Это был намёк на мое прежнее сомнение. Тогда я сказал: "Даже в ваше отсутствие и в отсутствие других святых я почитаю вас и поклоняюсь Богу всяческих". На следующий день, в то же время, он опять явился мне и сказал: "Посмотри, брат Иаков, на того, кто стоит там в одежде белой как снег и перед кем поставлен сосуд с огнём". Обратив туда свой взор, я подумал, что вижу Иоанна Крестителя, потому что и одет он был соответственно, и руку протянул словно при крещении. Прежний же голос продолжал: "Это именно тот самый, о ком ты думаешь".

21. Вслед за этим Иаков добавил: "Когда ты ночью шел в селение с намерением наказать мятежников и попросил меня принести Богу усерднейшую молитву, я всю ночь провёл в бдении, молясь Господу. Потом я услышал глас, говорящий: "Не бойся, Иаков! Великий Иоанн Креститель неусыпно умоляет Бога всяческих. Великое бы произошло поражение Православия, если бы его предстательством не была укрощена дерзость диавола". Рассказав мне об этом видении, старец запретил сообщать о нём другим. Но я, ради пользы, не только пересказал о нём многим, но и запечатлел это видение в письменах.

22. Иаков также поведал мне, что видел он и патриарха Иосифа с седой головой и бородой, и в старости блиставшего зрелой красотой, который, достигнув высот добродетели, называл себя последним из святых. По словам Иакова, когда он обратился к Иосифу, как к первому из тех, которые были с ним в одной гробнице, сам Иосиф посчитал себя последним.

23. Рассказывал мне старец и о различных напаках на него лукавых бесов. "Лишь только я начал подвижническую жизнь, - говорил Иаков, - явился мне некто, совершенно нагой; он имел вид эфиопа и из глаз его сверкал огонь. Увидев его, я обомлел от страха, стал молиться и не мог вкушать пищи, ибо он появлялся всякий раз, когда я хотел поесть. Прошло семь, восемь, десять дней, а я оставался без пищи; наконец, презрев лукавое нападение, я сел и стал есть. Бес, не в силах вынести такой моей смелости, пригрозил мне ударами своего жезла. Я же сказал: "Если позволено тебе это Владыкой всяческих, то бей, и я с удовольствием приму удары, словно наказываемый Им Самим. Если же не позволено, то ты не сможешь ударить меня, хотя бы ты и тысячекратно неистовал". Услышав это, он сразу обратился в бегство.

24. Однако тайно этот бес продолжал еще строить козни. Дважды в неделю из-под горы мне приносили воды; он же, встречая несущего, принимал мой облик и брал воду: несшему её приказывал идти назад, а воду выливал. Сделав это два или три раза, бес заставил меня страдать от жажды. Измучившись, я спросил того, кто обыкновенно приносил мне воду: почему он не приносит её в продолжение пятнадцати дней? Тот ответил: "Я приносил три или четыре раза и ты брал её у меня". И когда он показал мне место, где это

случалось, я сказал: "Даже если ты тысячу раз будешь видеть меня на этом месте, не отдавай сосуда до тех пор, пока не придёшь сюда".

25. Когда я таким образом разрушил это хитросплетение, бес покусился на другое. Ночью он громким голосом завопил: "Я так обесславлю и опозорю тебя, что никогда ни один человек не заглянет сюда". В ответ я сказал: "Тогда я поблагодарю тебя, потому что ты против воли облагодетельствуешь того, против кого враждуешь, дав мне возможность больше наслаждаться памятованием о Боге. Ибо я, имея больше свободного времени, предамся постоянному созерцанию Божией Красоты". Спустя несколько дней, — продолжал старец, — я, совершая в полдень обычную службу, увидел, что с горы идут две женщины. Вознегодовав на их дерзость, я хотел было бросать в них камни, но вспомнил об угрозе злодея и решил, что это и есть то бесславление, которым он мне угрожал. Тогда я не замедлил закричать им, что даже если они сядут мне на шею, я не брошу камень и не погонюсь за ними, а буду продолжать молитву. Они сразу же бесследно исчезли, и так кончилось это призрачное видение.

26. После него, — говорил подвижник, — во время ночной молитвы вдруг я слышу стук колесницы, крик возницы и ржание коней; меня смутило это странное обстоятельство. Я размышлял: не слышно было, чтобы какой-нибудь начальник собирался теперь проезжать в город, да и для колесниц путь здесь трудно-проходим, и время неудобное для езды. Когда я так размышлял, послышался шум приближающейся толпы; казалось: впереди бежали ликторы, криком и свистом разгоняя народ и расчищая путь для начальника. Когда показалось, что процессия уже приблизилась, я, угадывая хитрость лукавого, спросил: "Кто ты и откуда идёшь? По какой нужде пришел ты в это неурочное время! Доколе будешь ты, несчастный, забавляться и злоупотреблять Божиим долготерпением?" Я говорил, обратись лицом к востоку и принося молитвы Богу. А бес бросался на меня, но повалить не мог, потому что благодать Божия противодействовала ему. Потом всё бесследно исчезло".

27. Рассказывал также Иаков, что он, во время нашествия чужестранных грабителей, которые, выйдя из Исаврии, почти всё сожгли и разграбили на Востоке, сильно боялся не смерти (ибо не был привязан к земной жизни), но рабства, плена и необходимости быть зрителем их нечестия и беззакония. "Проведав об этом страхе, поскольку я часто говорил о нём друзьям, диавол ночью представил мне вой женщин. Я же, — рассказывал старец, — услышав крик, подумал, что враги уже пришли и зажгли селение. Тотчас, разделив волосы на голове надвое и спустив их через плечи направо и налево, я сделал шею открытой для меча, чтобы скорее подвергнуться смерти и не быть свидетелем ужасного зрелища. Проведя таким образом всю ночь в постоянном ожидании нападения врагов, я при наступлении дня, когда некоторые пришли ко мне, спросил: слышали ли они что-нибудь об исаврах? А когда они сказали, что в эти дни никаких слухов об этих разбойниках не было, тогда я понял, что со мной случилось дьявольское наваждение.

28. В другой раз, — продолжал он, — диавол, приняв облик цветущего юноши, украшенного золотистыми волосами, подошел ко мне с улыбкой и ухмылками. В гневе я прогнал его с бранью, но он продолжал стоять, дружелюбно смотря на меня и источая сладострастие улыбками и шутками. Тогда, преисполнившись еще большим гневом, я сказал: "Как можешь ты обходить всю вселенную и всем строить такие козни?" Он же ответил: "Я не один, но по всей земле рассеяно множество бесов, которые и забавляются, и вместе с тем действуют всерьёз. Такой кажущейся забавой они стараются погубить весь род людской". "Отойди же, — сказал я, — по повелению Христа, Который некогда целый легион бесов изгнал в свиней и ввергнул их в пучину морскую" (Мф.8,28-34; Мк.5,1-20; Лк.8,26-33). Лишь только лукавый услышал это, тотчас обратился в бегство, не вынеся силы имени Господа нашего и не в силах смотреть на сияние любознания раба Его".

29. Я знаю и много других подобных историй, но не хочу записывать их, чтобы обилие их не послужило для слабых в вере поводом к неверию. Ведь тем, которые собственными очами видят человека Божия, никакое повествование подобного рода не покажется невероятным: зримая для них добродетель Иакова подтверждает всё, что говорится о нём. Но так как наше повествование, запечатленное в письменах, перейдёт к потомкам, а уши у большинства труднее верят, чем глаза, то мы должны соизмерять наше повествование с немощью слушателей.

30. Для этого блаженного некоторые построили большую гробницу в соседнем селении, отстоящем на несколько стадий от места его подвигов. И я приготовил для него склеп в храме победоносных Апостолов. Но человек Божий, узнав об этом, всячески настаивал на том, чтобы тело его было предано погребению на той самой горе, где он подвизался. Я не раз замечал ему, что неприлично столь заботиться о месте погребения тому, кто не заботился о настоящей жизни. Но увидев, что старец остаётся непреклонным, я согласился исполнить его желание: повелел высечь гроб из камня и доставить его на гору. Потом, зная, что камень повреждается от мороза, приказал окружить гроб небольшим строением. Когда оно было окончено, согласно с волей старца, и мы уже покрыли его крышей, он сказал: "Я не допущу, чтобы эта гробница называлась гробницей Иакова, но хочу, чтобы это был дом победоносных мучеников, а я, словно некий странник, удостоенный сожития с ними, пусть буду лежать в другом склепе". И это он не только сказал, но и

сделал. Собрав отовсюду частицы мощей многих пророков, Апостолов и мучеников, он положил их в одной гробнице, желая водвориться в сообществе святых и надеясь вместе с ними воскреснуть и удостоиться созерцания Божия.

31. Это достаточно доказывает его смиренномудрие. Ибо, собрав столь великое богатство добродетели, он, словно живя в великой бедности, пожелал обитать в сообществе богатых. Итак, сколь велики были труды сего достоуважаемого мужа, каковы его подвиги и какой он удостоился от Бога благодати, сколько одержал побед и какими венцами украшен — всё это очевидно из предыдущих повествований.

32. Но так как некоторые осуждают Иакова за суровость и упрекают за излишнюю привязанность к уединению и тишине, то я прежде чем закончу настоящий рассказ, поведу речь и об этом. Все, как я говорил, видели, что он не был окружен какой-нибудь стеной, не имел ни палатки, ни хижины, чтобы укрыться в них. Другие, подобно ему возлюбившие жизнь любомудренную, имеют и стены, и двери; они наслаждаются безмолвием: отшельник отворяет вход в свою келлию, если захочет, но может и не отворять, предаваясь Божественному созерцанию сколько душе угодно. А у Иакова не было ничего из этого. Поэтому он очень сердился на тех, кто беспокоил его во время молитвы. Если посетители, повинувшись его слову, уходили, он опять возвращался к молитве; но если продолжали оставаться и будучи упрашиваемы несколько раз не слушались, то он в негодовании отсылал их с упрёками.

33. У меня с ним были беседы об этом. Я говорил: "Иные из тех, которых ты отослал от себя, не дав им благословения, очень сетуют. А ведь людям, приходящим, собственно, ради твоего благословения и совершающим многодневный путь, следовало бы уходить не огорчёнными, а исполненными радости, рассказом о твоём любомудрии доставив удовольствие и тем, которые не видели тебя". Он же отвечал: "Я поселился на этой горе не для других, а для себя. Меня самого покрывают многочисленные язвы прегрешений и я сам нуждаюсь в исцелении. Потому я и молю Владыку нашего, чтобы дал Он мне врачевство против грехов. Сколь же неприлично и безрассудно было бы мне прерывать нить молитвы и начинать беседу с людьми! Ведь если бы я был рабом подобного мне человека и, во время служения господину, забыв принести во время пищу или питье, завёл разговор с кем-нибудь из сослужителей, то сколько бы справедливых ударов обрушилось на меня? Или, если бы я, придя к правителю и рассказывая ему об обиде, нанесённой мне кем-нибудь, прервал бы речь свою на половине и завёл какой-нибудь разговор с одним из присутствующих, — как тебе кажется, неужели судья не разгневался бы? Неужели он не лишил бы меня своего заступничества или даже не повелел высечь и выгнать из суда? Итак, если слуге пред господином и просителю пред судьей следует вести себя прилично, то и я, приступая к Богу - вечному моему Владыке, праведнейшему Судии и Царю всех — разве не должен поступать со всем благоговением, не обращаться во время молитвы к сорабам своим и не заводить с ними долгих бесед?"

34. Услышав такие слова от старца, я передал их тем, которые сердились на него. И мне кажется, что сказал он всё хорошо и правильно. Можно еще прибавить, что горячо любящим кого-нибудь свойственно пренебрегать всеми другими и привязываться только к одному тому, кого любят и к кому стремятся: видеть его во сне ночью и думать о нём днём. Потому-то, как мне кажется, Иаков и огорчался, что, когда он находился в любезном его сердцу созерцании, ему препятствовали наслаждаться небесной Красотой Возлюбленного.

35. Повествуя об Иакове, мы всячески заботились о краткости, чтобы не сделать долгого рассказа утомительным для читателей. Если блаженный переживёт наше повествование и к прежним подвигам прибавит множество других, кто-то опишет и их. Ибо велико наше желание поскорее покинуть этот мир. Высший Судия же ревнителей благочестия пусть дарует и этому блаженному мужу конец, достойный его подвигов; поможет ему завершить земное поприще своё так же достойно, как он начал его; позволит победоносцу обрести венец и подкрепить своими молитвами нашу немощь, чтобы и мы могли, получив такую поддержку, отразить многие нападки бесов на нас и так же победоносно покинуть здешнюю жизнь.

XXII. ФАЛАССИЙ и ЛИМНЕЙ

1. Есть у нас селение Тиллима, где некогда были посеяны семена нечестия Маркиона, но ныне эта пашня возделана учением Евангельским. К югу от селения есть холм, не очень высокий и не очень низкий. На нём и устроил себе подвижническое убежище дивный Фалассий — муж, украшенный многими добрыми качествами, а простотой нрава, кротостью и смиренномудрием превосходящий своих современников. Это я говорю не только по слухам, но и узнав на опыте, ибо сам много раз посещал святого мужа и наслаждался сладостными беседами с ним.

2. В хор его сподвижников был принят и прославляемый всеми ныне Лимней, который поступил в это училище благочестия еще в очень молодых годах и здесь был воспитан в возвышенном любомудрии. Прежде всего он, хорошо зная склонность языка к искушениям, еще в молодости положил себе за правило всегда молчать и прожил долгое время, ни с кем ни о чем не разговаривая. Позднее Лимней, уже достаточно напившись учением блаженного старца и усвоив себе его добродетели, перешел к великому Марону, о котором мы упоминали раньше. Это случилось в то самое время, когда пришел на гору для подвигов и святой Иаков. Стяжав и здесь много полезного для себя и возлюбив жизнь под открытым небом, Лимней поселился на вершине горы, находящейся неподалеку от селения, называемого Таргалла.

3. Здесь он обитает и поныне, не имея ни дома, ни хижины, ни шатра, но огражденный одной голой стеной, камни которой не связаны между собой даже глиной. Есть в этой стене и небольшая дверь, которая постоянно бывает замазана грязью; для других проходящих она не открывается, но мне, когда я прихожу к нему, Лимней открывает её. Поэтому очень много людей собирается отовсюду, когда узнают, что я хочу навестить его, желая вместе со мной войти к подвижнику. С прочими же, которые приходят к нему в другое время, он разговаривает через небольшое отверстие в стене и преподаёт им благословение, дарующее многим здоровье. Призывая имя Спасителя, он и болезни исцеляет, и бесов изгоняет, и совершает другие подобные Апостольские чудотворения.

4. И не одним только проходящим к нему Лимней подает таким образом исцеление, но и свое собственное тело он исцелял неоднократно. Однажды приключилась с ним болезнь — колики. Как велики бывают при этом страдания и мучения, хорошо знают те, которые либо сами подвергались этой болезни, либо видели у других: больные кружатся, подобно бесноватым, вертятся туда и сюда, протягивают и сжимают ноги; они то садятся, то встают, то ходят, стараясь каким-нибудь образом облегчить свои страдания; иногда садятся в ванну, и делают это многократно, ища хоть какого-нибудь успокоения. Впрочем, зачем подробно останавливаться на том, что известно всем? Заболев этой болезнью, Лимней не стал пользоваться помощью врачей, не лёг в постель, получив исцеление и облегчение не от лекарств или от пищи, но, сидя на доске, положенной на землю, он исцелился одной силой молитвы и крестного знамения, утишив свои муки призыванием имени Божия.

5. В другой раз он, идя ночью, наступил на спавшую гадюку, которая вонзила в ступню его свои зубы. Пытаясь защитить ногу, старец наклонился и прикрыл её рукой, но пресмыкающееся ужалило и руку; тогда, желая помочь правой руке левой, он и эту руку подверг укусам. Исчерпав всю свою злость и нанеся святому больше десяти ран, гадюка уползла в своё логовище; он же мучился жестокой болью, пронзающей все члены его тела. Однако и на сей раз он не стал прибегать к помощи врачебного искусства, но начал исцелять укусы одним только врачевством веры — крестным знаменем, молитвой и призыванием имени Божия.

6. Мне кажется, что Господь для того и попустил злобному пресмыкающемуся неистовствовать против священного тела старца, чтобы пред всеми обнаружить твёрдость Божией души его. Так же, как мы знаем, попустил Господь и в отношении к многострадальному Иову, попустив ему подвергнуться многим и различным бурям, для того чтобы показать всем Премудрость Кормчего. И как бы иначе узнали мы и о мужестве первого, и о твёрдости последнего, если бы врагу благочестия не было позволено Богом метать различные виды стрел?

7. Достаточно показав твёрдость блаженного Лимнея, упомянем и о его человеколюбии. Он, собрав около себя много слепых и нищих, устроил для них на восточной и западной стороне горы приюты, повелев им жить здесь, славословя Бога, а необходимую для них пищу приказал доставлять тем, которые приходили к нему. Сам же, затворившись среди них, побуждал всех к псалмопению, и проходящим слышно было, как они постоянно славословили Господа. Такое человеколюбие к ближним он проявлял постоянно. Время подвигов Лимнея под открытым небом одинаково с временем подвижничества великого Иакова, ибо оба они подвизаются уже тридцать восьмой год.

XXIII. ИОАНН, МОИСЕЙ, АНТИОХ и АНТОНИН

1. Такому же образу жизни возревновал и Иоанн, отличающийся, между прочим, скромностью и кротостью. Избрав для себя местом жительства один скалистый утёс, расположенный на севере и овеваемый суровыми ветрами, он до сего дня прожил там двадцать пять лет, терпеливо перенося все неблагоприятные действия климата. Прочее же, чтобы не перечислять каждое в отдельности, — и пища, и одежда, и железные вериги — было у него одинаковым с теми подвижниками, о которых мы говорили прежде. Он столь возвышался над потребностями естества человеческого, что ни в чем, свойственном слабости человеческой, не находил для себя утешения. Вот одно доказательство этого. Некий добрый человек посадил воз-

ле его жилища саженец миндаля, который, сделавшись со временем деревом, давал Иоанну тень и радовал зрение. Но он приказал срубить это дерево, чтобы не иметь для себя и такого утешения.

2. Подобную же жизнь проводили и Моисей, подвизаясь на одной высокой вершине близ Рамы, и Антиох — муж уже престарелый, устроивший себе ограду в весьма пустынном месте, и Антонин, в составившемся теле подвизающийся подобно молодым. У всех них одинаковы и одежда, и пища, и стояние на молитве, и труды, продолжающиеся днём и ночью: ни продолжительность этих трудов, ни старость, ни немощь природы не ослабили их терпения; наоборот, все они постоянно преисполнены любовью к трудничеству. Высший Судия добродетели — Бог имеет в наших пределах, на горах и равнинах, много и других подвижников, которых и перечислить трудно, не то чтобы описать жизнь каждого из них. Поэтому, указав на этих святых мужей тем, которые желают стяжать пользу духовную, я, испросив у них благословения, перейду к повествованию о других.

XXIV. ЗЕБИНАС и ПОЛИХРОНИЙ

1. Те, которые удостоились видеть Зебинаса, прославляют его и по сей день. Говорят, что он, достигнув глубокой старости, до самой кончины пребывал в одних и тех же трудах, и тягость старческих лет не заставила его изменить подвигов молодости. Превосходил же он современников особенным усердием в молитве. Проводя в ней дни и ночи, он не только не пресыщался ею, но, наоборот, приобретал всё более горячее желание её. Поэтому он недолго беседовал с приходящими к нему, не позволяя своей мысли отвлекаться от Небесного; но, очень скоро оставляя посетителей, вновь предавался молитве, чтобы не удалиться от Бога всячески даже на минуту. В старости, когда Зебинас не мог уже безболезненно переносить непрестанного стояния, он прибегал к помощи жезла и, опираясь на него, молился и славословил Владыку.

2. Будучи украшен, среди прочего, добродетелью страннолюбия, он многим из приходящих позволял оставаться у него до вечера, однако они, утруждаясь его всеобщего стояния, старались, под предлогом каких-либо дел, избегнуть подобных трудов. Зебинасу удивлялся и великий Марон, который всем посещающим его повелевал сходить к старцу и принять от него благословение. Марон называл Зебинаса отцем, учителем и образцом всякой добродетели; даже просил, чтобы их обоих поместили в одном гробе — только исполниться этому желанию подвижника не допустили похитившие священное тело Марона: они отнесли его в то место, о котором было уже сказано выше. Блаженный же Зебинас, умерев прежде Марона, погребён был в соседнем селении, называемом Киттика; над местом его погребения соорудили большой храм, так как мощи подвижника дают исцеление от разных болезней приходящим с верою. Ныне вместе с ним под одной и той же священной кровлей покоятся и останки мучеников, которые, хотя и подвизались у персов, и у нас чтутся ежегодными празднествами.

3. Учение Зебинаса вкусил и великий Полихроний; да и божественный Иаков говорил, что этот старец первый облачил его во власяницу. Я же, не видевший Зебинаса никогда (потому что он окончил жизнь прежде, чем я начал её), вижу любомудрие божественного мужа запечатленным в великом Полихронии. Даже на воске не так точно отпечатлевается образ перстня, как в Полихронии запечатлелись характерные черты того блаженного. В этом убедился я, сравнив между собой повествования о том и другом. И Полихроний, подобно Зебинасу, пламенеет Божественной любовью и возвышается над всем земным; будучи связан телом, имеет окрылённую душу и, пролетая мыслью воздушные пространства и область эфира, возносится превыше небес, постоянно пребывая в Божественном созерцании. Он никогда не позволяет своей мысли развлекаться, даже во время бесед с посетителями.

4. О всеобщем его бдении и стоянии на молитве я узнал вследствие такого случая. Видя, что Полихроний, угнетаемый старостью и слабостью, не прибегает к чей-либо помощи, я часто упрашивал его взять двух келейников, дабы он мог облегчить свою жизнь. И так как он соглашался принять к себе только мужей, просиявших добродетелью, которые вели уединённую жизнь в другом убежище подвижников, то я убедил двух из них предпочесть всему служение человеку Божия. Однако они, прожив вместе с ним немного времени, захотели покинуть Полихрония, ибо не могли вынести всеобщего стояния. Когда же они стали просить человека Божия соизмерять труд с немощью тела, то он сказал им: "Я не только не принуждаю вас участвовать постоянно в моём стоянии, но прошу ложиться почаще". На эти слова старца келейники ответили: "Как можем ложиться мы, люди цветущего здоровья и далеко не старых лет, когда человек, состарившийся в трудах, совершает стояния, презирая слабость тела?" Таким образом узнал я о ночных подвигах этого досточтимого для меня мужа.

5. А бывшие его келейники со временем так преуспели в добродетели, что сравнялись в любомудрии со своим учителем. Моисей (имя одного из них) и до сего дня остаётся с ним, всячески заботясь о старце как об отце и господине и отражая в себе лучи добродетелей его святой души. Дамиан же (это имя друго-

го), хотя и удалился в один, расположенный поблизости город, называющийся Ниарой, и найдя здесь небольшой домик на одном гумне, поселился в нём, проводит здесь жизнь, совершенно подобную житию Полихрония. Поэтому хорошо знающие и того и другого, видя Дамиана, думают, что они видят в другом теле душу великого Полихрония. Та же у обоих простота, кротость, смирение, ласковость в словах, мягкость в обращении, бодрственность души, размышление о Боге, стояние, труд, бдение, пища и нестяжательность, полностью соответствующая Божественному законоположению. Кроме небольшого сосуда со смоченной в воде чечевицей, в убежище Дамиана нет ничего. Вот сколь великую пользу получил он от общения с великим Полихронием.

6. Я же, оставив учеников, обращусь к учителю, так как потоки обычно берут своё начало в источнике. Изгнав из души, вместе с другими страстями, честолюбие и поправ тиранию тщеславия, Полихроний всегда старался скрывать свои труды. Он не решался носить вериги из опасения нанести вред своей душе, в которой из-за этого могла бы возгореться гордыня. Однако, повелев принести тяжелый корень дуба, как бы для другой некоей надобности, он ночью возлагал его на свои плечи и таким образом совершал молитву; иногда делал это и днём, если было на то время. Когда к нему приходил кто-нибудь и стучался в дверь, Полихроний прятал корень в известном месте. Один человек, нечаянно увидев это, поведал мне о таком подвиге. Мне же захотелось узнать, сколь тяжел этот корень; улучив время, я едва смог поднять его обеими руками. Увидев это, старец приказал мне оставить это. Я же усердно стал просить Полихрония унести корень, чтобы отнять у него орудие изнурительного подвига, но, заметив, что мои слова неприятны ему, вынужден был уступить пред его жаждой победы.

7. Вследствие таких трудов процвела в Полихронии и Богодарованная ему благодать, и молитвами его совершаются многие чудеса. Когда ужасная засуха, поразив жителей округа, побудила их молиться, пришло к нему множество священников; вместе с другими пришел и пастырь Антиохийской области, которому вверено было окормлять множество селений. Он попросил старейших из присутствующих, чтобы они убедили сего мужа возложить свою десницу на принесённый сосуд для масла. Когда же они в ответ сказали, что старец этого не сделает, то пастырь сам, во время свершившейся вскоре молитвы подвижника, стоя позади, подвинул к нему обеими руками сосуд, который немедленно начал наполняться елеем так, что даже двое или трое из присутствующих протянули сложенные руки и они также наполнились маслом.

8. Однако, даже просияв лучами Божией благодати, преуспев в многообразных добродетелях и ежедневно собирая богатство любомудрия, старец так преисполнен смирения, что обычно обнимает ноги у каждого из проходящих к нему и перед каждым падает ниц: приходит ли к нему воин, или ремесленник, или крестьянин. Я расскажу одну историю, которая являет его простоту и смирение. Один добрый человек, получив управление над нашей провинцией, прибыл в Кир и пожелал вместе со мной насладиться лицемерием великих подвижников. Обойдя всех, мы посетили и того, о добродетели которого идёт теперь речь. Когда я сказал Полихронию, что пришедший со мной - правитель, ревнитель правды и любитель благочестия, то божественный муж, протянув обе руки и обняв его ноги, сказал: "Я хочу обратиться к тебе с одной просьбой". Тому стало неприятно, и он попросил старца встать, обещая исполнить его желание, ибо думал, что подвижник ходатайствует о ком-нибудь из его подчинённых. Но божественный муж сказал: "Поскольку ты дал обещание исполнить мою просьбу и подтвердил свое обещание клятвой, то вот моя просьба: принеси за меня усердную молитву Богу". Правитель, будучи поражен такой просьбой, просил старца снять клятву с него как с человека, который и за себя самого не может приносить Владыке достойных молитв. Этот случай показывает, что ни одно слово не в состоянии восхвалить того, кто, достигнув высот любомудрия, обладал столь великим смирением.

9. Его трудолюбия не ослабляли и часто приключаются с ним болезни; даже подвергаясь различным недугам, он продолжал совершать обычные подвиги. Многократными просьбами мы едва убедили Полихрония, что хотим построить для него небольшой домик, дабы он мог как-то согреть свое полуостывшее тело. Многие и при жизни своей приносили ему золото и, умирая, завещали его ему, но Полихроний ни от кого ничего не принимал, а приказывал самим жертвователям быть распорядителями того, что ему приносили. Однажды великий Иаков прислал ему халат из козьей шкуры, который ему самому кто-то принёс, но старец отослал и этот халат, сказав, что он слишком плотен и красив, ибо имел обыкновение носить одежды самые бедные и дешёвые. Бедность он предпочитал всем царствам мира; даже не хотел иметь всегда при себе и необходимой пищи. Я знаю это, ибо, часто приходя к Полихронию, я не находил у него ничего другого, кроме двух смокв. Поистине притягателен сей блаженный муж и для тех, которые его видят, и достойным уважым будет он для тех, которые услышат о нём. Даже среди насмешников над благочестием я не знаю ни одного человека, который мог бросить ему какой-либо упрёк. Все восхваляют великого старца, а те, которые бывали у него, не хотели бы никогда расставаться с ним.

XXV. АСКЛЕПИЙ и ИАКОВ

1. К тому же обществу боголюбцев принадлежит и дивный Асклепий, который хотя и находился от Полихрония на расстоянии десяти стадий, но жил одинаковым с ним образом. Такая же у него была пища, одежда, скромность нрава, такое же страннолюбие и братолюбие, такая же кротость, умеренность, собеседование с Богом и величайшая бедность; и при этом - то же обилие добродетелей, то же богатство любомудрия и всё прочее, что мы видели в священном Полихронии. Говорят, что, еще живя со своими братьями в селении, Асклепий проводил жизнь подвижническую и был преисполнен воздержания, а поэтому без ущерба для себя общался со многими людьми. Прославившись же в том и другом образе жизни - и в мирском, и в отшельническом, он, по справедливости, удостоится и двойного венца.

2. Добродетелям его подражали многие другие, и его любомудрием преисполнен не только наш город, но и соседние города и селения. Одним из таких подражателей Асклепия был божественный Иаков, затворившийся в небольшом домике близ селения, именуемого Нимуза. До самого конца жизни (а жил он более девяноста лет) подвижник оставался в затворничестве один, давая ответы вопрошавшим его через небольшое отверстие, просверленное в стене наискось; никем не видимый, он никогда не употреблял огня и не пользовался светильником. Только мне он дважды отворил дверь и позволил войти к себе, почтив меня таким образом и показав любовь, какую он питал ко мне. Современники не имеют нужды в моих словах, потому что могут, если пожелают, сами быть очевидцами любомудрия святых подвижников. А потомкам, не имеющим возможности лицезреть их, достаточно для пользы духовной указать на отличительные свойства любомудрия каждого из них. Итак, окончив здесь рассказ об Асклепии и Иакове и испросив у них благословения, я перейду к другому повествованию.

XXVI. СИМЕОН

1. Знаменитого Симеона — это великое чудо вселенной — знают все подвластные Римской державы: узнали о нём и персы, и мидяне, и эфиопы; распространившаяся молва о его трудолюбии и любомудрии долетела даже до скифских кочевников. Но я, даже имея свидетелями, как говорится, всех людей вселенной, которые подтвердят моё слово о подвигах святого, боюсь, однако, чтобы моё повествование не показалось потомкам невероятным и чуждым истине. Ибо то, что было с Симеоном, превышает человеческое естество, а люди обыкновенно любят соизмерять с природой то, что им рассказывают. А если повествуется что-нибудь такое, что выходит за её пределы, то такое слово кажется не посвященным в Божественные тайны невероятным. Но так как и на земле, и на море много людей благочестивых, которые, будучи научены Божественным тайнам и просвещены благодатью Всесвятого Духа, не питают недоверия к словам других, а искренно им верят, то я с усердием и безбоязненно изложу своё повествование. Начну же с того, как Симеон удостоился небесного призвания.

2. Посредине, между нашей областью и Киликией, есть селение, которое называют Сисан. Там и родился Симеон, который сначала, по воле родителей, пас овец, чтобы таким образом сравняться с великими мужами - Иаковом Патриархом, Иосифом Целомудренным, Моисеем Законодателем, царем и пророком Давидом, пророком Михеем и другими, подобными им, боговдохновенными мужами[243]. Как-то однажды пошел большой снег, и овец не погнали на пастбище. Симеон, будучи свободным от своих обязанностей, пошел вместе с родителями в храм Божий. Я слышал рассказ об этом из собственных его священных уст. В храме он услышал Евангельское чтение, в котором провозглашались блаженными плачущие и скорбящие, смеющиеся назывались несчастными, а достойными прославления — имеющие чистую душу, и всё, что за этим следует (Мф.5,5-8; Лк.6,21-25). Услышав это, Симеон спросил одного из присутствующих: что необходимо делать, чтобы стяжать каждое из сих блаженств?[244] Спрошенный указал ему на монашескую жизнь и объяснил суть этого возвышенного любомудрия[245].

3. Приняв семена Божественного Слова и добросовестно уложив их в глубокие борозды своей души, Симеон, как он сам говорил, отправился в ближайший храм святых мучеников. Там, преклонив колена и чело долу, он стал умолять Хотящего спасти всех человек направить его на совершенный путь благочестия. Когда же он долго находился в таком положении, напал на него сладкий сон, во время которого увидел он следующее видение. Сам Симеон рассказывал об этом так: “Виделось мне, будто рою я яму для фундамента дома; потом слышу, как кто-то, стоящий рядом, повелевает мне рыть еще глубже. Углубившись по повелению неизвестного, я хотел отдохнуть, но он опять приказал мне рыть и не ослаблять своих усилий. И такие приказания он мне изрекал три или четыре раза; наконец, сказал, что глубина уже достаточная для возведения строения и что труд мой закончен”. Последующие события свидетельствуют о верности этого предсказания, данного во сне.

4. Встав, Симеон отправился в одну обитель подвижников, находящуюся поблизости. Но, прожив здесь два года и возжелав более совершенной добродетели, он удалился в то селение Теледу, о котором мы уже упоминали, где великие Божии мужи Аммиан и Евсевий устроили школу подвижничества. Впрочем, местом своим блаженный Симеон избрал не это, а другое училище любомудрия, которое основали Евсевон и Авивион, напитавшиеся учением великого Евсевия. В продолжение всей их жизни у них было одно чувство, один нрав и словно одна душа в двух их телах. И было у них много единомышленников, возлюбивших такую же жизнь. Когда же оба мужа со славою отошли из жизни сей, то начальство над иноками обители принял славный Илиодор, который прожил шестьдесят пять лет, и из них шестьдесят два года провёл в затворе монастырском. Ибо в родительском доме он воспитывался только до трёх лет, а потом пришел в эту обитель и ничего мирского не познал. Он говорил, что не знает даже, как выглядят свиньи, петухи и прочие подобные животные. Я часто удостоивался видеть его, изумлялся простоте его нрава и чрезвычайно удивлялся чистоте его души.

5. К нему и пришел славный подвижник благочестия Симеон, прожив в обители сей в подвигах десять лет. Вместе с ним подвизались еще восемьдесят иноков, но он превзошел всех: тогда как другие принимали пищу через два дня, он целую неделю пребывал без пищи. Управляющие обителью осуждали и запрещали это, называя такой образ жизни нарушением порядка; но они не убедили Симеона своими речами и не смогли даже принудить его ослабить свою ревность. Я слышал, как рассказывал сам Симеон и игумен, управляющий ныне этим стадом, что однажды он, взяв веревку, сделанную из финиковых ветвей, — а к ней и прикоснуться невозможно, — препоясал ею свои чресла, наложив ее не сверх одежды, а прямо на тело, и перетянулся ею так туго, что вся его поясница покрылась ранами. Когда же он таким образом провёл десять или больше дней и раны стали источать кровь, то один из братии, увидев его в таком положении, спросил: откуда у него кровь? Симеон же ответил, что не чувствует никакой боли, но сподвижник, против его воли прикоснувшись к нему, всё понял и рассказал настоятелю. Тот сразу же начал увещевать и убеждать Симеона; затем, назвав его поступок жестоким, отнял у подвижника узы, хотя и с трудом. Но убедить Симеона употребить какое-либо лечение для заживания его ран настоятель так и не смог. Когда после этого случая заметили, что он продолжает тот же подвиг, то повелели Симеону покинуть обитель, чтобы, побуждая других, более слабых телом, к соревнованию в подвигах, он не стал бы для немощных виновником вреда.

6. Тогда он оставил обитель и отошел в самые пустынные места горы. Найдя одну безводную расщелину, не очень глубокую, поселился в ней и оттуда возносил Богу псалмопения. Однако по прошествии пяти дней начальники обители, раскаявшись, послали двух братий разыскать Симеона и привести его обратно. Посланные, обходя гору, спросили у пастухов, пасших там овец, не видели ли они человека, который выглядит так-то и одет в такую-то одежду? Когда пастухи указали им на расщелину, они стали звать блаженного и, когда он отозвался, опустили веревку и с большим трудом извлекли его из расщелины, ибо выход оттуда был не так удобен, как вход.

7. Прожив после этого недолгое время в обители, Симеон удалился в селение Теланиссу, находящееся у подножия той горы, на которой он живёт ныне. Здесь, найдя небольшой домик, затворился в нем и прожил так три года. Стараясь постоянно умножать богатство добродетели, он, подобно Божиим людям — Моисею и Илии, пожелал провести сорок дней без пищи (Исх.24, 18; 3 Цар.19,8). Он попросил дивного Васса, который обходил тогда деревни, опекая сельских священников, чтобы тот, ничего не оставляя внутри его келлии, замазал глиной дверь её. Когда же Васс указал на трудность такого подвига и стал убеждать не считать насильственную смерть за добродетель (так как самоубийство — величайшее и первое преступление), то Симеон сказал: “Хорошо, положи мне, отче, десять хлебов и поставь сосуд воды; если я увижу, что тело моё нуждается в нише, я воспользуюсь ими”. Васс сделал, как просил Симеон: поставил воду, положил хлеб и, завалив дверь камнем, замазал её глиной. По истечении сорока дней дивный Васс пришел вновь, отвалил камень, вошел внутрь и увидел хлеб целым, а сосуд воды нетронутым; сам же Симеон лежал на земле, словно мертвый, не имея сил ни двигаться, ни говорить. Поэтому Васс, взяв губку, смочил ее и обмыл ею уста лежащего, а после этого вложил в них Божественные тайны. Укрепленный таким образом, блаженный встал и принял немного пищи: салата, цикория и тому подобного.

8. Великий Васс был чрезвычайно изумлён и, придя к своей пастве, рассказал об этом необычайном чуде. Ибо он возглавлял более двухсот подвижников, которым не позволял иметь ни вола, ни мула, также не принимать принесенное золото, выходить за ворота монастыря для покупки каких-либо необходимых вещей или для свидания с кем-нибудь из знакомых, но приказывал всем пребывать в своих келлиях и принимать только ту пищу, которую посылает Божия благодать. Этому правила сподвижники его держатся и доныне, не преступая данных им заповедей.

9. Однако возвращаясь к великому Симеону. С того времени, как он пробыл сорок дней без пищи, вот уже двадцать восемь лет он ежегодно в Святую Четыредесятницу постится подобным же образом: время и постоянное упражнение облегчили для него этот труд. Первые дни этого поста он обыкновенно проводил в стоянии и псалмопении; потом, когда тело, вследствие голода, не могло более переносить стояния, совер-

шал служение Богу сидя, а и последние дни даже ложился. Истощаясь и утрачивая мало-помалу физические силы, Симеон вынужден бывал прилечь и лежал иногда полумертвый. После же того, как он начал подвиг столпничества и решил никогда уже не сходить со столпа, он придумал особый род стояния. Прикрепив к столпу перекладину и привязав себя к ней, старец таким образом проводил сорок дней. Впоследствии же, получив свыше еще большую благодать, он не нуждался уже в таком приспособлении и стоял сорок дней, не вкушая пищи, но подкрепляемый ревностью и Божией благодатью.

10. Итак, проведя, как я говорил, три года в домике, Симеон поселился на известной всем вершине горы и приказал обнести себя кругом стеной; затем, достав железную цепь в двадцать локтей, один конец ее приковал к большому камню, а другой привязал к своей правой ноге, чтобы нельзя ему выйти было за пределы стены, даже если бы он и захотел. Постоянно устремляя взор свой к небу, Симеон созерцал то, что превыше небес, и узы железа не препятствовали полёту его мысли. Но когда дивный Мелетий, которому был поручен надзор над приходами в окрестностях Антиохии, — муж, отличавшийся мудростью и рассудительностью, украшенный прозорливостью, — сказал, что железо не нужно, когда воля в состоянии наложить на тело узы мысленные, Симеон охотно прислушался к его словам и, призвав кузнеца, приказал расковать его узы. И так как голени его были обтянуты и обшиты кожей, чтобы тело не терпело вреда от железа, то когда разорвали её, увидели, как говорят, более двадцати больших червей, копошившихся под кожей; это видел и дивный Мелетий, по его собственному свидетельству. Я упомянул об этом, чтобы показать великое терпение мужа: ведь он мог сдвинуть кожу рукой и легко умертвить всех червей, однако захотел терпеть мучения, малыми подвигами приучая себя к подвигам большим.

11. Когда повсюду распространилась молва о великом подвижнике, к нему со всех сторон стали стекаться жители не только соседних местностей, но и обитатели областей, отстоящих от места его подвигов на много дней пути. Одни приходили, разбитые параличом, другие — с просьбой об исцелении какого-нибудь больного, третьи ходатайствовали о ниспослании им дара чадородия, в котором им отказала природа. Получившие удовлетворение своим просьбам, возвращаясь, с радостью рассказывали другим о полученных ими благодеяниях и посылали к старцу тех, которые имели подобные же нужды. И когда со всех сторон народ устремился к Симеону, то путь к нему стал похож на реку; само же место его подвигов напоминало море, в которое впадают многочисленные потоки. Ибо к нему устремились не только жители нашего государства, но и измаильтяне, и персы, и армяне, подвластные персам, и иверийцы, и гомериты; приходили и представители соседних с ними племён. Приходило также много людей, живущих на отдаленнейших границах запада: испанцев, британцев, галатов и других, живущих между ними. А об Италии и говорить нечего, ибо сказывают, что в великом Риме муж этот пользуется такой славой, что на вратах всех мастерских прибывают небольшие его изображения в надежде благодаря им получить защиту и безопасность.

12. Когда число приходивших к преподобному отцу слишком приумножилось и все старались прикоснуться к нему, получить от него благословение и взять какую-нибудь частичку кожаных одежд его, он, считая столь великую почесть неуместной для себя, а с другой стороны, обременяясь неудобствами подобного образа жизни, решился на новый подвиг — подвиг стояния на столпе. Сначала он поставил столп высотой в шесть локтей, потом — в двенадцать, затем — в двадцать два, а ныне — в тридцать шесть, постепенно возвышаясь таким образом к небу и отдаляясь от земных сует. Я верю, что подобное стояние устроилось не без воли Божией. А поэтому прошу тех, которые любят всё порицать, чтобы они обуздали свой язык и не позволяли ему болтать что попало, но принимать во внимание, что Владыка часто устраивает подобные вещи для вразумления нерадивых. Так, Он повелел Исаии ходить нагим и разутым (Ис.20,2), Иеремии — препоясать чресла свои и в таком виде явиться с пророчеством к неверующим (Иер.1,17; 28,12), в другой раз повелел ему наложить на шею иго, сначала из дерева, а потом из железа (Иер.34,1; 35,10-14); Осии — взять в жены блудницу и питать любовь к жене злой и прелюбодейной (Ос. 1,2; 3,1); Иезекиилю — спать на правом боку сорок дней и на левом сто пятьдесят (Иез.4,4-6), потом — проломать себе отверстие в стене и выйти через пего (Иез.12,4-5), наподобие пленника, а еще — взять нож, обрить голову и волосы свои разделить на четыре части, распределив их одну — туда, а другую — сюда (Иез.5,1-4). И многое другое повелевал Господь: всего не перечислить. Каждому из этих событий Владыка вселенной повелевал быть для того, чтобы те, которые не убеждаются словом и не хотят внимать пророчеству, необычностью зрелища были вразумлены и подготовлены к пророческому гласу. И действительно, разве не изумлялись, видя, как человек Божий ходит нагой? Разве не любопытствовали, почему пророк взял себе в жены блудницу? И подобно тому, как прежде Бог всяческих повелевал всему этому быть для пользы живущих в праздности, так и это новое и небывалое зрелище Он устроил для того, чтобы необычностью его привлечь всех приходящих посмотреть на него и сделать их более готовыми к назиданиям святого. Ведь известно, что необычность зрелища делает более доступным и научение, и приходящие посмотреть на него возвращаются, получив наставление в Божественном. Как те, кому выпало на долю царствовать над людьми, по прошествии некоторого времени изменяют изображения на монетах, запечатлевая на них то фигуры львов, то изображения звезд и Ангелов, этими и другими новыми изображениями стараясь придать большую цену металлу, так и

царствующий над всеми Бог дарует как бы новые характерные черты делу благочестия, стремясь новыми и разнообразными видами жизни боголюбцев подвигнуть на славословие языки не только питомцев веры, но и страждущих неверием.

13. И стояние преподобного Симеона на столпе просветило многие тысячи измаильтян, рабствовавших дотоле мраку нечестия.

(Словно светильник, поставленный на подсвечнике, Симеон повсюду распространял лучи, подобно солнцу. Около него можно было видеть, как я сказал, и иверийцев, и армян, и персов, принимавших Божественное крещение. Также и измаильтяне приходили толпами иногда по двести и по триста человек, а иногда и по тысяче: они торжественно отрекались от отеческого заблуждения, сокрушая пред великим светочем боготворимые ими раньше кумиры и отвергаясь от безумных оргий Афродиты (ибо издавна они почитали этого беса). Принимая Божественные Таинства, они подчинялись правилам, которые заповедовали им священные уста старца, и, простившись навсегда с отеческими обычаями, отказывались от употребления в пищу диких ослов и верблюдов).

14. И сам я собственными очами видел и слышал, как отрекались они от отеческого нечестия и соединялись с Евангельским учением. Однажды я даже подвергся было величайшей опасности. Святой старец приказал измаильтянам прийти ко мне и принять от меня священническое благословение, прибавив, что от этого они получают величайшую пользу. Дикари, по-варварски обступив меня, начали толкать и теснить меня — одни спереди, другие сзади, а третьи с боков; стоявшие дальше старались протиснуться через других, и все они, протягивая руки, старались либо ухватить меня за бороду, либо заполучить кусочки моей одежды. И я бы задохнулся от их стремительного нападения, если бы не отогнал их, закричав громким голосом. Вот какую пользу источал порицаемый насмешниками столп! Вот какой луч Богопознания пролился от него в сердца варваров!

15. Я знаю и еще одно подобное событие. Один военный отряд варваров просил человека Божия помолиться за своего начальника и послать ему благословение; другой, здесь же находившийся отряд отговаривал Симеона, утверждая, что благословение должно дать их собственному начальнику, ибо он чужд всякой неправды, а тот начальник есть человек несправедливейший. Возник громкий спор, началась обычная для варваров ссора, и, наконец, они бросились в драку друг на друга. Я должен был употребить много усилий для того, чтобы убедить их сохранить тишину, говоря, что человек Божий может в изобилии дать благословение обоим начальникам. Однако одни из варваров говорили, что тот начальник недостоин благословения, а другие настаивали, что этот должен быть лишен его. Тогда Симеон, ругая их сверху и называя собаками, утишил распрю. Об этом я поведал, чтобы показать, сколь велико было для варваров значение веры в старца.

16. Видел я еще одно славное чудо, совершенное им. Как-то пришел к Симеону еще один начальник сарацинов и стал умолять блаженного оказать помощь человеку, все члены тела которого были разбиты параличом, когда он находился в дороге; несчастье это случилось близ Каллиники - весьма большой крепости. Когда больной в присутствии всех был принесён, Симеон повелел ему отречься от нечестия предков. Тот охотно послушался и исполнил, что было ему приказано. После этого старец спросил: верует ли он в Отца, Единородного Сына и Святого Духа? И когда тот исповедал такую веру, Симеон сказал: “Если веруешь и Них, то встань”. Больной встал, и старец приказал ему отнести на своих плечах начальника (а он был огромен телом) до самого его шатра. Исцеленный, взяв начальника, тотчас же пошел, а все присутствовавшие стали прославлять Бога.

17. Давая такое повеление, Симеон следовал примеру Владыки, приказавшему некогда расслабленному нести одр свой (Мф.9,6). И подражание это нельзя называть “тиранией”. Ибо Господь Сам сказал: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит (Ин.14,12). И мы видели исполнение этого обетования. Ибо когда и тень Господа не присутствовала, тень великого Петра расторгала смерть, прогоняла болезни и обращала в бегство бесов (Деян.5,15). Владыка всяческих и раньше совершал чудеса чрез рабов Своих, и ныне божественный Симеон, призывая Его, творит тысячи чудес.

18. Случилось также чудо, нисколько не меньшее предыдущего. Некто из уверовавших в спасительное имя Владыки Иисуса Христа (это был довольно знатный измаильтянин) принёс Богу молитву и изрек обет, взяв Симеона в свидетели. Обет этот состоял в том, чтобы до конца жизни воздерживаться от всякой животной пищи. Спустя некоторое время преступив этот обет (не знаю, каким образом), измаильтянин отважился отведать убитую птицу. Бог, желая обличением привести его к обращению и почитать Своего служителя, бывшего свидетелем нарушенного обета, превратил мясо птицы в камень, так что преступивший обет не смог вкусить её. Ибо как можно было есть то, что обратилось в каменную массу? Варвар, изумлённый этим странным явлением, поспешно отправился к святому, открыл ему тайную вину свою, исповедал перед всеми свое нарушение обета и, взывая к Богу о помиловании, просил святого старца, чтобы он своими молитвами исходатайствовал ему разрешение от уз содеянного греха. Очевидцами этого чуда были многие, которые сами осезали грудную часть птицы, бывшую из кости и камня.

19. А я не только был очевидцем чудес преподобного Симеона, но и сам слышал его предсказания о событиях будущих. Так, он еще за два года предсказал бывшую у нас засуху, неурожай и последовавшие за ними голод и болезни, засвидетельствовав, что видел, будто свыше упал на людей жезл и что этот жезл означает собой кары небесные. В другой раз он предсказал нападение так называемой саранчи, а также то, что она не причинит большого вреда, ибо это наказание будет сопровождаться Божиим Человеколюбием. По прошествии тридцати дней, действительно, поднялась большая туча саранчи, закрывшая собой солнечные лучи и покрывшая землю тенью: это все мы видели ясно. Но саранча повредила только корм скота, а растениям, которыми питаются люди, не нанесла никакого вреда. И мне самому, когда некий человек преисполнился враждою ко мне, старец за пятнадцать дней предсказал погибель моего врага, - и истину предсказания я узнал на деле.

(Однажды дано было ему увидеть, как спустились с неба два жезла, упавшие на восток и на запад, и сей Божий человек предсказал восстание персидского и скифского народов на Римскую державу. Он рассказал о видении присутствующим, а затем многими слезами и непрерывными молитвами остановил бичи, занесённые над страной. По крайней мере, персидское войско, уже собравшееся в поход на римлян, Божественным Промыслом было отвращено от вторжения и занялось внутренними раздорами).

20. Зная множество еще других подобных вещей о подвижнике, я многие из них опушу, дабы избежать излишней пространности повествования. Впрочем, и сказанного достаточно для того, чтобы показать духовную прозорливость его ума. Можно добавить только то, что громкая молва о Симеоне достигла и царя персов, который, как рассказывают бывшие при нём послы, тщательно расспрашивал о том, какова жизнь этого мужа и сколь велики его чудеса. А супруга царя, как говорят, даже попросила елей, благословлённого подвижником, и приняла этот елей, как драгоценнейший дар. Все приближенные царя, слыша, с одной стороны, много клевет на него со стороны волхвов, а с другой — самые высокие отзывы о Симеоне, с особым вниманием разузнавали о нём и, узнав всё, сами стали называть его мужем Божественным. И простой народ сбегался к погонщикам мулов, к слугам и воинам, приносил деньги и выпрашивал у них благословлённого ерея, полученного от святого старца.

21. Царица измаильтян, будучи бесплодна, но желая иметь детей, сперва присылала к нему своих вельмож с просьбой, чтобы он помолился о ниспослании ей дара чадородия. Потом, когда исполнилось её прошение и она обрела то, что желала, обрадованная мать взяла новорождённого царевича и отправилась с ним к Божию старцу. А так как женщинам не было к нему доступа, то она, послав к нему дитя, молила Симеона удостоить младенца благословения. “Это твой дар, — сказала она, - я со слезами принесла семя молитвы, а ты из этого семени произвёл колос, ибо по твоим молитвам, семя сие оросил дождь Божественной благодати”. Впрочем, до каких пор я буду усиливаться измерить глубину Атлантического океана?.. Ибо как он неизмерим для людей, так и то, что совершает Симеон ежедневно, превосходит всякое описание.

22. Но больше всего я удивляюсь его терпению. День и ночь стоит он, будучи видим для всех, потому что он убрал ворота и разрушил значительную часть стены, ограждающую его; собою он являет новое и необычайное для всех зрелище, совершая свою молитву долгое время то недвижимо, то творя частые поклоны, благоговейно почитая ими Бога. Многие из проходящих пытаются считать поклоны Симеона. Однажды один человек из бывших там вместе со мной насчитал тысячу двести сорок четыре поклона, но затем утомился и прекратил счет. Когда старец творит поклоны, лоб его всегда приближается к самым пальцам ног: принимая пищу однажды в неделю, и то понемногу, он достиг того, что чрево его даёт возможность спине легко наклоняться.

23. Говорят, что от долговременного стояния у него открылась на одной ноге рана, из которой постоянно выделяется много гноя. Но и эти страдания не помешали любознательности Симеона: мужественно переносит он и вольные, и невольные мучения, преодолевая их пламенной ревностью по Богу. Рану же свою он был вынужден однажды показать. Расскажу, как это случилось. Как-то пришел к нему из Рабана один человек, ревностный служитель Христов. Взойдя на самую вершину горы, он обратился к Симеону с такими словами: “Скажи мне, ради Истины, обращающей к себе весь род людской, человек ли ты или существо бестелесное?” Присутствовавшие при этом вознегодовали на такой вопрос, но старец приказал всем успокоиться, а у человека этого спросил: “Что побудило тебя задать мне такой вопрос?” Тот ответил: “Я слышу отовсюду, будто ты не ешь и не спишь, тогда как и то, и другое свойственно человеку, потому что природа человеческая не может обходиться без этого”. Тогда Симеон велел приставить к столпу лестницу, позволил этому человеку подняться по ней и войти к нему, чтобы тот мог сперва рассмотреть его руки, потом просунуть свою длань под кожаную одежду его и осмотреть не только ноги, но и мучительнейшую язву. Увидев собственными глазами, сколь ужасна эта язва, и узнав от старца, как он принимает пищу, служитель Христов спустился со столпа, пораженный удивлением, и, придя ко мне, рассказал обо всём.

24. Во дни церковных празднеств святой подвижник являет особый образ терпения. От заката солнца до самого его восхода стоит он всю ночь с воздетыми к небу руками, забывая о сне и об усталости.

25. Но при столь великих трудах и добродетелях, совершив такое множество чудес, Симеон так смирен духом, что считает себя последним из всех людей по достоинству. При своём смирении он доступен всем, ласков и обходителен, отвечает на вопросы каждого из беседующих с ним, будь то ремесленник, нищий или земледелец. Приняв от великодаровитого Владыки и дар научения, он дважды в день увещевает приходящих и услаждает своими наставлениями слух их, потому что говорит очень ласково. Преподавая назидания от Святого Духа, он многих своим учением склонил устремлять взор к небу, удаляться от земных сует, представлять ожидающее нас Царство и страшиться угрозы геенской, презирая земное и чая будущее.

26. Можно видеть Симеона и судьей, выносящим верные и справедливые решения. Но этим и тому подобными вещами занимается он уже после девятого часа. Всю ночь и день до девятого часа проводит он в молитве; а после девятого часа сначала поучает присутствующих, а затем выслушивает прошения каждого, совершает исцеления, прекращает ссоры враждующих и, наконец, около времени заката солнца опять начинает беседу с Богом.

27. Однако, проводя жизнь в таких трудах, подвижник не оставляет попечения и о Святой Церкви: то он сражается против нечестия язычников, то сокрушает дерзость иудеев, то рассеивает сборища еретиков; иногда пишет послания об этом самому царю, иногда в начальствующих возбуждает ревность по Богу, а иногда убеждает и самих пастырей церквей, чтобы они проявляли больше заботы о своей пастве.

28. Я рассказал весьма о немногом, думая в капле показать дождь и на кончике пальца дать попробовать сладость мёда. События, подобные рассказанным, на устах у всех; я же, начиная сей труд, не ставил своей задачей описать всё, но хотел в немногих словах изложить то, что свойственно каждому подвижнику. Вероятно, и другие будут писать о Симеоне, и напишут гораздо больше меня. Если он проживёт еще, они, конечно, поведают о нём гораздо больше чудес. А я желаю только одного: чтобы и мне, при помощи молитвенного труда, постараться пребывать в благих подвигах. Я молю Бога, Который есть Наисовершеннейший и Наидобродетельнейший, чтобы Он укрепил жизнь мою и направил её по образу жизни Евангельской.

(Свершив множество чудес, оставаясь непобедимым и под палящими лучами солнца, и под стужей зимних морозов, и под мощными порывами ветров, не сгибаясь и под тяжестью немощей человеческого естества, преподобный, когда пришло время соединиться со Христом и стяжать венец безмерных подвигов, своей смертью показал всем неверующим, что он — тоже человек. Однако и после кончины своей Симеон остался непреклонным: душа его взлетела на небо, а тело даже тогда не упало, но продолжало прямо стоять на месте подвигов, как непобедимый борец, старающийся не касаться земли ни одним из своих членов. Так победа пребывает вместе с подвижниками Христовыми и после смерти. И вот исцеления различных болезней, чудеса и сила Божиих явлений, как и при его жизни, свершаются теперь не только у гробницы, где покоятся святые останки Симеона, но и у памятника великопленного и многолетнего подвига его. Я говорю о великом и славном столпе праведного и достохвального Симеона. О его святом заступничестве мы постоянно молимся, чтобы и сами мы, блюдушие веру православную, и весь город, и вся страна были спасены его предстательством. Да осенит всех нас имя Господа нашего Иисуса Христа! Да сохранит Он нас от всякой беды: и от пагубы небесной, и от нашествия врагов. Господу же слава во веки веков!)

XXVII. ВАРАДАТ

1. Подобно тому как общий враг рода человеческого изобрёл множество путей зла, стараясь погубить всё естество человеческое, так и питомцы благочестия придумали многие и различные лестницы для восхождения на небо. Одни из них подвизаются совместно, соединяясь между собой в общества (бесчисленно множество таких сообществ!), и таким образом стяжают себе нетленные венцы, достигая желанного восхождения на небо. Другие, избрав жизнь уединенную и желая беседовать с одним только Богом, лишают себя всякого утешения человеческого и получают этим способом победные венцы. Иные из них славословят Бога, живя в хижинах, другие - в шатрах, а третьи проводят жизнь в пещерах. А многие (о некоторых из них мы уже упоминали) не хотят даже иметь ни пещеры, ни хижины, ни палатки, но, живя под открытым небом, переносят все превратности погоды: то мерзнут от сильнейшего холода, то опаляются солнечными лучами. У этих последних подвижников жизнь опять же различна: одни постоянно стоят, другие - иногда стоят, а иногда сидят. И еще: одни окружают себя какой-нибудь стеной и уклоняются от встреч с посторонними, а другие лишают себя всякой оградой и предостоят глазам всех, желающих их видеть.

2. Все это я счел теперь необходимым перечислить, приступая к описанию жизни Варадата, который также изобрёл для себя новый образ мужественного терпения. Сначала, затворившись в небольшом домике,

он долго наслаждался одним только Божественным утешением. Затем, переселившись на близлежащий утёс, устроил из дерева небольшой и несоразмерный его телу ящик, в котором и проводил жизнь в постоянно согбенном положении, ибо ящик был ниже его роста. Кроме того, этот ящик не был сколочен из досок, а представлял собой подобие решета и походил на ограду, имеющую широкие отверстия для света. Поэтому Варадат не был защищен ни от дождей, ни от солнечного света, но терпеливо переносил и то и другое, подобно тем подвижникам, которые живут под открытым небом, но превосходя их тяжким заключением своим.

3. Проведя в том ящике долгое время, Варадат, наконец, покинул его, убеждённый блаженным Феодотом, который тогда занимал первосвященническую кафедру Антиохийскую, и начал подвизаться стоя. Он стоял с постоянно воздетыми к небу руками, непрестанно славословя Бога всяческих. Всё тело у блаженного покрыто было кожаными хитонами: только около носа и рта было оставлено небольшое отверстие для дыхания, чтобы через это отверстие вдыхать в себя воздух, без которого природа человеческая жить не может. И такие труды Варадат переносил, не только не имея крепкого сложения, но будучи подвержен многим болезням: горячее усердие заставляет трудиться и того, кто не в силах трудиться.

4. Обладая умом рассудительным, Варадат даёт прекрасные ответы на все вопросы приходящих к нему, и его доказательства правильнее и сильнее доказательств тех, кто изучал диалектику Аристотеля. Но пребывая на высоте добродетели, он не позволяет уму своему высоко возноситься, а принуждает его как бы ползать долу, у подножия горы, ибо знает, какой великий вред душе человека может причинить ум, воспламенённый гордыней. Таково вкратце любомудрие сего мужа. Дай Бог, чтобы, возрастая в этом любомудрии и благочестии, Варадат достиг, наконец, цели своего ристалища. Ибо слава святых победоносцев есть общая радость всех людей благочестивых. Мне же да дарует Господь молитвами великого подвижника отстоять не так далеко от этой горы и по временам восходить на неё, чтобы наслаждаться созерцанием святых старцев.

XXVIII. ФАЛЕЛЕЙ

1. Не могу умолчать и о Фалелее, являющем собою не менее дивное зрелище. Ибо я не только слышал рассказы других о нём, но и сам был очевидцем этого необычайного зрелища. На расстоянии двадцати стадий от Гавал (небольшого, но красивого городка) высился один холм, на котором издавна существовало идольское капище. На холме этом, оскверняемый многими жертвами идолам, Фалелей построил себе небольшую хижину. По рассказам, язычники служили здесь бесам потому, что жертвоприношениями надеялись укротить их жестокость, ибо они причиняли вред многим — и прохожим путникам, и окрестным жителям, причем не только людям, но и ослам, мулам, коровам и овцам, не враждуя против скота, но через него строя козни людям. Когда бесы увидели подвижника, пришедшего туда, то попытались устрашить его, однако не смогли этого сделать, поскольку его ограждала вера и за него сражалась благодать. Тогда, преисполнившись бешенства и ярости, они напали на растущие там деревья (около холма было много зеленеющих смокв и маслин), и, как говорят, вдруг более пятисот из них были вырваны с корнем. Я слышал, как об этом рассказывали земледельцы, которые, издавна пребывая во мраке нечестия, при помощи научения и чудотворений Фалелея восприняли Свет Богопознания.

2. Не поколебав подвижника любомудрия таким образом, бесы-губители прибегли к другим хитростям: ночью они стали издавать звуки плача и являли множество блуждающих огоньков, чтобы устрашить старца и произвести смятение в мыслях его. Когда же он посрамил и это их нападение, бесы, наконец оставив его, удалились.

3. Затем Фалелей, устроив два колеса, каждый в диаметре в два локтя, скрепил их между собой досками, положенными не сплошь друг к другу, но с некоторыми промежутками. Прикрепив эти доски к колесам клиньями и гвоздями, он поставил сооружение на открытом воздухе. Далее, укрепив в земле три длинных кола и соединив верхние концы их между собой также деревянными досками, Фалелей водрузил на них свое сооружение, а сам поместился внутри него. Внутреннее пространство сооружения имеет в высоту два локтя, а в ширину - один; поскольку же подвижник очень высок ростом, то ему приходится сидеть там не в прямом положении, но постоянно согнувшись и преклонив голову к коленам.

4. Когда я пришел к нему, то застал Фалелея за чтением Божественных Евангелий и усердным сбором добрых плодов этого чтения. Желая узнать причину избранного им нового образа жизни, я задал ему вопрос об этом. Фалелей, разговаривая со мной на греческом языке (родом он был из Киликии), ответил: "Будучи обременён многими грехами и веря в наказания, которые ожидают грешников, я придумал для себя такой подвиг, дабы подвергнув здесь тело умеренным наказаниям, уменьшить тяжесть будущих кар.

Ибо они будут тяжкими не только по своему количеству, но и мучительными, так как не будут добровольными. Всё же, что бывает против воли, вызывает особые страдания. Добровольное же, хотя и трудно, менее прискорбно, поскольку труд подвижничества предпринимается здесь по своей воле, а не по принуждению. Итак, если я настоящими малыми скорбями уменьшу будущие, то получу от этого большую пользу". Услышав такие слова, я подивился мудрой сообразительности Фалелея, который, пройдя путь подвижничества, уже проложенный другими, для себя придумал сверх того и подвиги особенные. Понимая цель их, он и другим показывал её.

5. Окрестные жители свидетельствуют, что молитвами Фалелея совершено множество чудес и исцелений, причем исцелял он не только людей, но и животных: верблюдов, ослов и мулов. Поэтому весь этот народ, исстари одержимый нечестием, отказался от него и был просвещен сиянием Божественного Света. Тогда подвижник, используя их как помощников, разрушил капище бесов и воздвиг великий храм в честь победоносных мучеников, как бы противопоставив лжеименным богам боголюбезные мощи праведников Божиих. По молитвам их пусть дарует Бог и ему достичь с победой цели подвигов. А нам, при содействии и его, и их, стать бы ревностными подражателями их подвигов любомудрия.

XXIX. МАРАНА и КИРА

1. Описав образ жизни приснопамятных мужей, я считаю своим долгом упомянуть и о женах, совершивших не менее, если не более, подвигов. Эти жены достойны тем большей похвалы, что, обладая более слабой природой, являют одинаковое с мужами усердие и освобождают свой пол от позора прародительницы.

2. Прежде всего упомяну о Маране и Кире, которые превзошли всех других подвигами терпения. Родина их — Верия; происхождения они знатного и воспитание получили соответственно своему происхождению. Однако, презрев всё это, они отгородили для себя небольшое место за городом, затворились там и завалили дверь землей и камнями. Служанкам же, пожелавшим разделить их подвиги, они построили небольшой домик возле своей ограды: через малое отверстие в этой ограде Марана и Кира присматривают за своими соподвижницами, побуждают их к молитве и воспаляют в них Божественную любовь. Сами же, не имея ни дома, ни хижины, проводят жизнь под открытым небом.

3. Вместо двери у них прорублено небольшое окно, через которое они принимают необходимую пищу и беседуют с проходящими к ним женщинами. Для таких свиданий у них определено время Пятидесятницы; во все остальные дни года они хранят молчание. Впрочем, лишь одна Марана беседует с проходящими, ибо голоса Киры никто никогда не слышал.

4. Они носят вериги, которые столь тяжелы, что Кира, будучи более слабого сложения, склоняется до самой земли и не может выпрямить своего тела. Одежду их составляют большие покрывала, которые сзади опускаются донизу, совершенно закрывая ноги, а спереди спускаются до пояса, полностью закрывая лицо, шею, грудь и руки.

5. Я несколько раз лицезрел их, будучи допускаем ими внутрь ограды, ибо из уважения к моему сану предстоятеля священства они приказывали отворять дверь. Увидев на слабых женах такие вериги, которые были бы тяжкими и для сильного мужа, я стал убеждать их избавиться от такой тяжести — и с трудом получил тогда их согласие. Впрочем, после моего ухода они опять возложили вериги на свое тело: на шею, на пояс, на руки и на ноги.

6. И живут они таким образом не пять, не десять и не пятнадцать лет, но сорок два года. Подвизаясь же столь продолжительный срок, они столь любят свои труды, будто только начали их. Созерцая красоту Небесного Жениха, они легко и охотно несут труд своего поприща и стараются достигнуть предела подвигов, устремляя свои взоры туда, где стоит их Возлюбленный и показывает им победные венцы. Поэтому, стойко перенося все превратности погоды — дождь, снег и палящие лучи солнца, подвижницы не унывают и не скорбят, но из этих видимых невзгод умеют извлекать радостное утешение для себя.

7. Подражая посту божественного Моисея (Исх.24, 18), они трижды пребывали без еды столько же времени и лишь по прошествии сорока дней принимали немного пищи. Так же трижды, подражая воздержанию блаженного Даниила, они проводили в посте по три седмицы дней, а потом уже слегка насыщали тело. Однажды, возжелав увидеть священные места спасительных страданий Христовых, они поспешили в Элию. В пути Марана и Кира не принимали никакой пищи; только придя в этот город и совершив поклонение святыне, они вкусили её. На обратном пути они соблюдали столь же строгий пост, хотя расстояние было не менее двадцати дней пути. В другой раз, пожелав увидеть гроб победоносной Феклы в Исаврии, подвижницы отправились туда, совершив путь в оба конца, не принимая пищи. Вот сколь великая Божествен-

ная любовь заставляла их забывать о себе! Вот как сильна была их привязанность к Небесному Жениху! Соделавшись по своей жизни украшением женского пола, Марана и Кира и для других стали образцами добродетели, и от Господа, конечно, получают победные венцы. Я же, поведав о них ради общей пользы, перейду к другому повествованию.

XXX. ДОМНИНА

1. Дивная Домнина подражала жизни блаженного Марона, о котором упоминалось раньше. Она устроила для себя небольшую палатку из стеблей проса в саду материнского дома. Проводя там целые дни, Домнина непрерывными слезами орошает не только лицо, но и власяные одежды свои, которыми покрывается её тело. Обыкновенно после пения петухов она отправляется в храм Божий, находящийся неподалеку, чтобы вместе с другими мужчинами и женщинами там приносить славословия Владыке всяческих. Так поступает она не только в начале, но и в конце дня, полагая сама и другим внушая, что место, посвященное Богу, досточтимее всякого другого. Поэтому и сама считает его достойным всякого попечения, и мать и братьев убедила тратить своё богатство на дом Божий.

2. Питается она только чечевицей, смоченной в воде, и имеет тело, изнуренное постами и почти полумертвое. Кожа у нее очень тонка и подобна плёнке: она обтягивает также тонкие кости, так как тучные части тела и мускулы её истощены воздержанием. Живёт Домнина открыто для всех желающих видеть ее, будь то мужчины или женщины; только, принимая людей, она и сама не смотрит на лица их, и своего лица не показывает никому, поскольку покрыта покрывалом, достигающим колен. Говоря слабым и неотчетливым голосом, она произносит слова, источая постоянно слезы. Часто, взяв мою правую руку и приложив её к глазам, Домнина отпускала её такой мокрой, будто сама рука источала потоки слез. И какое слово может по достоинству восхвалить эту блаженную, которая, обладая великим богатством любомудрия, плачет, скорбит и стонет, подобно живущим в крайней бедности? Ибо слезы её рождаются из горячей любви к Богу, воспаляя и подстёгивая ум к Божественному созерцанию и заставляя её всем сердцем желать отшествия из мира сего.

3. Проводя так дни и ночи, Домнина не пренебрегает и другими видами добродетели: по возможности она оказывает услуги тем великим подвижникам, о которых мы уже упомянули, и тем, о которых пока умолчали. Заботится она также и о тех, которые к ней приходят, предлагая им жить у пастыря своего селения и сама доставляя им все необходимое, потому что в её распоряжении находится имение матери и братьев, на которое благодаря ей снисходит Божие благословение. Она и мне, когда я прихожу в ту область, находящуюся на севере от нашей, присылает и хлеб, и овощи, и чечевицу, смоченную в воде.

4. Впрочем, до каких пор я буду распространяться, пытаюсь изложить все её добродетели? Не наступило ли время показать и жизнь других жен, которые подражали ей и прочим подвижницам? Ибо было и есть много других жен, проводивших и проводящих жизнь уединённую; другие, любя общежитие, живут вместе, человек по двести пятьдесят (иногда - больше, а иногда - меньше), принимают одну пищу, спят только на рогожах, а когда руки их заняты пряжей, они посвящают язык свой священным псалмопениям.

5. Бесчисленны такие училища любомудрия не только в нашей стране, но и по всему Востоку. Ими наполнены и Палестина, и Египет, и Азия, и Понт, и вся Европа. С того времени, как Христос Владыка наш почтил девство, родившись от Девы, природа стала производить эти, так сказать, луга девства и приносить Творцу благовонные и никогда не увядающие цветы добродетелей, не различая добродетель по мужскому и женскому полу и не разделяя любомудрия на эти две части, потому что христиане различаются только телами, а не духом. Ведь по словам божественного Апостола, во Христе Иисусе нет мужского пола, ни женского (Гал.3,28); одна и та же вера дана и мужам, и женам, ибо один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми и чрез всех и во всех нас (Еф.4,5-6). Одно и Царство Небесное обетовал Судия всех победоносцам, определив за подвиги их эту общую награду.

6. Итак, как я сказал, много есть училищ любомудрия — мужских и женских - не только у нас, но и во всей Сирии, в Палестине, Киликии и Месопотамии. Говорят, что в Египте есть некоторые монастыри, насчитывающие более пяти тысяч мужей, подвизающихся в различных трудах и совместно славящих Владыку. С помощью своих трудов они не только добывают необходимую для них пищу, но помогают приходящим к ним и нуждающимся странникам.

7. Однако поведать обо всём этом было бы невозможным не только для меня одного, но и для всех писателей. Впрочем, даже если бы это и было возможным, считаю сие излишним и бесполезным. Для желающих получить духовную пользу и сказанного мной предостаточно. Для того я и упомянул о различных видах подвижнической жизни, а к повествованию о мужах добавил повествование о женах, чтобы и старцы, и юноши, и жены имели пред собою образцы любомудрия; чтобы каждый, запечатлев в себе полюбившееся

ему житие, считал бы его мерилем и образцом для собственной жизни. И как живописцы, взирая на какой-либо первообраз, делают копии и с глаз, и с носа, и с уст, и с ланит, и с ушей, и со лба, и даже с волос и с бороды, а кроме того, изображают человека сидящим или стоящим, запечатлевают выражение его глаз — суровых или весёлых, — так и те, которые будут читать настоящее повествование, пусть избирают любое удобное им житие, и с ним, по возможности, пусть сообразуют жизнь свою. Как плотники, выравнивая доски по отвесу, до тех пор отпиливают все излишнее, пока не увидят, что доска выровнена соответственно отвесу, так должен поступать и тот, кто хочет подражать жизни какого-либо святого: пусть он сделает её мерилем для себя, отсекая в себе излишки порока и восполняя недостаток добродетели. Для того и предприняли мы настоящий труд, чтобы желающие обрести духовную пользу, могли получить её. А поэтому я прошу читателей, которые без усилий со своей стороны будут пользоваться трудом другого, заплатить за этот труд своими молитвами.

8. Молю и тех, жизнь которых я описал, чтобы не презрели они меня, живущего вдали от их духовного хора, чтобы возвели они долу лежащего на высоту добродетели и присоединили меня к сонму своему, чтобы я не только восхвалял чужое богатство, но и сам имел нечто достойное похвалы, делом, словом и мыслью прославляя Спасителя всех - Христа Бога нашего, Которому со Отцем и Святым Духом, слава и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

XXXI. О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ

1. О том, сколь велики и многочисленны подвижники добродетели и какими сияющими венцами увенчаны они, ясно говорят повествования, запечатленные нами в письменах. Хотя и не все их подвиги упомянуты, но и немногих из этих подвигов вполне достаточно, чтобы показать всю их жизнь. Ибо камень, используемый для пробы золота, не истачивает всё это золото, но, потеряв им немного металл, можно узнать, чистое ли оно или с примесями. Подобным же образом испытывается и лучник: достаточно ему пустить в цель несколько стрел, чтобы всем стало ясно, меткий ли он стрелок или же еще неискусен в своём ремесле. То же можно сказать и о других мастерах своего дела, не перечисляя всех их: атлетах, бегунах, актёрах, кормчих, кораблестроителях, врачах, земледельцах и всех тех, которые занимаются каким-либо ремеслом. Ибо небольшого опыта достаточно для того, чтобы отличить подлинных знатоков своего дела от тех, которые только называются таковыми, на деле же являя свое невежество. Поэтому нет нужды в пространных повествованиях о свершениях святых мужей, но немногого хватает, чтобы представить весь образ жизни, добровольно избранный ими. Ныне же нам следует исследовать и изведать, дабы точно узнать это, откуда исходило побуждение, заставившее сих святых мужей с любовью принять такой образ жизни и какими рассуждениями руководствовались они в достижении вершины любомудрия. Ибо опыт ясно научает, что не на крепость тела уповали они, возлюбив дело, превышающее человеческое естество, преступая пределы, положенные этому естеству, и выходя за границы, установленные для борцов благочестия²⁸⁴.

2. Ибо никто из тех, которые не причастны этому любомудрию, не могут являть подобного мужественного терпения. Хотя и пастухи бывают застигнуты снегопадом, но не всегда: они и в пещерах укрываются, и домой возвращаются, чтобы там отдохнуть немного, и на ноги надевают подобающую обувь, а остальные части тела окутывают теплыми одеждami; дважды, а то и трижды и четырежды в день вкушают они пищу. А ведь добрый кусок мяса и хорошая чаша вина, как известно, согревают тела лучше всякого очага. Ибо когда эта пища, изменившись и будучи как бы процеженной сквозь сито, достигает печени, то там она превращается в кровь и по кровеносной вене поступает в сердце; оттуда, нагревшись, распространяется кровеносными сосудами, словно некими водопроводными каналами, по всем частям тела, не только питая, но и разгорячая их, подобно огню, а тем самым согревает тело лучше всяких мягкошерстных одежд. Ибо тело согревают не хитоны, верхняя и нижняя одежды, как думают некоторые (иначе бы дерево или камень, облаченные в них, также бы согревались, но никто никогда не видел, чтобы они, покрытые одеждami, делались бы более теплыми), — они только сохраняют теплоту тела, ограждают его от доступа холодного воздуха и принимают в себя исходящие от него испарения, сами нагреваясь ими и, уже нагретые, покрывая тело. Свидетельством этого является опыт: ведь часто, ложась на холодное ложе, мы прикосновением тела делаем тёплой постель, которая незадолго до этого была холодной. Поэтому пища лучше всякой одежды согревает тело: вкушающие её досыта обретают в ней достаточную защиту от натиска стужи, ибо этой пищей они вооружают тело и делают его способным переносить холодное время года. Но те, которые не каждый день вкушают пищу и питье, но обуздывают свои позывы голода и жажды, да и едят не то, что может согревать тело, а питаются либо травой, подобно бессловесным животным, либо бобовыми растениями, смоченными в воде, — разве могут они из такой пищи получить тепло, согревающее тело! Разве может такая пища выработать несколько капель крови или хотя бы даже одну каплю её?

3. Поэтому образ жизни подвижников ничем не напоминает образ жизни других людей. Ибо ни одежда у тех и других не является одинаковой, поскольку подвижники носят одеяние самое грубое и менее всего способное согревать, ни пища у тех и других не является одинаковой, а даже противоположная. Ведь, например, пастухам и им подобным любое время годно для вкушения еды, потому что оно определяется только их желанием: если рано утром на них нападает голод, то они немедленно принимаются за пищу и едят то, что послал им Бог, поскольку для них не установлено, что можно есть, а чего нельзя, и они безбоязненно вкушают пищу, какую пожелают. А здесь всё определено: и дни, и часы, и времена, и вид, и мера пищи, а насыщение ею не положено. Поэтому ни один из тех, кто упрекает нас за похвалы жизни монашеской, выставя на вид земледельцев, пастухов и моряков, не может умалить борений великих подвижников. Ибо земледелец, утрудившись за день, ночью обретает покой дома, окруженный заботой своей жены; пастух подобным же образом обладает всем тем, о чем мы уже говорили; что же касается моряка, то, хотя его тело и опалается солнечными лучами, но облегчение он находит в воде, ибо купается сколько захочет, и прохладой воды пользуется как целебным лекарством от солнечного зноя. А подвижники ни от кого не получают облегчения, ибо не живут они вместе с женами, придумывающими всякие утешения мужьям; опалаемые солнечными лучами, не ищут они облегчения в воде; в зимнюю пору не защищают они себя от холода с помощью пищи и не пользуются ночным отдыхом в качестве лекарства от дневной усталости, поскольку ночные труды их тяжелее и продолжительнее дневных. Ведь ночью они вступают в борьбу со сном, не позволяют ему одержать над ними своей сладкой победы, но одолевают его приятнейшую тиранию, совершая всеобщие песнопения Владыке. Поэтому никто из тех, кто чужд их любомудрия, не смог привести свидетельства их стойкого терпения.

4. А если никакой другой из людей не может выдержать такие труды, то ясно, что любовь к Богу делает подвижников способными выходить за пределы человеческого естества. Сожигаемые горным огнём, радостно переносят они нападки стужи, а небесной росой смягчают зной солнечных лучей. Любовь питает, поит, одевает и окрыляет их; она научает их летать, подготавливает воспарять превыше неба, являет им, насколько это возможно, Возлюбленного, разжигая их духовное желание созерцанием вида Его, пробуждает привязанность к Нему и воспламеняет в душах их небесный огонь. Как одержимые телесной любовью в зрении любимого находят пищу для своей одержимости и, тем самым, всё сильнее поражаются стрелами её, так и уязвляемые Божественной любовью, представляя себе ту Божию и чистую Красоту, делают стрелы любви всё более острыми, и чем более они жаждут насладиться Ею, тем более далеки бывают от насыщения. Ведь за телесным удовольствием следует пресыщение, а любовь Божественная не подчиняется законам насыщения.

5. Таков был великий законодатель Моисей, который, многожды сподобившись, насколько это доступно человеку, божественного созерцания, неоднократно насладившись Божественным Гласом, сорок дней пробыв в божественном мраке и приняв Божие законоположение, не только не испытал сытости, но обрёл еще более сильное и горячее желание Бога. Ведь словно оцепенев от упоения этой любовью и впад в самозабвение, не ведал он уже собственного естества, желая видеть то, что не дозволено видеть; словно забыв о владычестве Божиим и помышляя об одной только любви, изрек он Богу всяческих: «Се Ты мне глаголеши: ... благодать имаши у Мене, и вем Тя паче всех. Аще убо обретох благодать пред Тобою, яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя» (Исх. 33,12-13). В такое упоение приведён он был Божественной любовью, и упоение это не угасило в нём жажды, но сделало её более сильной. Чем больше Моисей пил божественное вино, тем больше алкал его, и вкушение этого напитка лишь увеличивало его желание. Как огонь, чем больше в него подбрасывают горючего вещества, тем сильнее проявляется его действие (ведь с умножением этого вещества он не гаснет, а всё более разгорается), так и любовь к Богу распалается созерцанием божественных вещей и действие её от этого становится всё более сильным и горячим. И чем более человек посвящает себя Божественному, тем ярче разгорается в нём пламень любви. И не только один Моисей научает нас этому, но и та Святая Невеста, о которой говорит боговдохновенный Павел: «я обручил вас Единому Мужу, чтобы представить Богу чистою девою» (2 Кор. 1 1,2). А в "Песни песней" эта невеста взывает к жениху: «Яви ми зрак Твой и услышан сотвори ми глас Твой: яко глас Твой сладок, и образ Твой красен» (Песн.2,14). Преисполнившись любви к жениху только по слухам, она не довольствуется ими, но желает услышать и голос Его. Рассказы о красоте жениха окрылили невесту, и Она стремится лицезреть его, выражая свою любовь приведёнными славословиями: «Яви ми зрак Твой, и услышан сотвори ми глас Твой: яко глас Твой сладок, и образ Твой красен».

6. Возлюбив эту Красоту, посредник, соединяющий брачными узами жениха и невесту, — имею в виду боговдохновенного Павла — изрек такое преисполненное любви слово: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание» (Пс.43,23) (Рим.8,35-36). Затем Апостол показывает и причину их стойкого терпения: «Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас Бога» (Рим.8,37). Поэтому, рассматривая, кто мы такие и каких вкусили благ, можно сказать, что

не мы первые возлюбили, но были прежде возлюблены Богом, а потом уже воздали любовью (1 Ин.4,10 и 19); ненавидящие, мы были возлюблены, и, «будучи врагами, мы примирились» (Рим.5,10). И не мы сами умолили сподобить нас этого примирения, но получили, как Ходатая за нас, Единородного Сына; обидевшие, мы были утешены обиженным. А кроме того, подумаем о Том, Кто был распят за нас, о Его спасительных страданиях, о смерти, ставшей отдохновением, и о дарованной нам надежде Воскресения.

7. Принимая во внимание эти и подобные им благодеяния Божий, мы преодолеваем случающиеся с нами скорби и, сравнивая память о благодеяниях с временным злостраданием тела, радостно переносим удары невзгод. Ибо, соизмеряя все печали житейские с любовью к Владыке, мы находим их весьма легкими. А если соберём все вместе мнимые удовольствия и приятности жизни сей, то, противопоставленные Божественной любви, они покажутся нам слабой тенью и мимолетным цветением весенних цветов. Об этом ясно говорит Апостол и в приведённой выше, и в следующей за ней фразе: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим.8,38-39). Поскольку выше, представляя только одно печальное, Апостол говорил о скорби, тесноте, гонении, голоде, нагоде, опасности и мече, то есть насильственной смерти, то здесь он вполне справедливо к горестному присовокупляет и радостное: к смерти жизнь, к чувственному — умопостигаемое, к видимому — незримые Силы, к настоящему и преходящему — будущее и постоянное, а сверх того — глубину геенны и высоту Царства Небесного. Но противопоставив всё это любви и найдя, что оно — и печальное, и радостное — уступает ей, и что утрата любви мучительнее наказания в геенне, а также показав, что он (если бы только это было возможно), при наличии Божественной любви, предпочел бы грозящее наказание обетованному Царству Небесному без любви, Апостол в упоении любви взыскует даже несуществующего ныне и, сравнивая это с Божественной любовью, настаивает: «ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем».

8. Ведь, как говорит он, не только всему в совокупности, видимому и невидимому, предпочитаю любовь к Спасителю и Творцу, но если бы даже обнаружилась какая-нибудь иная тварь, более великая и прекрасная, чем эта, то и она не убедила бы меня изменить сей любви. И если мне кто-нибудь предложит нечто доставляющее радость, но без любви, то я не приму этого; если ради любви постигнут меня невзгоды, они покажутся мне приятными и весьма вожделенными, ибо ради любви голод для меня приятнее роскошных пиров, гонения сладостнее мира, нагота милее пурпурных и златотканых одежд, опасность любезнее безопасности, насильственная смерть желаннее всякой жизни. Потому что сама причина страданий становится для меня отрадой, поскольку шквал невзгод приемлю за Возлюбившего и, одновременно, Возлюбленного. «Ибо не Знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделали праведными пред Богом» (2 Кор.5,21); «Он, будучи богат, обнищал ради нас, дабы мы обогатились Его нищетою» (2 Кор.8,9); Он «искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою» (Гал.3,13); «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп.2,8); «Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим.5,8). Размышляя над этими и подобными им словами, я подумал, что не смог бы обрести Царства Небесного без горней любви; не стал бы избегать и наказания в геенне, если бы было возможно, обладая этой любовью, терпеть мучение адское. Этому ясно научает Апостол и в другом месте: «Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего» (2 Кор.5,14-15). Поэтому живущие уже не для себя, но для Умершего за них и Воскресшего, радостно приемлют все деяния и страдания ради Него.

9. И сравнивая с этой любовью те страдания, которые велики и тяжки для естества человеческого, Апостол называет их легкими и удобоносимыми: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор.4,17). А потом учит, как следует производить сравнение: «когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор.4,18). Ибо, говорит, надлежит сравнивать будущее с настоящим, вечное с временным, славу со скорбью, поскольку слава — вечна, а скорбь — мгновенна; поэтому скорбь — легковесна и удобоносима, а слава — дорога и трудноносима. Вследствие этого выражение «в безмерном преизбытке» Апостол относит и к легкости скорби, и к весомой ценности славы: одна — безмерно мала, легка и преходяща, а другая — также безмерно знаменита, дорога, многоценна и вечна. И в другом месте Павел взывает: «Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор.12,10).

10. Также и великий Петр, уязвлённый этой любовью, зная заранее о своём будущем отречении, не решился скрыться, но признал лучшим отречься от Господа, последовав за Ним, чем бежать, исповедовав Его. И деяния этого Апостола свидетельствуют, что его следование за Господом было плодом любви, а не безрассудной смелости. Ведь и после отречения он не решился покинуть Учителя, но, как научает Евангельское повествование, «плакал горько» (Мф.26,75) и сетовал о своём поражении и геме, еще сильнее

будучи приверженным Господу и удерживаемый узами любви. Затем, услышав благовестие о Воскресении, Петр первым достиг гроба. Также, ловя потом рыбу в Галилее, он, узнав, что стоящий на берегу и беседующий с ними есть Сам Господь, не стал ждать, когда лодка медленно пересечет разделяющее их пространство моря, но восхотел обрести крылья, чтобы по воздуху скорее достигнуть берега. Однако лишенный по природе крыльев, он вместо них использовал руки и, вместо того чтобы лететь по воздуху, поплыл по воде (Ин.21,1-8). Переплыв же и обретя Возлюбленного, он в награду за иоспешание получает предпочтение пред другими учениками Господа. Ибо когда Господь повелел им сесть и разделил оказавшуюся там снедь (Ин.21,9-14), то именно с Петром Он начал беседу, как бы спрашивая и выведывая относительно силы его любви, но, на самом деле, другим открывая любовь великого Петра: «Симон Ионии!» — сказал, — «любишь ли ты Меня больше, нежели они?» А Петр Его Самого призвал во свидетели своей любви, ответив: «так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Ин.21,15). Он как бы подразумевал: "ведь Ты проникаешь в души людей, ясно знаешь каждое движение мысли их и ничто человеческое не сокрыто от Тебя". «Ты познаша еси вся последняя и древняя» (Пс. 138,4-5). А Владыка присовокупил к сказанному еще слова: «паси овец Моих» (Ин.21,16), имея в виду следующее: "Я ни в чем не имею нужды, но считаю великим благодеянием заботу о Моих овцах, которую признаю попечением обо Мне Самом. Поэтому подобает тебе иметь такое же попечение о сорабах твоих, каким пользуешься сам, питать их так, как Я питаю тебя, пасти их так, как Я пасу тебя, и воздавать через них той же благодатью, какой обязан ты Мне".

11. И Владыка дважды вопрошал об этом великого Петра, а тот дважды отвечал и дважды принял рукоположение от Пастыря. Но когда тот же самый вопрос был предложен ему в третий раз, то блаженный Петр опечалился, отвечал не с такой смелостью и не так бесстрашно, но преисполнился он боязни, смятение вошло в душу его, начал он колебаться в решительности ответа своего и страшиться того, не предвидит ли Владыка его второго отречения и не смеется ли Он над его смелыми высказываниями о своей любви. Умом своим Негр возвратился к прежним временам и вспомнил о том, как раньше он неоднократно настаивал, что даже до смерти не оставит Учителя, а на это услышал от Него: «прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мф.26,34); он обнаружил, что его обещание не исполнилось, а пророчество Владыки осуществилось. Воспоминание об этом привело Петра в трепет и не позволило ему с прежней смелостью дать подобающий ответ. Острые и тяжкие жала скорби уязвили его, ведение уступил он Владыке и не сопротивлялся он, как прежде, говоря: «хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя» (Мф.26,35), но сказал, что свидетелем своей любви имеет Самого Владыку, исповедовал только, что точное ведение обо всем принадлежит Одному Творцу всяческих, и изрек: «Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Ин.21,17). Подразумевал: "что люблю, Ты знаешь и свидетельствуешь, но пребуду ли в любви, Ты знаешь лучше меня, а я ничего не скажу о будущем и не буду спорить о том, чего не знаю, ибо научен опытом, что не следует противоречить Владыке. Ты - Источник Истины, Ты - Бездна Ведения, и научен я пребывать в пределах, Тобою положенных".

12. Владыка же, видя трепет, объявший Петра, и в совершенстве зная его любовь, предсказанием о мученической кончине расторгает его страх (Ин.21,18), свидетельствует о его любви, подтверждает исповедание Петра и это лекарство исповедания накладывает на рану отречения. Поэтому, как думаю, Господь и требовал троекратного исповедания: чтобы к трём ранам отречения приложить такое же число раз лекарство и чтобы открыть присутствующим там ученикам пламень любви. Своим предсказанием о кончине Петра Он и его самого утешил, и других научил, что отречение его произошло по Божию Домостроительству, а не по воле первоверховного Апостола. И на это указывает Сам Спаситель и Господь наш, говоря: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк.22,31-32). Говорит: "как Я укрепил тебя, поколебавшегося, так и ты будь опорой колеблющимся братьям твоим, оказывай им помощь, какой пользуешься сам, и не отталкивай поскользнувшихся, но поднимай на ноги подвергающихся опасности. Для того и попускаю тебе преткнуться, но не позволяю тебе окончательно пасть, поскольку чрез тебя приготавливаю опору колеблющимся".

13. Так сей великий столп укрепил колеблющуюся вселенную, не допустил её полного падения, но поддержал и соделал её непоколебимой; получив повеление пасти овец Божиих, он терпел поношения за них и веселился, когда били его. Выходя вместе с сотоварищем своим из лукавого синадрина, он радовался, «что за имя» Владыки «удостоился принять бесчестие» (Деян.5,41). Брошенный в темницу, он и там радовался и веселился. И когда при Нероне был осужден принять смерть на кресте за Распятого, то просил палачей пригвоздить его к брусью не так, как Владыку, но распять наоборот, боясь, как кажется, чтобы его равенство с Господом в страдании не заставило неразумных воздавать ему и одинаковую честь. Поэтому умолял пригвоздить его руками вниз, а ногами вверх. Ведь Петр научился избирать последнее место не только в почести, но и в бесчестии. И если бы возможно было бы десять или пятьдесят раз претерпеть такую смерть, то он, сожигаемый Божественной любовью, принимал бы её каждый раз с великим удовольствием. Об этом же возглашает и божественный Павел: «Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том по-

хвалою вашу, которую я имею во Христе Иисусе» (1 Кор .15,31); «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал.2,19-20).

14. Поэтому приявший Божественную любовь пренебрегает всеми земными вещами, попирает все телесные удовольствия, презирает богатство, славу и почесть человеческую; в его глазах царская порфира ничем не отличается от паутины, а драгоценные камни подобны обычным камешкам, рассыпанным по берегам реки. Телесное здравие он не считает блаженством, а болезнь не называет несчастьем; бедность не именуется бедой, а богатство и роскошь не признаёт счастьем; всё это, как он справедливо думает, подобно речным потокам, которые протекают мимо посаженных по берегам деревьев, но не задерживаются ни у одного из них. Равным образом красота, бедность и богатство, здоровье и болезнь, честь и бесчестие и всё другое, что течет по естеству человеческому подобно речным потокам, не пребывает, как это можно наблюдать, всегда у одних и тех же, но постоянно переходит от одних к другим. Многие живущие в достатке впадают в крайнюю бедность, а многие из нищих вступают в число богачей. А болезнь и здоровье путешествуют, так сказать, по всем телам — томятся ли они голодом или же роскошествуют.

15. Только добродетель, или любомудрие, является постоянным благом. Оно преобладает и руки грабителя, и язык клеветника, и град неприятельских стрел и дротиков; не бывает добычей горячки, игрушкой волн и не терпит ущерба от кораблекрушения. Время не умаляет силу его, но, наоборот, эта сила со временем возрастает. Веществом же любомудрия является Божественная любовь. Ибо невозможно преуспевать в любомудрии, не став горячим любителем Бога; более того, оно и называется "любомудрием" потому, что Бог есть Премудрость и "Премудростью" именуется. Ибо блаженный Павел говорит о Боге всяческих: «нетленному, невидимому, единому, премудрому Богу» (1 Тим. 1,17); о Единородном изрекает: «Христос, Божия сила и Божия премудрость» (1Кор. 1,24) и «дана нам премудрость от Бога, праведность и освящение и искупление» (1 Кор.1,30). Поэтому подлинный любомудр справедливо может быть назван и "боголюбом". А боголюбец презирает всё прочее, устремляя взор свой к Одному Возлюбленному, предпочитая служение Ему всему остальному: только то говорит, делает и мыслит, что угодно и благоприятно Возлюбленному, и ненавидит то, что Он запрещает.

16. Пренебрегши этой любовью и оказавшись неблагодарным к Благодетелю, Адам в воздаяние за свою неблагодарность пожал тернии, труды и беды (Быт.3,1 и далее). Авель же, сохранив незыблемой любовь к Подателю благ, презрев наслаждения чрева и предпочтя всему прочему служение Богу, был украшен неувядаемыми венками, пожиная себе хвалу в памяти всех поколений (Быт.4,3 и далее). Также и Енох, стяжавший эту истинную и неподдельную любовь, хорошо посеял и еще лучше пожал, в награду за служение Богу будучи взят на небо, получив бессмертную донныне жизнь и славную и достопочтимую память в сердцах людей всего здешнего века (Быт.5,23-24). И что можно сказать о боголюбии Ноя, которого не одолел никакой напор беззаконных? Когда все уклонились и избрали любовь противную, он один шествовал прямым путём, предпочитая всему Творца; поэтому он один со своими детьми обрёл спасение, оставив семя естеству и сохранив искру жизни для рода человеческого (Быт. 14, 18-21). Также и великий архиерей Мелхиседек, возгнушавшись безумием идолопоклонников, священство своё посвятил Творцу всяческих (Быт. 14,18-21), за что и принял великую награду, став прообразом и сенью Того, Кто поистине есть «без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни» (Евр.7,3).

17. Ход рассуждения приводит нас к тому, кто назван "другом Божиим", кто добросовестно сохранил законы дружбы и научил им других. Ибо кто из тех, которые получили хоть какое-нибудь воспитание в вещах божественных, не знает, как великий Авраам был послушен Божию призыванию, как оставил он отчий дом и отечеству предпочел чужбину? Раз и навсегда возлюбив Призвавшего его, он признал всё другое второстепенным по отношению к дружбе с Ним и, несмотря на многие трудности, не оставлял Возлюбленного под предлогом неисполнения Его обетовании; но и томимый жаждой, -когда ему препятствовали испить воды из колодцев, им же самим вырытых, он не досадовал на Призвавшего и не мстил обидчикам. Он терпел приступы голода, но не погасил в себе пламень любви; он лишился супруги, сияющей красотой, украшенной целомудрием и всегда делающей жизнь его приятной, однако вместе с женой не была отнята у него любовь к Богу — наоборот, с помощью Божией, упражнявшей его в долготерпении и попустившей удары несправедливости, всегда пребывал одинаково любящим. Стал он старцем, но не сделался отцом, — и тогда не изменил своего благорасположения к Тому, Кто обещал его сделать отцом, хотя пока и не выполнил Своего обещания. Когда же позднее обетование исполнилось, естество Сарры было преобездожено, превзойдены пределы старости и он стал отцом Исаака, то недолго Авраам наслаждался этой радостью: едва дитя стало отроком, как повелевается принести его в жертву Давшему, возратить дар Подателю, быть жрецом плода обетования, принести в жертву великий источник народов и обагрить руки кровью единородного сына. Однако хотя всё это, и даже большее, заключалось в жертве, патриарх не воспротивился, не стал уклоняться под предлогом прав природы, не указал на данные ему обещания, не напомнил о том, что старость его нуждается в попечении и что кто-то должен позаботиться о его погребении, но, отвергнув всякий помысел человеческий, любви противопоставил любовь, а закону — закон, то есть закону природы

— закон Божий, а поэтому поспешил совершить жертвоприношение и нанёс бы, несомненно, удар, если бы Великодаровитый, видя его усердие, не помешал тотчас закланию. Но я не знаю, способно ли какое-нибудь слово описать эту любовь. Ведь тот, кто не пощадил своего единокровного сына, когда Возлюбленный повелел заковать его, разве не пренебрег бы чем-нибудь другим ради Него?

18. И великий Исаак стяжал такую же любовь к Владыке, а также сын его — патриарх Иаков. Божественные Писания воспевают боголюбие обоих и Сам Бог всяческих не отделяет ветвей от корня, но именует Себя «Богом Авраама, Богом Исаака и Богом Иакова» (Исх.3,15-16). Благочестивым плодом был Иосиф — старец среди юношей, сильный среди старцев, боголюбие которого ни зависть не истребила, ни рабство не угасило, ни лесть госпожи не обокрала, ни угроза и страх не иссушили, ни клевета, темница и долгое время не одолели, ни власть, могущество, роскошь и богатство не исторгли из сердца; но он всегда и одинаково пребывал в этом боголюбии, устремляя очи к Возлюбленному и исполняя Его законы. Стяжав эту любовь, и Моисей пренебрёг пребыванием в царских чертогах, «лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение» (Евр. 11,25). Однако следует ли продолжать и сверх меры распространять рассуждение об этом? Ведь весь сонм пророков, предавшийся этой любви и украшенный ею, преуспел в совершеннейшей добродетели и оставил после себя приснопамятную славу. Также хор Апостолов и лики мучеников, приняв в себя огонь её, пренебрегли всем видимым и предпочли бесчисленные виды смертей всем сладостям жизни. Возлюбив Божественную Красоту, поразмыслив о Любви Божией к нам и подумав о тысячах благодеяний Божиих, они посчитали срамом для себя не желать этой Божественной Красоты, проявив неблагодарность к Благодетелю. Поэтому и сохранили свой завет с Ним вплоть до смерти.

19. И новые подвижники добродетели, жизнь которых мы кратко описали, возлюбив ту же Красоту, вступили в те же великие состязания, препобеждая человеческое естество. Наставниками их в этом были Божественные Писания, ибо вместе с великим Давидом воспевают они: «Господи Боже мой, возвеличился еси зело, во исповедание и в велелепоту облекляя еси. Одейся светом яко ризою, простирала небо яко кожу» (Пс. 103,1-2). И другие глаголы Писания наставляют относительно Премудрости и Силы Его: «Господь воцарися, в лепоту облечеса: облечеса Господь в силу и препоясая» (Пс.92,1), ибо «исправи вселенную, яже не подвижится» (Пс.95,10). И здесь возвещается о Его Премудрости, Красоте и Силе. В другом месте говорится: «Красен добротою паче сынов человеческих» (Пс.44,3). Здесь псалмопевец восхвалил человеческую красоту Бога Слова. Воспевает и премудрость Его: «излияся благодать во устнах Твоих» (Пс.44,3). Показывает И силу: «Препояши меч Твой по бедре Твоей, Сильне. Красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успевай, и царствуй истины ради и кротости, и правды» (Пс.44,4-5). И Исайя взывает: «Кто сей пришедый от Едома, червлены ризы Его от Воссора? Сей красен во утвари Его, зело с крепостию» (Ис.63,1). Ибо человеческие ризы не сокрыли Божественной Красоты Его, но, облаченный в них, Он блистал цветущей юностью-, чтобы побудить взирающих на Него подчиниться Божественной любви. Об этом говорит и святая невеста, беседующая с Ним в "Песни Песней": «Миро изливанное имя Твое. Сего ради отроковицы возлюбиша Тя, привлекоша Тя, в след Тебе в воню мира Твоего потекли» (Песн.1,1-2). Ибо юные души, ощущая благоухание Твое, желают и стремятся постигнуть Тебя; удерживаемые этим благоуханием, они не хотят расторгнуть узы — сладостные и добровольно наложенные. Созвучны с этим и слова божественного Павла: «Ибо мы Христово благоухание... в спасаемых и в погибающих: для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» (2 Кор.2,15-16).

20. Подвижники эти научаются Божественным Писанием, что Господь прекрасен, обладает неизреченным богатством, что Он — Источник премудрости, в силах совершить всё, что пожелает, изливает на людей Своё безмерное Человеколюбие, источает реки кротости и желает только одного — одарять людей Своими благодеяниями. Также научаются они и богоносными мужами относительно бесчисленных видов этих благодеяний и, уязвляемые сладкими стрелами любви и будучи членами невесты, с нею вместе взывают: «уязвлены любовью и мы» (Песн.5,8). Ибо великий Иоанн изрекает: «вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин.1,29). А пророк Исайя предвозвещал будущее, как уже совершившееся, говоря: «Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем. Язвою Его мы исцелехом» (Ис.53,5) и всё другое подобное, что сказано пророком о спасительных страданиях Господа. Провозглашает и Павел: «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим.8,32); и еще: «от имени Христова просим: примиритесь с Богом. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (2 Кор.5,20-21).

21. Обретая такие и подобные им глаголы у ставших служителями Слова Божия, новые подвижники добродетели со всех сторон побуждаются к Божественной любви и, пренебрегая всем, представляют в уме Возлюбленного и прежде чаемого нетления делают своё тело духовным. И мы также, восприняв эту любовь, очарованные красотой Жениха, побуждаемые обетованными благами, устыженные множеством благодеяний Божиих и убоявшись наказания за свою неблагодарность, становимся любящими хранителями

законов Его. Ибо определение дружбы таково: любить и ненавидеть то же, что любит и ненавидит друг. Поэтому Бог сказал Аврааму: «Благословлю благословящая тя, и кленущия тя проклену» (Быт. 12,3). А Давид говорит Богу: «Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже» (Пс.138,17); также: «Не ненавидащия ли Тя, Господи, возненавидя, и о вразех Твоих истаях? Совершенною ненавистию возненавидех я, бо врази быша ми» (Пс.138,21-22); и в другом месте: «Законопреступныя возненавидех, закон же Твой возлюбих» (Пс. 118,113), а также: «Коль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть» (Пс.1 18,97). Поэтому очевидное доказательство любви к Богу есть соблюдение законов Божиих: «кто любит Меня, тот соблюдает заповеди Мои» (Ин.14,23), сказал Владыка Христос. С Ним слава, честь и поклонение Отцу со Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.
